

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Бестселлер «Нью-Йорк Таймс»

Исповедь экономического убийцы

Джон Перкинс

Annotation

Книга Дж. Перкинса — первый в мире автобиографический рассказ о жизни, подготовке и методах деятельности особой сверхзасекреченной группы «экономических убийц» — профессионалов высочайшего уровня, призванных работать с высшими политическими и экономическими лидерами интересующих США стран мира. В книге—исповеди, ставшей в США и Европе бестселлером, Дж. Перкинс раскрывает тайные пружины мировой экономической политики,

объясняет странные «совпадения» и «случайности» недавнего времени, круто изменившие нашу жизнь.

Автор предисловия и редактор русского издания лауреат премии «Лучшие экономисты РАН» доктор экономических наук, профессор Л.Л.Фитуни, руководитель Центра глобальных и стратегических исследований ИАФ РАН

Книга впервые была опубликована Berrett-Koehler Publishers, Inc., San Francisco, CA, USA. Все права защищены.

© Pretext, 2005 Authorized translation into Russian

© 2004 Berrett-Koehler Publishers, Inc.

© 2004 by John Perkins

© Леонид Леонидович Фитуни,

предисловие, научная редакция
русского издания, 2005

Перевод - к.ф.н. Мария

Анатольевна Богомолова

- [ИСПОВЕДЬ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УБИЙЦЫ](#)
 - [Предисловие к русскому
изданию](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть I: 1963–1971](#)
 - [Глава 1. РОЖДЕНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УБИЙЦЫ](#)
 - [Глава 2. «НА ВСЮ](#)

ЖИЗНЬ»

- Глава 3. ИНДОНЕЗИЯ:
УРОКИ ДЛЯ ЭУ
- Глава 4. СПАСЕНИЕ
СТРАНЫ ОТ
КОММУНИЗМА
- Глава 5. ПРОДАВАЯ
ДУШУ

○ Часть II: 1971–1975

- Глава 6. Я В РОЛИ
ИНКВИЗИТОРА
- Глава 7.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОД
СУДОМ
- Глава 8. ИИСУС
ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ
- Глава 9.
ЕДИНСТВЕННЫЙ

ШАНС В ЖИЗНИ

- Глава 10. ПРЕЗИДЕНТ ПАНАМЫ И ГЕРОЙ

- Часть II: 1971–1975

- Глава 11. ПИРАТЫ В ЗОНЕ ПАНАМСКОГО КАНАЛА
- Глава 12. СОЛДАТЫ И ПРОСТИТУТКИ
- Глава 13 БЕСЕДЫ С ГЕНЕРАЛОМ
- Глава 14. ВСТУПАЯ В НОВЫЙ, ЗЛОВЕЩИЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
- Глава 15. ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ

САУДОВСКОЙ АРАВИИ

- Глава 16.
СВОДНИЧЕСТВО И
ФИНАНСИРОВАНИЕ
УСАМЫ БЕН-
ЛАДЕНА

- Часть III: 1975–1981

- Глава 17.
ПЕРЕГОВОРЫ ПО
ПАНАМСКОМУ
КАНАЛУ И ГРЭМ
ГРИН
- Глава 18. ИРАНСКИЙ
ЦАРЬ ЦАРЕЙ
- Глава 19. ИСПОВЕДЬ
ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРОГО ПЫТАЛИ

- Глава 20. ПАДЕНИЕ ЦАРЯ
- Глава 21. КОЛУМБИЯ: ЗАМКОВЫЙ КАМЕНЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ АРКИ
- Глава 22. АМЕРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ
- Глава 23. РЕЗЮМЕ, ВВОДЯЩЕЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ
- ЧАСТЬ IV: 1981 — по настоящее время
 - Глава 26. СМЕРТЬ

ПРЕЗИДЕНТА
ЭКВАДОРА

- Глава 27. ПАНАМА:
ЕЩЕ ОДНА СМЕРТЬ
ПРЕЗИДЕНТА
- Глава 28. МОЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
КОМПАНИЯ,
«ЭНРОН» И ДЖОРДЖ
БУШ
- Глава 29. Я БЕРУ
ВЗЯТКУ
- Глава 30.
СОЕДИНЕННЫЕ
ШТАТЫ
ВТОРГАЮТСЯ В
ПАНАМУ
- Глава 31. ПРОВАЛ ЭУ

В ИРАКЕ

- Глава 32. 11 СЕНТЯБРЯ
И ЕГО
ПОСЛЕДСТВИЯ
ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ

- Глава 33.
ВЕНЕСУЭЛА:
СПАСЕННАЯ
САДДАМОМ

- Глава 34.
ВОЗВРАЩЕНИЕ В
ЭКВАДОР

- Глава 35. ПРОРЫВАЯ
НАРУЖНЫЙ СЛОЙ

- Эпилог
- Биография Джона Перкинса
- Об авторе

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
-

ИСПОВЕДЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УБИЙЦЫ

Предисловие к русскому изданию

«Код Перкинса» — так назвал я для себя эту книгу, когда закрыл ее последнюю страницу, оторвавшись наконец от увлекательного чтения. Что это — исповедь раскаявшегося государственного киллера или мастерски исполненная тайная угроза? Предупреждение тем, кто, прочитав ее, немедленно поймет, что оно адресовано лично им и другим посвященным?

С необычной откровенностью Перкинс признается в принадлежности к некой структуре,

связанной с Управлением национальной безопасности США, в рамках которой действуют «экономические убийцы». Их задача — подталкивать правительства суверенных государств к проведению рекомендуемого комплекса социально—экономических реформ, обещающих модернизацию экономики, развитие современного рыночного хозяйства, привлечение прогрессивных технологий через иностранные инвестиции. Ключевым элементом любого мегапроекта такого рода являются чрезмерные внешние заимствования, расходуемые на приобретение в первую очередь американских

товаров и услуг.

Российский читатель наверняка с большим интересом заглянет на кухню, где высокооплачиваемые экономические советники готовят рекомендации, следование которым заставит течь повседневную жизнь простых граждан страны именно так, а не иначе. Реформы реализуются именно так, как их прописали, вне зависимости от волеизъявления населения или даже смены правительства. С подкупающей прямотой Перкинс повествует о механизме научного эконометрического обоснования дутых показателей роста, с помощью которых одариваемых попросту

обводят вокруг пальца.

Автор знает, о чем говорит. Джон Перкинс — высокопоставленный экономический советник, работавший при правительствах многих стран мира, талантливый экономист (несмотря на ироничную самокритику, содержащуюся в книге, его исследования действительно внесли определенный вклад в теорию эконометрики). Работа «киллера от экономики» заключалась в проведении в жизнь политики, защищавшей интересы американской корпоратократии (союза правительства, банков и корпораций) под видом борьбы с экономической

отсталостью.

Джон Перкинс — человек—загадка. Некогда профессиональный работник секретных служб, занимавший высшие руководящие должности в крупнейших транснациональных корпорациях, он к тому же преуспевающий предприниматель и состоятельный человек. Такие люди не склонны к порывам и необдуманном поступкам. Почему же он вдруг решил рассказать о глубинной и обычно неафишируемой подоплеке, казалось бы, не связанных между собой событий, в наступлении которых играл не последнюю роль?

За плечами и на совести автора

— специальные операции по проведению масштабных экономических преобразований в Индонезии, Панаме, Эквадоре, Колумбии, Саудовской Аравии, Иране и других странах, которые США провозгласили зонами своих жизненных интересов. Перкинс рассказывает о том, как он помогал воплотить секретную схему, направившую миллиарды нефтедолларов Саудовской Аравии в экономику Соединенных Штатов. Это способствовало еще большему укреплению личных отношений между традиционалистской саудовской монархией и целым рядом американских

высокопоставленных чиновников. Он раскрывает тайную механику имперского контроля, стоявшую за некоторыми наиболее драматическими событиями современной истории, например падением шаха Ирана, смертью президента Панамы Омара Торрихоса, вторжениями США в Панаму и Ирак, неудачной попыткой свергнуть избранного президента Венесуэлы.

Выйдя в свет, книга Перкинса почти что моментально попала в десятку национальных бестселлеров США, тем самым подтвердив востребованность темы. Характерно, что она появилась именно сейчас,

когда американское общество переживает кризис трансформации самосознания. По-видимому, окончательно отходят в прошлое хрестоматийные мотивационные стереотипы американских идеалов XIX века. Одинокая сверхдержава не может быть ничем иным, кроме империи.

Так о чем же эта книга? О лицемерии продажных политиков, болтающих об ускорении развития путем привлечения иностранных инвестиций? А может быть, она — зловещая демонстрация того, что в новом однополярном мире от них ровным счетом ничего не зависит, сборник ледянящих их души

примеров, наглядно демонстрирующих, что с ними сделает глобальная империя, если по наивности или, на свою беду, неожиданно прозрев, они попытаются восстать против развала, грабежа и унижения?

Действительно ли автор не побоялся раскрыть тайну едва ли не главного оружия корпоратократии или лежащая перед вами книга — зловещий сигнал, приказ молчать и бояться всем тем, кто самонадеянно относит себя к «независимо мыслящей элите» и считает, что может принимать участие в самостоятельном определении путей развития своей страны?

Секрет успеха книги Дж. Перкинса в том, что каждый может толковать ее скрытый смысл так, как сочтет нужным. Для кого-то она станет тем, чем выглядит при первом знакомстве, — светлым и немного наивным призывом к познанию себя, к построению нового, более справедливого и совершенного мира. Другие узрят в ней «черную метку» для тех, кто волею судеб оказался у кормила власти в зависимой нестабильной стране, обладающей богатыми природными ресурсами, на которые «положили глаз» рыщущие вокруг хищники.

В любом случае — это увлекательный и откровенный

рассказ о том, как устроен современный мир, что вращает колеса глобализации и почему где-то все время сияет солнце, а где-то вечная непогода.

Л.Л. Фитуни, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии «Лучшие экономисты РАН», руководитель Центра глобальных и стратегических исследований ИАФ РАН

Моим родителям, Рут
Муди и Джейсону
Перкинсу, которые,
несмотря на свои
недостатки, научили меня
жить и любить и воспитали

во мне мужество и
смелость, благодаря чему я
и написал эту книгу

Предисловие

*Экономические убийцы
(ЭУ) - это
высокооплачиваемые
профессионалы, которые
выманивают у разных
государств по всему миру
триллионы долларов.
Деньги, полученные этими
странами от Всемирного
банка, Агентства США по
международному развитию
(USAID) и других
оказывающих «помощь»
зарубежных организаций,
они перекачивают в сейфы*

крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при выборах, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую как мир игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем

говорю. Я сам был ЭУ.

Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием «Совесть экономического убийцы». В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Ролдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панамы. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против братства глав корпораций, правительств и банков, цель которого — создание

глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Ролдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода — направленные ЦРУ шакалы, которые всегда подстраховывали наши действия.

Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих двадцати лет я четыре раза брался за нее снова. Каждый раз к этому меня подталкивало какое-нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году, первая война в Заливе, события в Сомали, появление Усамы бен-Ладена. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться.

В 2003 году президент крупного издательства, которым владеет влиятельная международная корпорация, прочитал черновик того, что впоследствии превратилось в книгу «Исповедь экономического убийцы». По его словам, это была «захватывающая история, которую следует рассказать». Затем, печально улыбнувшись и покачав головой, он сообщил мне, что не возьмет на себя смелость опубликовать эту книгу, поскольку его начальству в международной штаб-квартире это может не понравиться. Он посоветовал написать на основе книги художественное произведение. «Мы могли бы продавать твои книги,

если бы ты выступил как романист — подобно Джону Ле Карре или Грэму Грину».

Но эта книга — не художественное произведение. Это реальная история моей жизни. Более смелый издатель, чье издательство не принадлежит международной корпорации, согласился помочь мне рассказать ее.

Эта история *должна быть* рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса — и невероятных возможностей. История этого конкретного экономического убийцы — это история о том, как мы оказались там, где мы есть сейчас, и почему мы столкнулись с кризисом,

который кажется нам непреодолимым. Эта история должна быть рассказана, потому что, только осознав ошибки, совершенные в прошлом, мы сможем использовать во благо возможности, открывающиеся нам в будущем; потому что произошли события 11 сентября, потому что началась вторая война в Ираке, потому что помимо трех тысяч людей, погибших от руки террористов 11 сентября 2001 года, еще двадцать четыре тысячи умерли от голода. Фактически, двадцать четыре тысячи людей гибнет каждый день оттого, что они не имеют достаточно еды для поддержания жизненных сил [\[1\]](#). Но самое главное

— эта история должна быть рассказана, потому что впервые за всю историю одно государство имеет возможности, средства и власть, достаточные для изменения всего этого. Это государство, в котором я родился и которому служил в качестве ЭУ: Соединенные Штаты Америки.

И все-таки что же заставило меня забыть про взятки и угрозы?

Короткий вариант ответа состоит в следующем. Моя единственная дочь, Джессика, закончив колледж, вступила в самостоятельную жизнь. Когда не так давно я сообщил ей, что собираюсь написать эту книгу, и

поделился своими опасениями, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если до тебя доберутся, я продолжу с того места, где ты остановишься. Мы должны сделать это для внуков, которых я надеюсь когда-нибудь тебе подарить». Это короткий ответ на вопрос.

Более длинный вариант ответа связан с преданностью стране, в которой я вырос; с любовью к идеалам, сформулированным отцами—основателями нашего государства; с моими обязательствами по отношению к Америке, которая сегодня обещает «жизнь, свободу и возможность счастья» для всех людей и везде; с

моим решением после 11 сентября не сидеть сложа руки, наблюдая, как ЭУ превращают республику в глобальную империю. Это скелет длинного ответа; его кровь и плоть читатель найдет в нижеследующих главах.

Это реальная история. Я прожил каждую ее минуту. Все описанные мною суждения, разговоры и чувства были частью моей жизни. Это рассказ обо мне, и все же он существует в контексте глобальных событий, которые повлияли на нашу историю, привели нас туда, где мы сегодня находимся, и заложили основы будущего наших детей. Я старался максимально точно

отразить все события, описать действующих лиц и передать разговоры. Рассуждая об исторических событиях или воссоздавая диалоги, я пользуюсь несколькими источниками: уже опубликованными документами; своими записями; воспоминаниями — как собственными, так и других участников; пятью начатыми мною ранее рукописями; историческими отчетами других авторов, особенно опубликованными недавно, содержащими ранее засекреченную или закрытую по тем или иным соображениям информацию. Система ссылок позволяет заинтересовавшимся читателям

более подробно разобраться в том или ином вопросе.

Мой издатель спросил, действительно ли мы называли друг друга экономическими убийцами. Я заверил, что так оно и было, хотя преимущественно использовалась аббревиатура. В 1971 году, когда я начал работать со своим преподавателем Клодин, она сообщила мне: «Моя задача — сделать из вас «экономического убийцу». Никто не должен знать о вашей работе, даже жена». Потом она стала серьезной: «Если вы принимаете решение этим заниматься, вы будете заниматься этим всю жизнь». Впоследствии она

редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто «ЭУ».

Роль Клодин — это прекрасный пример манипулирования, лежащего в основе того бизнеса, частицей которого я стал. Красивая, умная, она всегда знала и добивалась, чего хотела; она находила мои слабые точки и использовала их с максимальной пользой для себя. Сам характер ее обязанностей и то, как она их исполняла, наглядно показывают, какие изощренные люди стояли за этой системой.

Клодин не стеснялась в выражениях, описывая то, что мне придется делать. Моя работа,

говорила она, будет заключаться в «подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов эти лидеры оказываются в долговой ловушке, которая и обеспечивает их лояльность. Когда нам будет это необходимо, мы сможем использовать их для удовлетворения наших политических, экономических или военных нужд. В свою очередь, они укрепляют свое политическое положение, поскольку дают своим народам технопарки, электростанции, аэропорты. А тем

временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми».

Сегодня мы видим, что результаты этой системы вышли из-под контроля. Руководители наших самых уважаемых корпораций нанимают людей на мизерные зарплаты для работы в нечеловеческих условиях на производствах где-нибудь в Азии. Нефтяные компании бездумно сливают отраву в протекающие через ливневые леса реки, по сути осознанно убивая людей, животных и растения, совершая геноцид в отношении древнейших культур. Фармацевтические предприятия

лишают миллионы ВИЧ-инфицированных африканцев доступа к необходимым для выживания лекарствам. Двенадцать миллионов семей в наших родных Соединенных Штатах не знают, будет ли у них завтра еда [\[2\]](#). Энергетическая промышленность породила «Энрон». Финансовая индустрия дала нам «Андерсен». Соотношение доли душевого дохода $1/5$ населения мира в наиболее развитых странах к доле $1/5$ в беднейших странах взмыло от 30 к 1 в 1960 году до 74 к 1 в 1995 году [\[3\]](#). США тратят более 87 миллиардов долларов на войну в Ираке, тогда как,

согласно подсчетам ООН, меньше чем половины этой суммы достаточно, чтобы обеспечить чистой водой, питанием, медицинской помощью и базовым образованием всех и каждого на планете [\[4\]](#).

И после этого мы удивляемся, почему на нас нападают террористы?

Кое-кто может сказать, что причина проблем — тщательно организованный заговор. Ах, если бы все было так просто! Заговорщиков можно было бы выявить и предать суду. Нынешняя система зиждется, однако, на вещах более опасных, чем заговор. Ею правит не умысел малочисленной кучки людей, а

непререкаемая, как Евангелие, вера в то, что экономический рост несет благо всему человечеству и что чем выше этот рост, тем больше выигрывают все люди. Из этого кредо вытекает следующее: тот, кто высекает благословенную искру экономического роста, должен быть возвышен и вознагражден; стоящий же в стороне подлежит эксплуатации.

Конечно, эта концепция неверна. Мы знаем, что во многих странах экономический рост приносит пользу только небольшой части населения, при этом часто ставя большинство в чрезвычайно тяжелое положение. Такая ситуация

подкрепляется проистекающим
отсюда общепринятым мнением, что
промышленные магнаты,
управляющие этой системой,
должны обладать особым статусом.
Это мнение лежит в основе многих
из наших нынешних бед, и,
возможно, именно оно стало одной
из причин такого распространения
теории заговора. Когда в людях
поощряется жадность, жадность
становится главным мотиватором
разложения. Когда мы оправдываем
безоглядное пожирание ресурсов
планеты; когда учим наших детей
подражать людям, ведущим
неуравновешенный образ жизни;
когда считаем, что большие группы

населения земного шара подчинены элитарному меньшинству, — мы сами напрашиваемся на неприятности. И получаем их.

В своем стремлении к глобальной империи корпорации, банки и правительства (совокупно называемые «корпоратократией») используют свою финансовую и политическую мускулатуру для того, чтобы наши школы, фирмы и средства массовой информации исповедовали то же кредо со всеми вытекающими выводами и логическими продолжениями. Они уже подвели нас к точке, когда вся наша мировая культура превратилась в чудовищную машину, непрерывно

пожирающую все большее количество топлива и нуждающуюся во все усложняющемся обслуживании. В конце концов она истребит все вокруг и, не имея другого выбора, начнет пожирать самое себя.

Корпоратократия — это не заговор, однако основные действующие лица в обоих случаях исповедуют единые ценности и связаны общими целями. Одна из наиболее важных функций корпоратократии — сохраняя, постоянно расширять и укреплять систему. Жизнь тех, кому она «удалась», их реквизит — дома, яхты, частные самолеты — преподносятся

нам как образцы для подражания, чтобы вдохновить нас всех на потребление, потребление и потребление. Используется любая возможность, чтобы убедить нас в том, что покупать вещи — это наш гражданский долг, что разграбление природных богатств полезно для экономики и, следовательно, служит нашим высшим интересам. Такие люди, как я, получают возмутительно высокие зарплаты за то, что выполняют приказы системы. Если мы ошибаемся, в дело вступают наши страшные двойники, шакалы. А если и шакал ошибается, тогда за работу берутся военные.

Эта книга — исповедь человека,

который, будучи ЭУ, имел относительно немного коллег. Сейчас таких людей стало больше. Названия их должностей ласкают слух. Они ходят по коридорам «Монсанто», «Дженерал электрик», «Найк», «Дженерал моторе», «Уолл-Март» и многих других крупнейших в мире корпораций. На самом деле «Исповедь экономического убийцы» — книга не только обо мне, но и о них.

Эта книга и о тебе, читатель, о твоём и моём мире, о первой поистине глобальной империи. История подсказывает, что, если мы не изменим ход повествования, оно закончится трагически. Империи не

живут вечно. У всех империй был трагический конец. Стремясь к расширению своих владений, они уничтожают многие культуры, а потом сами приходят в упадок. Ни одна страна или союз нескольких стран не могут бесконечно процветать за счет эксплуатации других.

Эта книга была написана для того, чтобы мы задумались и изменили нашу жизнь. Я уверен, что, когда достаточно людей осознает, как нас эксплуатирует экономический механизм, возбуждающий неутолимую потребность в природных ресурсах, и в результате создает системы, возвращающие

рабство, мы больше не сможем терпеть это. Тогда мы пересмотрим нашу роль в этом мире, где единицы купаются в роскоши, а большинство задыхается в нищете, грязи и насилии. Тогда мы посвятим себя поискам пути к состраданию, демократии и социальной справедливости для всех.

Осознание проблемы есть первый шаг к ее решению. Признание греха есть путь к его искуплению. И пусть эта книга станет началом нашего спасения. Пусть она поднимет нас на новые ступени сознательности и поможет воплощению мечты о гармоничном и достойном уважения обществе.

Эта книга не была бы создана без многих людей, с которыми меня свела жизнь и о которых я буду писать дальше. Я благодарен им за опыт и за преподнесенные мне уроки.

Я также благодарен людям, поддержавшим меня в том, чтобы взять на себя риск и рассказать эту историю: Стефан Рехтштаффен, Билл и Линн Твист, Энн Кемп, Арт Роффи, а также многие участники поездок и семинаров «Дрим чейндж», в частности мои помощники по проекту Ив Брюс, Линн Робертс-Херрик, Мэри Тендалл и моя замечательная, удивительная жена и коллега в течение вот уже двадцати

пяти лет, Уинифред, и наша дочь Джессика.

Я благодарен многим людям, которые предоставили мне инсайдерскую информацию о многонациональных банках, международных корпорациях и политических перипетиях в различных странах мира. Особая благодарность Майклу Бен-Эли, Сабрине Болоньи, Хуану Габриэлю Карраско, Джеми Грант, Линн Роберте, Полу Шоу и некоторым другим, пожелавшим сохранить свои имена в тайне (они знают, кого я имею в виду).

Когда рукопись была готова, основатель издательства «Берретт—

Кёлер» Стивен Пиерзанти не только взял на себя смелость принять книгу к изданию, но также, будучи великолепным редактором, не щадя времени помогал мне работать над ней. Я приношу глубочайшую благодарность Стивену и Ричарду Перлу, который представил меня ему, а также Нове Браун, Рэнди Фиат, Алену Джонсу, Крису Ли, Дженнифер Лисе, Лаури Реллочауд и Дженни Уильяме за критические замечания в адрес рукописи; Дэвиду Кортену, который не только прочитал и сделал замечания, но и заставил меня потрудиться, чтобы поднять рукопись на уровень заданных им стандартов; Полу Федорко, моему

агенту; Валери Брюстер, изрядно потрудившейся над дизайном английского издания, Тодду Манца, моему редактору, знатоку слова и выдающемуся философу.

Особая благодарность — Дживану Сивасубраманияну, управляющему редактору «Берретт-Кёлер», и Кену Лупоффу, Рикку Уилсону, Марии Жезуш Агило, Пату Андерсону, Марине Кук, Майклу Кроули, Робину Доновану, Кристену Франтцу, Тиффани Ли, Катерин Ленгронн, Диане Платнер — всем сотрудникам «БК», которые поняли, что пришла пора пробудить сознание, и кто без устали работает, чтобы сделать этот мир лучше. Я

благодарю всех, кто работал со мной в МЕЙН, не зная о том, что помогают ЭУ в формировании глобальной империи. Особая благодарность моим подчиненным, а также коллегам, с которыми мы разделили так много прекрасных мгновений в наших поездках в дальние страны.

Я благодарю Эхуда Сперлинга и его сотрудников в «Иннер традишнс интернэшнл», издателя моих предыдущих книг о местных культурах и шаманизме и хороших друзей, которые помогли мне стать писателем.

Я навек благодарен людям, которые приглашали меня в свои

жилища в джунглях, пустынях, горах,
в картонные домики вдоль каналов в
Джакарте, в трущобы во многих
городах всего мира, которые
делились со мной пищей и жизнью и
которые стали для меня величайшим
источником вдохновения.

Джон Перкинс,

Палм–Бич–Гарденс

Август

2004

Пролог

Кито, столица Эквадора, распростерся в долине вулканического происхождения в Андах, на высоте девяти тысяч футов. Жителей города, основанного задолго до открытия Колумбом Америки, не удивляют снежные шапки на окружающих их горных вершинах, хотя они живут всего лишь в нескольких милях к югу от экватора.

Городок Шелл, пограничный аванпост и военная база, построенный в джунглях Амазонки для обслуживания нефтяной

компании, в честь которой он и был назван, расположился почти на восемь тысяч футов ниже, чем Кито. Душный город, в котором живут в основном солдаты, рабочие—нефтяники, а также местные жители из племен шуар и кечуа, которые занимаются проституцией и неквалифицированным трудом.

Дорога, связывающая два города, одновременно и захватывающая, и мучительная. Местные жители расскажут вам, что в ходе поездки вы побываете во всех временах года за один день.

Много раз проезжая по этой дороге, я не уставал любоваться живописными видами. С одной

стороны дороги поднимаются крутые утесы, прошитые каскадами водопадов, украшенные яркими бромелиями, родственниками ананасов. С другой стороны земля вертикально проваливается в ущелье, по которому течет река Пастаса. Она берет начало в ледниках Котопакси, одного из самых высоких в мире действующих вулканов, который древние инки считали божеством, и впадает в Атлантический океан в трех тысячах миль.

В 2003 году я выехал в своем «Субару» из Кито и направился в Шелл с заданием, подобного которому я не получал никогда раньше. Я надеялся положить конец

войне, которую сам когда-то помог развязать. Мы, ЭУ, несем ответственность за очень многие вещи, и в частности за локальные войны, о которых никто не знает за пределами самих воюющих стран. Я должен был встретиться с шуарами, кечуа, их соседями ачуарами, сапаро и шивиарами — племенами, которые были намерены не допустить нефтяные компании на свои земли, не дать им разрушить их дома и семьи, даже если бы для этого им всем пришлось погибнуть. Для них это была война за выживание их детей, за будущее их культур, тогда как мы воевали за власть, деньги и природные ресурсы. Для нас это

была борьба за мировое господство и воплощение мечты горстки алчных людей — создание глобальной империи [\[5\]](#).

Это то, что у нас, ЭУ, получается лучше всего: глобальная империя. Мы представляем собой элитную группу мужчин и женщин, использующих всемирные финансовые организации для создания таких условий, при которых другие народы вынуждены подчиниться корпоратократии, управляющей нашими крупнейшими компаниями, нашим правительством и банками. Как и члены мафиозных группировок, ЭУ «делают одолжения». Такие одолжения

принимают форму займов для развития инфраструктуры: предприятий электроэнергетики, скоростных магистралей, портов, аэропортов, технопарков. Условием предоставления займа является то, что работы по этим проектам выполняют строительные и инженерные фирмы только из нашей страны. Фактически, большая часть средств так и не уходит за пределы США: деньги просто переводятся из банковских организаций в Вашингтоне в строительные организации в Нью-Йорке, Хьюстоне или Сан-Франциско.

Несмотря на то что деньги практически немедленно

возвращаются в корпорации — члены корпоратократии (то есть к кредиторам), страна, получающая заем, обязана выплатить его назад с процентами. Если ЭУ превосходно справился со своим заданием, займы будут настолько велики, что должник уже через несколько лет будет не способен выплачивать долг и окажется в ситуации дефолта. И вот тогда, подобно мафии, мы требуем себе шейлоковского «фунта живой плоти». Таковой часто состоит из одной или нескольких позиций: страна должна голосовать по нашей указке в ООН, позволить разместить наши военные базы и допустить к драгоценным природным ресурсам,

например к нефти или к Панамскому каналу. Конечно, при этом должник по-прежнему остается должником — и вот еще одна страна вошла в нашу глобальную империю.

В тот солнечный день 2003 года, продвигаясь от Кито к Шеллу, я возвращался мыслями на тридцать пять лет назад, когда я впервые приехал в эту часть мира. Я прочитал, что, хотя Эквадор по величине равен штату Невада, в нем более тридцати действующих вулканов, около пятнадцати процентов всех известных ученым видов птиц, тысячи еще не нашедших места в ботанических классификациях растений. Кроме

того, это страна многочисленных культур, в которой по-испански говорит столько же людей, сколько говорит на древних местных языках. Я был очарован этой экзотикой, однако на ум приходили совсем другие слова: «чистая», «нетронутая», «невинная».

За тридцать пять лет многое изменилось.

Во время моей первой поездки в 1968 году «Тексако» только-только обнаружила нефть в долине эквадорской Амазонки. Сегодня нефть составляет почти половину экспорта страны. Через трансандский нефтепровод, построенный вскоре после моего

первого визита, в хрупкую экосистему ливневых лесов уже вытекло более полумиллиона баррелей нефти — это в два раза больше, чем было пролито «Экксоном–Валдез» [\[6\]](#). Сегодня ЭУ строят новый нефтепровод протяженностью триста миль и стоимостью 1,3 миллиарда долларов [\[7\]](#). Организованный для этого консорциум обещает сделать Эквадор одним из десяти мировых поставщиков нефти в США. Погибли ливневые леса на огромных территориях, исчезли попугаи и ягуары, три культуры Эквадора поставлены на край гибели, чистейшие реки превратились в

пылающие сточные канавы.

Примерно в тот же период местные племена начали оказывать сопротивление. Например, 7 мая 2003 года группа американских адвокатов, представлявших более тридцати тысяч коренных эквадорцев, подала иск на один миллиард долларов против «Шеврон Тексако». В иске говорится, что в 1971–1992 годах нефтяной гигант сливал в землю и реки ежедневно около четырех миллионов галлонов токсичной промышленной воды, содержащей нефть, тяжелые металлы и канцерогены, и что компания оставила незакрытые могильники с отходами, которые продолжают

убивать людей и животных [\[8\]](#).

Из окна своего «Субару» я вижу огромные клубы тумана, зарождающегося в лесах и поднимающегося вверх по каньонам Пастасы. Рубашка промокла от пота, живот свело судорогой — но не только от тропической жары и извилистой горной дороги. Это была расплата за ту роль, которую я сыграл в разорении этой страны. Из-за моего коллеги, ЭУ, и меня Эквадор теперь в значительно худшем состоянии, чем до того, как его познакомили с чудесами современной экономики, банковского дела и техники. С 1970 года за период, который называли

«нефтяной бум», официальный уровень нищеты вырос от 50 до 70 процентов, безработица — с 15 до 70 процентов, государственный долг — с двухсот сорока миллионов долларов до шестнадцати миллиардов долларов [\[9\]](#). За это же время доля природных ресурсов, выделенных для беднейших слоев населения, уменьшилась с 20 до шести процентов.

К сожалению, Эквадор не исключение. Почти все страны, которые усилиями ЭУ были подтянуты под зонтик глобальной империи, имели схожую участь [\[10\]](#). Долг стран третьего мира вырос до более чем двух с половиной

триллионов долларов, стоимость его обслуживания — до трехсот семидесяти пяти миллиардов в год по состоянию на 2004 год — это больше, чем тратят все страны третьего мира на здравоохранение и образование, и в двадцать раз больше того, что развивающиеся страны получают ежегодно в качестве экономической помощи. Почти половина населения мира живет на менее чем два доллара в день, примерно столько же они получали в начале семидесятых. В то же время от 70 до 90 процентов частного капитала и недвижимости в странах третьего мира принадлежат одному проценту семей этих стран; более

точные показатели зависят от конкретной страны [\[11\]](#).

Сбросив скорость, «Субару» пробирался по улочкам красивого курортного городка Баньос. Он известен своими горячими источниками, образованными подводными вулканическими реками, стекающими с действующего вулкана Монте–Тунгурагуа. Рядом с машиной бежали дети, пытаясь продать нам жевательную резинку и печенье. Но вот Баньос остался позади. Живописные виды внезапно кончились: «Субару», выехав из рая, попал в современный вариант дантовского ада.

Из реки поднимался гигантский

монстр — огромная серая стена. Этот мокрый цемент со стекающими с него каплями выглядел совершенно противоестественно и никак не сочетался с окружающим ландшафтом. Конечно, я не должен был удивляться, увидев эту стену. Я всегда знал, что она вот-вот выскочит из засады. Я видел ее много раз раньше и в прошлом превозносил ее как символ свершений ЭУ. И тем не менее мурашки побежали у меня по спине.

Эта ужасная стена была дамбой, которая перегораживает реку Пастаса, отводит ее воды через огромные тоннели, пробитые в горе, и превращает энергию реки в

электричество. Это 156-мегаваттная Агоянская гидроэлектростанция. Она питает промышленность, благодаря которой процветает горстка эквадорских семей, и одновременно является источником невысказанных страданий для фермеров и местных жителей, обитающих по берегам реки. Гидроэлектростанция — один из многих проектов, осуществленных усилиями ЭУ, в том числе и моими. Подобные проекты и привели к тому, что Эквадор вошел в глобальную империю. Из-за них же шуары и кечуа объявили войну нашим нефтяным компаниям.

Из-за проектов ЭУ Эквадор погряз в иностранных долгах и

вынужден тратить на их выплату огромную часть бюджета, вместо того чтобы использовать эти деньги для оказания помощи миллионам своих граждан, официально находящихся за чертой бедности. Единственная возможность Эквадора снизить международный долг — продать ливневые леса нефтяным компаниям. Конечно, ЭУ обратили свои взоры на Эквадор в первую очередь из-за нефтяного моря под долиной Амазонки, которое якобы сопоставимо по объемам с нефтяными запасами на Ближнем Востоке [\[12\]](#). Глобальная империя требует своего «фунта живой плоти» в виде нефтяных концессий.

Это требование встало особенно остро после событий 11 сентября 2001 года, когда Вашингтон начал опасаться, что поток ближневосточной нефти может быть перекрыт. К тому же в Венесуэле, третьей по величине стране — поставщике нефти, на президентских выборах победил популист Уго Чавес. Он сразу же встал в оппозицию тому, что он называл «империализмом США», угрожая прекратить продажу нефти Соединенным Штатам. ЭУ провалились в Ираке и Венесуэле, но зато преуспели в Эквадоре; теперь мы будем доить его до последней капли.

Эквадор — типичный пример страны, которую ЭУ загнали в политико-экономическую ловушку. Из каждой сотни долларов, извлекаемых в виде нефти из ливневых лесов Эквадора, нефтяные компании забирают 75 долларов. Три четверти оставшихся 25 долларов идут на выплату внешнего долга. Из того, что в итоге остается, большая часть расходуется на армию и правительство. Здравоохранение, обучение и программы поддержки беднейшего населения получают лишь около двух с половиной долларов [\[13\]](#). Таким образом, из каждой сотни долларов, получаемых в виде нефти в долине Амазонки,

меньше чем три доллара попадает к людям, более остальных нуждающимся в деньгах, к тем, чьи жизни были перевернуты дамбами, бурением, нефтепроводами, к тем, кто умирает от недостатка еды и питьевой воды.

Все эти люди — а их миллионы в Эквадоре, миллиарды во всем мире — потенциальные террористы. Не потому, что они верят в коммунизм, анархизм или являются воплощением зла, а просто потому, что они в отчаянии. Глядя на эту плотину, я подумал — и подобное часто случалось со мной во многих других местах мира: когда же эти люди перейдут к действиям, как

американцы против англичан в 1770–х или латиноамериканцы против Испании в начале 1800–х?

Изошренность этой современной глобальной империи заставила бы устыдиться римских центурионов, испанских конкистадоров, европейских колониалистов XVIII–XIX веков. Мы, ЭУ, действуем умело; мы выучили уроки истории. Сегодня мы не держим в руках меч. Мы не носим латы или одежду, которая выделяла бы нас. В таких странах, как Эквадор, Нигерия и Индонезия, мы одеваемся как местные учителя или владельцы магазинов. В Вашингтоне или Париже мы похожи на

государственных чиновников или банкиров. Мы выглядим как обычные люди. Нас можно увидеть на строительных площадках и в обнищавших деревнях. Мы говорим об альтруизме, с помощью местных газет рассказываем о том, какие чудесные гуманитарные проекты мы осуществляем. На длинных столах в комнатах совещаний правительственных комитетов мы раскладываем свои таблицы с выводами и финансовыми расчетами, мы читаем лекции в Гарвардской школе бизнеса о чудесах макроэкономики. Мы открыты, мы подотчетны. Или представляем себя таковыми и так же воспринимаемся.

Такова система. Мы редко обращаемся к каким-либо незаконным средствам, потому что сама система построена на хитрости, а система по определению легитимна.

Однако — и это очень важное предостережение — если мы не справляемся со своей задачей, в дело вступают представители более зловещей породы, которых мы, ЭУ, называем шакалами. Это люди, чье происхождение прослеживается напрямую от ранних империй. Шакалы всегда на месте, хотя их и не видно в тени. Но стоит им выйти из тени, происходит низвержение глав государств или они вдруг гибнут в

ужасных «дорожных происшествиях» [14]. А если случается, что и шакалы не могут выполнить свою задачу, как это произошло в Ираке и Афганистане, тогда идут в ход старые методы. Туда, где не справились шакалы, посылают американскую молодежь — убивать и умирать.

Когда я проезжал мимо этого монстра, гигантской стены из серого бетона, выступающей из воды, я чувствовал, как намокла от пота моя одежда, как напряглись нервы. Я направлялся в джунгли на встречу с местными жителями, готовыми сражаться до последней капли крови, чтобы остановить наступление империи, которую я помогал

создавать. Меня захлестывало чувство вины. Как, спрашивал я себя, милый мальчик из деревенского Нью-Гемпшира мог вляпаться в такой грязный бизнес?

Часть I: 1963–1971

Глава 1. РОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УБИЙЦЫ

Все началось вполне невинно.

Я родился в 1945 году. Единственный ребенок в семье, относящейся к нижнему слою среднего класса. Мои родители происходили из семей, предки которых три века назад обосновались в Новой Англии. Несколько поколений предков—пуритан дали себя знать в строгих, моралистических взглядах обоих родителей. Они оба первыми в своих семьях получили образование в

колледже — за счет государственных стипендий. Моя мать стала преподавателем латыни в старших классах. Мой отец участвовал во Второй мировой войне. Лейтенант военно-морских сил, он командовал орудийным расчетом на танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере в Нью-Гемпшире, он лечил перелом бедра в тexasском госпитале. Я увидел его, только когда мне уже исполнился один год.

Отец стал преподавать языки в школе Тилтон, интернате для мальчиков в сельском Нью-Гемпшире. Здание интерната располагалось на холме, гордо —

некоторые говорили «высокомерно» — возвышаясь над городом-тезкой. Набор в это привилегированное учебное заведение был ограничен пятьюдесятью местами в каждом классе, с девятого по двенадцатый. Ученики были в основном отпрыски состоятельных семей из Буэнос-Айреса, Каракаса, Бостона и Нью-Йорка.

В семье не хватало наличных денег, однако мы ни в коем случае не считали себя бедными. Хотя зарплата школьных учителей была весьма скромная, многое мы получали бесплатно: еду, жилье, отопление, воду, услуги рабочих, косивших газон и убиравших снег. Начиная с

четвертого года жизни я питался в столовой подготовительной школы, подавал мячи в футбольной команде, в которой отец был тренером, и выдавал полотенца в раздевалке.

Было бы недостаточно сказать, что учителя и их жены чувствовали превосходство по отношению к местным жителям. Я много раз слышал, как мои родители в шутку говорили, что они лорды в поместье, управляющие крестьянами — имелись в виду обитатели городка. Я знал, что это не просто шутка.

Когда я учился в начальных и средних классах, моими друзьями были ребята из очень бедных крестьянских семей. Их родители

были чернорабочими на фермах и мельницах, лесорубами. Они пренебрежительно относились к «приготовишкам на горе». В свою очередь, и мои родители не поощряли общение с городскими девчонками, называя их «шлюхами» и «потаскушками». С первого класса я дружил с этими девочками, мы обменивались книгами и мелками; с течением времени я по очереди влюбился в трех из них: Энн, Присциллу и Джуди. Мне было очень трудно принять точку зрения своих родителей, тем не менее я подчинился их воле.

Каждый год мы проводили летний трехмесячный отпуск отца в

коттедже на берегу озера. Его построил мой дед в 1921 году, расположив его в лесу, где по ночам до нас доносились крики совы и рык горных львов. У нас не было соседей. Я был единственным ребенком на всю округу. Мне представлялось, что деревья вокруг — это рыцари Круглого стола и прекрасные дамы, которых я от тоски называл в разные годы Энн, Присцилла или Джуди. Мои чувства, без сомнения, ничуть не уступали по своей силе страсти Ланцелота к Гиневре и были даже еще более потаенными.

В четырнадцать лет я получил право на бесплатное обучение в школе Хилтон. Под влиянием

родителей я порвал все нити, связывавшие меня с городком, и больше уже никогда не видел своих старых друзей. Когда мои новые одноклассники разъезжались на каникулы в свои особняки и пентхаузы, я оставался в школе один. Их подружки были «дебютантками» — дочерьми в родовитых семьях. У меня вообще не было подружек. Все мои знакомые девочки были «потаскушками». Я прекратил общение с ними, и они забыли обо мне. Я остался один, что очень огорчало меня.

Мои родители были мастерами манипуляции. Они уверяли меня, что иметь возможность учиться в этой

школе — большая честь; со временем я пойму это и буду им благодарен. Я найду прекрасную жену, отвечающую высоким моральным стандартам нашей семьи. Внутри я кипел. Я жаждал общения с противоположным полом — секса, и мысль о «потаскушке» была в высшей степени соблазнительной.

Однако вместо того чтобы восстать, я подавил свое негодование. Мое недовольство нашло выражение в том, что я стремился стать лучшим во всем. Я был отличником, капитаном двух школьных команд, редактором школьной газеты. Я был полон решимости выделиться среди своих богатых одноклассников и

навсегда оставить школу Тилтон. В выпускном классе мне предложили полную спортивную стипендию для получения образования в Брауне, а также академическую стипендию для обучения в Миддлбери. Я выбрал Браун прежде всего потому, что мне нравилось заниматься спортом, а также потому, что он находился в городе. Моя мать закончила Миддлбери, отец получил там степень магистра, поэтому, хотя Браун и входил в «Лигу плюща», родители предпочли Миддлбери.

— А если ты сломаешь ногу? — спросил отец. — Академическая стипендия лучше.

Я уступил.

В моем понимании Миддлбери был увеличенной копией Тилтона, хотя и находился в деревенском Вермонте, а не в деревенском Нью-Гемпшире. Да, в нем было совместное обучение. Но я был беден, остальные студенты — богаты. Четыре года я учился в школе с раздельным обучением, где не было ни одной ученицы. Мне не хватало уверенности в себе, и я чувствовал себя жалким отщепенцем. Я умолял отца разрешить мне уйти из колледжа или хотя бы взять годовой отпуск. Мне хотелось уехать в Бостон, где бы я мог больше узнать о жизни и о женщинах. Он даже слушать об этом не хотел.

— Как я смогу готовить учеников к поступлению в колледж, если мой собственный сын не хочет в нем учиться? — спрашивал он.

Я пришел к пониманию, что жизнь есть набор случайных обстоятельств. То, как мы на них реагируем, как мы проявляем свою так называемую свободную волю, — это и есть наша сущность. Выбор, который мы делаем на поворотах судьбы, и определяет, что мы собой представляем. В Миддлбери произошли две случайные встречи, определившие мою судьбу.

Одна — с иранцем, сыном генерала, личным советником шаха. Другая — с красивой молодой

женщиной по имени Энн.

Иранец, я буду называть его Фархад, ранее был профессиональным футболистом в Риме. Природа наградила его атлетической статью, черными вьющимися волосами, карими глазами с мягким взглядом. Все это в совокупности с его прошлым и особой харизмой делало его неотразимым для женщин. Во многих отношениях он был моей противоположностью. Мне пришлось потрудиться, чтобы завоевать его дружбу. Он научил меня многим вещам, которые впоследствии мнегодились. Кроме того, я познакомился с Энн. И

хотя у нее был молодой человек из другого колледжа, она взяла меня под свое крыло. Наши платонические отношения стали моей первой настоящей любовью.

Общаясь с Фархадом, я стал выпивать, ходить на вечеринки, перестал слушаться родителей. Я сознательно прекратил учиться, решив сломать свою «академическую ногу», чтобы отомстить отцу. Оценки ухудшились, меня лишили стипендии. После полутора лет обучения я решил бросить колледж. Отец пригрозил отречься от меня, Фархад подзадоривал. Я ворвался в кабинет декана и потребовал, чтобы меня отчислили. Это был

поворотный момент в моей жизни.

Мы с Фархадом отмечали мой последний день в местном баре. Пьяный фермер, гигантских размеров мужик, решив, что я флиртую с его женой, поднял меня в воздух и швырнул о стену. Фархад вскочил между нами и, выхватив нож, полоснул фермера по щеке. Затем, протащив меня по комнате, он выпихнул меня в окно, на карниз, нависший высоко над заливом Выдр. Мы оба спрыгнули и, пробравшись берегом реки, вернулись в общежитие. На следующее утро, когда меня допрашивал полицейский, я наврал и сказал, что ничего не знаю о случившемся. Тем

не менее Фархада исключили. Мы оба переехали в Бостон, где вместе сняли квартиру. Я нашел работу в «Рекорд Америкэн/Сандэй эдвертайзер» в качестве персонального помощника главного редактора «Сандэй эдвертайзер».

В том же 1965 году нескольких из моих знакомых по газете призвали в армию. Чтобы не попасть под призыв, я поступил в Бостонский университетский колледж делового администрирования. К тому времени Энн уже порвала со своим парнем и теперь часто приезжала ко мне из Миддлбери. Мне было приятно ее внимание. Она закончила колледж в 1967 году, мне же еще оставалось год

учиться. Энн категорически отказалась переезжать ко мне до того, как мы поженимся. Хотя я и шутил насчет того, что меня шантажируют, и действительно обижался на то, что мне казалось продолжением архаичного и ханжеского набора моральных принципов моих родителей, мне нравилось быть с ней вместе и хотелось большего. Мы поженились.

Отец Энн, прекрасный инженер, в свое время изобрел навигационную систему для важного класса ракет и за это получил высокую должность в Военно—морском департаменте. Его лучший друг, которого Энн называла дядя Фрэнк (это вымышленное имя),

занимал руководящий пост в высших эшелонах Агентства Национальной Безопасности (АНБ), самой малоизвестной — и, по моим оценкам, самой крупной — шпионской организации в стране.

Вскоре после того, как мы поженились, меня, как лицо призывного возраста, вызвали для прохождения медосмотра. Я был признан годным для армейской службы. Передо мной встала перспектива Вьетнама по окончании университета. Сама идея сражаться в Юго-Восточной Азии была ужасна, хотя война всегда была притягательна для меня. Я воспитывался на рассказах о своих

предках — колонизаторах, среди которых были Томас Пейн и Этан Аллен. В Новой Англии и северной части штата Нью-Йорк я прошел по местам сражений всех войн: войны с индейцами и Войны за независимость. Я прочел все исторические романы, которые смог найти. Когда специальные подразделения американской армии только вошли в Юго-Восточную Азию, я мечтал о том, чтобы меня призвали. Но по мере того как средства массовой информации рассказывали о грубых промахах и непоследовательности американской политики, мое отношение менялось. Я задавал себе вопрос: на чьей

стороне был бы Пейн? Я был уверен, что он присоединился бы к нашим врагам вьетконговцам.

На помощь пришел дядя Фрэнк. Он сообщил мне, что работа в АНБ дает право на отсрочку от армии, и организовал несколько собеседований в своем управлении, включая целый день изнурительных тестов на полиграфе. Мне сообщили, что все эти собеседования и тесты помогут определить, подхожу ли я вообще для работы в АНБ, и, если да, выявят мои сильные и слабые стороны, чтобы подобрать наиболее подходящую работу. Учитывая мое отношение к Вьетнамской войне, я был убежден, что провалю эти тесты.

В ходе собеседований я сообщил, что, будучи лояльным гражданином США, я против войны, и был сильно удивлен, когда мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах в связи с тем, что я рос как бедный пуританин среди обеспеченных одноклассников, вкушавших все радости жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях по поводу отсутствия общения с женщинами, секса и денег в моей жизни и о фантазиях, которые возникали в результате этой нехватки. Меня

поразило внимание, с которым они отнеслись к моим отношениям с Фархадом, и интерес к тому, что я соврал полицейским, чтобы не выдать его.

Поначалу я думал, что все эти вещи, на мой взгляд говорившие о моих недостатках, не позволят принять меня в АНБ. Но собеседования продолжались, а это свидетельствовало об обратном. Только через несколько лет я понял, что с точки зрения АНБ эти недостатки есть скорее достоинства. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные

обстоятельства моей жизни. Злость на родителей, одержимость женщинами, мои амбиции относительно хорошей жизни дали им крюк, на который меня можно было зацепить. Мое стремление быть первым в учебе и спорте, мой бунт против отца, мое умение ладить с иностранцами, моя готовность лгать полиции — это были как раз те черты, которые они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада сотрудничал с разведкой США в Иране; соответственно моя дружба с ним была со всей определенностью записана мне в плюс.

Через несколько недель после тестирования в АНБ мне предложили

начать обучение искусству шпионажа. Обучение должно было начаться спустя несколько месяцев, после того как я получу степень в Бостонском университете. Однако прежде чем официально принять это предложение, я, повинувшись внутреннему порыву, посетил семинар, который проводил в университете рекрутер Корпуса мира. Самым привлекательным моментом было то, что работа в Корпусе мира, как и в АНБ, давала право на отсрочку от армии.

Решение посетить этот семинар было одной из кажущихся незначительными случайностей, но, как выяснилось, сыграло важную

роль в моей судьбе. Рекрутер рассказал о нескольких районах на земном шаре, где особенно остро требовалась помощь добровольцев. Одним из таких мест были ливневые леса Амазонки, где, по его словам, население вело примерно такой же образ жизни, как коренные жители Северной Америки до появления европейцев.

Я всегда мечтал пожить, как абнаки, населявшие Нью-Гемпшир в те времена, когда там впервые появились мои предки. Я знал, что в моих жилах течет и кровь абнаки. Мне хотелось изучить законы леса, которые так хорошо понимали мои предки. После выступления

рекрутера я подошел к нему и спросил о возможности получить назначение на Амазонку. Он уверил меня, что в этом регионе значительная потребность в добровольцах и что у меня великолепные шансы туда попасть. Я позвонил дяде Фрэнку.

К моему удивлению, дядя Фрэнк с одобрением отнесся к моей идее насчет Корпуса мира. Он признался мне, что после падения Ханоя — а в те дни люди его положения не могли сомневаться, что он будет взят, — Амазонка станет горячим местечком.

— Место напичкано нефтью, — сказал он. — Нам понадобятся там хорошие агенты — люди, умеющие

общаться с местными.

Он уверил меня, что Корпус мира станет для меня великолепной школой, и настоятельно рекомендовал хорошо изучить испанский язык, а также местные диалекты.

— Возможно, — усмехнулся он, — в конечном итоге ты окажешься в частной фирме, а не на государственной службе.

Тогда я не понял, что он имел в виду. Меня переводили из категории шпионов в ЭУ, хотя в то время я не был знаком с этим термином и слышал о нем только через несколько лет. Я не представлял себе, что сотни людей, мужчин и женщин,

во всем мире работают на консалтинговые компании, фирмы и другие частные организации. Эти люди никогда не получали ни пенни государственной зарплаты и тем не менее служили интересам империи. Не мог я представить и то, что количество людей, занимающих должности с еще более благозвучными наименованиями, будет исчисляться тысячами к началу XXI века и что я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Мы с Энн написали заявления о приеме на работу в Корпус мира и попросили послать нас в бассейн Амазонки. Когда мы получили

уведомление о приеме на работу, нашему разочарованию не было границ. В письме говорилось, что мы будем работать в Эквадоре.

«О нет, — подумал я. — Я же хотел на Амазонку, а не в Африку».

Я стал искать Эквадор в атласе. К моему удивлению, на Африканском континенте его не было. Тогда я обратился к указателю и обнаружил, что Эквадор действительно находится в Латинской Америке. На карте было видно, что речные системы, берущие начало из андских ледников на территории Эквадора, образуют истоки могучей Амазонки. Далее я узнал, что джунгли Эквадора —

самые обширные и труднопроходимые в мире и что местные жители вели такой же образ жизни, как и их предки тысячами лет ранее. Мы приняли это назначение.

Закончив курсы Корпуса мира в Южной Калифорнии, мы в сентябре 1968 года направились в Эквадор и оказались среди людей, образ жизни которых действительно напоминал образ жизни коренного населения Северной Америки до колонизации. В Андах мы работали с потомками инков. Я никогда не думал, что подобные места еще сохранились. Ведь до этого единственными латиноамериканцами, с которыми

мне доводилось общаться, были состоятельные ученики в школе, где преподавал отец. Мне понравились туземцы, жившие охотой и земледелием. Я ощущал странное родство с ними. Каким-то образом они напоминали мне друзей-бедняков из городка моего детства.

Однажды на взлетно-посадочной площадке нашей общины появился человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом «Чаз.Ти.Мейн, инк.» (МЕЙН), международной консалтинговой фирмы. Эта организация, предпочитавшая оставаться в тени, проводила исследования с целью определить

целесообразность выдачи
Всемирным банком миллиардного
кредита Эквадору и его соседям на
строительство гидроэлектростанций
и других объектов инфраструктуры.
Эйнар, кроме того, был еще
полковником запаса армии США.

Он начал вести со мной
разговоры о преимуществах работы в
такой организации, как МЕЙН. Когда
я упомянул, что до вступления в
Корпус мира меня приняли в АНБ и я
собирался вернуться к ним, он
сообщил мне, что иногда действует
как их посредник. Он так посмотрел
на меня, что я заподозрил, что одной
из его задач была оценка моих
возможностей. Теперь я понимаю: он

занимался обновлением моего досье; особенно его интересовала моя способность выжить в условиях, которые большинство жителей Северной Америки сочли бы враждебными.

Пару дней мы вместе провели в Эквадоре, а потом поддерживали связь по почте. Он попросил готовить для него отчеты с оценкой экономических перспектив Эквадора. У меня с собой была портативная пишущая машинка, я любил писать и поэтому с удовольствием выполнил его просьбу. За год я послал ему по меньшей мере пятнадцать длинных писем. В них я рассуждал о политическом и

экономическом будущем Эквадора, оценивал растущее недовольство в общинах туземцев, их попытки противостоять нефтяным компаниям, международным агентствам по развитию и прочим организациям, пытающимся приобщить их к цивилизации.

Когда моя поездка по линии Корпуса мира была окончена, Эйнар пригласил меня на собеседование в штаб-квартиру МЕЙН в Бостоне. В беседе он подчеркнул, что основным бизнесом МЕЙН была инженерия, но крупнейший клиент МЕЙН, Всемирный банк, недавно потребовал, чтобы они взяли в штат экономистов для создания

экономических прогнозов в целях определения выполнимости и важности инженерных проектов. Эйнар посетовал, что нанял трех экономистов очень высокой квалификации с безупречными дипломами: двух — со степенью магистра и одного доктора наук. Они все провалились самым жалким образом.

— Никто из них, — сказал Эйнар, — не в состоянии сделать экономический прогноз по странам, где нет надежной статистики.

Он рассказал мне, что, помимо этого, они сочли невозможным соблюдение условий контракта, который обязывал их выезжать в

отдаленные страны, такие, как Эквадор, Индонезия, Иран и Египет, интервьюировать местных лидеров, давать личную оценку перспектив экономического развития в этих регионах. С одним случился нервный срыв в отдаленной панамской деревне; панамские полицейские сопровождали его в аэропорт и отправили обратно в Штаты.

— Твои письма свидетельствуют о том, что ты в состоянии работать, даже когда нет доступа к достоверным данным. А учитывая условия, в которых ты жил в Эквадоре, я уверен, что ты сможешь выжить почти везде.

Он сказал, что уже уволил

одного из экономистов и готов поступить таким же образом с остальными в случае, если я соглашусь на эту работу.

Вот так и получилось, что в январе 1971 года мне предложили должность экономиста в МЕЙН. Мне исполнилось двадцать шесть — чудесный возраст, в котором становишься неинтересным для призывной комиссии. Я посоветовался с семьей Энн. Они поддержали меня в выборе работы. Думаю, в этом сыграло свою роль и мнение дяди Фрэнка. Я вспомнил, что он говорил о моей возможной работе в частной фирме. Об этом никогда не упоминалось вслух, но у

меня нет никаких сомнений, что моя работа в МЕЙН была следствием мер, предпринятых дядей Фрэнком тремя годами раньше, в дополнение к моему опыту работы в Эквадоре и моему желанию писать об экономической и политической ситуации в этой стране.

Голова у меня кружилась еще несколько недель: я очень гордился собой. У меня была всего лишь степень бакалавра Бостонского университета, которая вовсе не гарантировала должность экономиста в такой солидной консалтинговой компании. Я знал, что многие мои университетские сокурсники, избежавшие армии и

вернувшиеся в университет для получения степени магистра и продолжения образования, изойдут завистью. Я уже видел себя лихим секретным агентом, командированным в экзотические страны, развалившимся в шезлонге у бассейна в отеле, в окружении шикарных женщин в бикини, с мартини в руке.

Хотя это были всего лишь фантазии, я вскоре понял, что в них была доля правды. Эйнар нанимал меня экономистом, но очень скоро мне предстояло узнать, что моя настоящая работа выходила далеко за пределы этой должности и что на самом деле она гораздо более схожа с

тем, чем занимался Джеймс Бонд,
нежели я мог себе представить.

Глава 2. «НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

Выражаясь юридическим языком, МЕЙН была «корпорацией закрытого типа»: около пяти процентов из двух тысяч сотрудников владели компанией. Их называли «партнерами» или «компаньонами», и занять это положение хотели бы многие. Партнеры не только стояли на верху иерархической лестницы, но и делали немалые деньги. Их отличительной чертой было умение молчать. Они общались с главами государств, с генеральными директорами корпораций — то есть

с людьми, которые ожидают от своих консультантов — например, адвокатов и психотерапевтов — строжайшей конфиденциальности. Любые контакты с прессой запрещены. Они вообще не допускались. Поэтому понятно, что, кроме самих сотрудников МЕЙН, о нас мало кто знал, хотя имена наших конкурентов были на слуху: «Артур Д. Литтл», «Стоун энд Уэбстер», «Браун энд Рут», «Халлибертон» и «Бектел».

Я говорю «конкуренты» условно, поскольку МЕЙН уникальна в своем роде. Большинство наших сотрудников были инженеры, при этом фирма не владела никаким

оборудованием и не построила даже складского барака. Многие пришли из вооруженных сил, тем не менее, мы никогда не заключали контрактов с министерством обороны или с другими военными ведомствами. То, чем мы торговали, было настолько своеобразно, что первые несколько месяцев я не мог понять, чем мы вообще занимаемся. Я знал только, что мое первое настоящее задание будет связано с Индонезией и в составе группы из одиннадцати человек я поеду туда для разработки генерального плана развития энергетики на острове Ява.

Я заметил, как Эйнар и другие сотрудники, обсуждавшие со мной

мою работу, стремились убедить меня в том, что экономика Явы будет процветать и что, если я хочу зарекомендовать себя как хороший прогнозист (и, следовательно, продвигаться по служебной лестнице), мне следует в своих перспективных оценках делать соответствующие выводы.

— Взмает так, что места на графике не хватит! — любил повторять Эйнар. Он прошивал рукой воздух над головой, как будто изображая взлетающий самолет. — Экономика, которая взлетит как птица!

Эйнар часто уезжал в небольшие командировки на два—три дня. О них

не распространялись; похоже, никто и не знал, куда он ездил. Когда он бывал на работе, он часто приглашал меня к себе в кабинет на кофе. Расспрашивал об Энн, о нашей новой квартире, о кошке, которую мы привезли из Эквадора. По мере того как я узнавал его ближе, я становился смелее и пытался узнать больше и о нем, и о своей новой работе. Но я никогда не получал удовлетворявших меня ответов. Он всегда мастерски уклонялся. Как-то во время одной из таких бесед он посмотрел на меня по-особому.

— Тебе не следует беспокоиться, — сказал он. — Мы многого ожидаем от тебя. Я недавно

был в Вашингтоне... — Голос его стал глуше, и он почему-то улыбнулся. — Не важно. Ты знаешь, у нас сейчас большой проект в Кувейте. До поездки в Индонезию у тебя остается время. Мне кажется, имеет смысл потратить его на чтение кое-какой литературы о Кувейте. Очень много материала в Публичной библиотеке Бостона (ПББ), кроме того, мы можем организовать тебе пропуск в библиотеки Массачусетского технологического института и Гарвардского университета.

Последствием этого разговора было то, что я стал проводить много часов в этих библиотеках, особенно в

Публичной библиотеке Бостона, которая находилась в нескольких кварталах от офиса и очень близко к нашей квартире в Бэк-Бэй. Я много узнал о Кувейте, прочитал множество книг по экономической статистике, изданных ООН, Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком. Я знал, что мне придется разрабатывать эконометрические модели для Индонезии и Явы, и решил, что для начала надо попробовать сделать такую модель для Кувейта.

Однако для этого моей квалификации бакалавра делового администрирования было недостаточно, и мне пришлось

потратить немало времени на то, чтобы восполнить этот пробел. Я даже записался на несколько курсов по эконометрике. В процессе обучения я обнаружил, что, манипулируя статистическими данными, можно доказать очень многие положения, включая те, которые удобны для самого аналитика.

МЕЙН была мужской фирмой. В 1971 году в основном составе работали только четыре женщины. При этом еще около двухсот трудились в качестве секретарей. Персональный секретарь был у каждого из вице-президентов и управляющих департаментами;

остальных обслуживала группа стенографисток. Я уже привык к этому перекосу по половому признаку, и поэтому то, что произошло в справочном отделе ПББ, меня сильно удивило.

Место за столом напротив меня заняла привлекательная брюнетка в строгом темно-зеленом костюме, выглядевшая очень элегантно. По виду она была на несколько лет старше меня. Я пытался не замечать ее, сосредоточившись на своем. Через несколько минут, не говоря ни слова, она подтолкнула в мою сторону книгу, открытую на таблице, содержащей как раз ту информацию о Кувейте, которую я искал. В книгу

была вложена визитка, на которой было написано: «Клодин Мартин, специальный консультант, Чаз.Ти.Мейн, инк.». Я взглянул в ее мягкие зеленые глаза, и она протянула мне руку.

— Меня попросили помочь с вашим обучением, — сказала она.

Я не мог поверить, что это происходит со мной.

Начиная со следующего дня мы стали встречаться в ее квартире на Бикон-стрит, в нескольких кварталах от комплекса зданий «Пруденшл Сентер». Во время первой же встречи она объяснила, что я занимаю необычную должность и что наше общение с ней исключительно

конфиденциально. Она сообщила, что мне ничего не объясняли насчет моей работы потому, что никто не был на это уполномочен — никто, кроме нее. После чего она проинформировала меня, что ее задача — сделать из меня «экономического убийцу».

Это словосочетание напомнило мои детские мечты о жизни, полной приключений. Мне стало неловко от вырвавшегося смущенного смешка. Улыбнувшись, она заверила меня, что именно юмор и стал одной из причин использования этого термина.

— Ну кто воспримет это серьезно? — сказала она.

Я признался в полном невежестве относительно роли экономического убийцы.

— Не вы один, — засмеялась она. — Мы относимся к редкой породе и работаем в грязном бизнесе. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена. — Она стала серьезной. — Я буду с вами совершенно откровенна. В течение нескольких недель я научу вас всему, чему смогу. После этого вам придется сделать выбор. Он будет окончательным. Если вы принимаете решение этим заниматься, вы будете заниматься этим всю жизнь.

Впоследствии она редко употребляла словосочетание

«экономический убийца», мы стали просто «ЭУ».

Сейчас я знаю то, чего не знал тогда. Клодин воспользовалась преимуществами, которые давало ей знание моих слабых сторон, почерпнутое из моего досье АНБ. Не знаю, кто предоставил ей эту информацию — Эйнар, АНБ, отдел кадров МЕЙН, но использовала она ее мастерски. Ее подход — сочетание физического обольщения и вербального манипулирования — был разработан специально для меня, и при этом он вполне вписывался в стандартные методы работы, которые, как мне много раз впоследствии доводилось наблюдать,

используются фирмами, когда ставки высоки и необходимо срочно завершить выгодную сделку. Она знала с самого начала, что я не поставлю под угрозу свою семейную жизнь, рассказав о нашей потайной деятельности. И она была убийственно откровенна в описаниях теневых сторон моей будущей работы.

Я не знаю, кто платил ей зарплату, хотя у меня нет никаких оснований подозревать, что это не была МЕЙН, о чем, собственно, и говорила ее визитка. В то время я был слишком наивен, запуган и ослеплен, чтобы задавать вопросы, которые сегодня мне кажутся

очевидными.

Клодин рассказала, что передо мной ставятся две основные задачи. Во-первых, мне придется обосновывать огромные иностранные займы, с помощью которых деньги будут направляться обратно в МЕЙН и другие компании США (такие, как «Бектел», «Халлибертон», «Стоун энд Уэбстер» и «Браун энд Рут») через крупные инженерные и строительные проекты.

Во-вторых, моя деятельность будет направлена на то, чтобы обанкротить страны-заемщики (конечно, после того, как они расплатятся с МЕЙН и другими

американскими подрядчиками), чтобы поставить их в вечную зависимость от своих кредиторов. Это поможет с легкостью добиться, когда это потребуется, соответствующих уступок, например размещения военных баз, нужного голосования в ООН, доступа к нефти и другим природным ресурсам.

Моя работа, сказала она, состоит в прогнозировании последствий инвестирования миллиардов долларов в страну. В частности, мне надо будет производить расчеты, которые показывают экономический рост на двадцать—двадцать пять лет вперед и оценивают влияние нескольких

проектов. Например, если выносятся решение дать заем в один миллиард долларов, чтобы убедить руководство страны не следовать курсом Советского Союза, моя задача — сравнить выгоду от инвестирования этих средств в предприятия энергетики с выгодой от инвестирования в развитие железнодорожного транспорта или телекоммуникационных систем. Или мне могут сказать, что стране предложили возможность создать современную систему снабжения электроэнергией, и я должен буду, в целях обоснования необходимости займа, продемонстрировать, как эта энергосистема повлияет на

экономический рост. В любом случае важнейшим показателем является валовой национальный продукт (ВНП). Выигрывает тот проект, который больше остальных влияет на рост ВНП. Если рассматривается только один проект, мне надо будет показать, что разработка данного проекта самым положительным образом скажется на росте ВНП.

О чем умалчивалось, так это о том, что каждый из этих проектов должен был принести солидные прибыли подрядчикам и осчастливить несколько состоятельных и влиятельных семей в соответствующих странах, тогда как правительства этих стран ставились

в долгосрочную финансовую зависимость, которая, соответственно, была залогом их политического послушания. Чем больше будет заем, тем лучше. Тот факт, что долговое бремя страны лишает ее беднейшее население здравоохранения, образования и других социальных услуг на многие десятилетия, не принимается во внимание.

Мы с Клодин открыто обсуждали обманчивую природу такого показателя, как ВВП. Например, ВВП растет, даже если прибыль получает только один человек, допустим владелец электростанции, и при этом большая

часть населения отягощена долгом. Богатые богатеют, бедные беднеют. А с точки зрения статистики это регистрируется как экономический прогресс.

Как и значительная часть граждан США, большинство сотрудников МЕЙН считали, что мы действуем во благо, сооружая предприятия энергетики, дорожные магистрали, порты. Наша школа и наши СМИ научили нас воспринимать все свои действия как альтруистические. В течение многих лет я постоянно слышу высказывания, подобные следующему: «Если они сжигают флаг США и устраивают

демонстрации напротив нашего посольства, почему бы нам не убраться из их проклятой страны, и пусть они барахтаются в своей грязи».

Зачастую это говорят люди, имеющие дипломы о высшем образовании. Тем не менее они не представляют, что основная Цель, с которой мы расставляем посольства во всем мире, — обслуживать наши собственные интересы, которые, в течение последней половины XX века, предполагали превращение американской республики в глобальную империю. Несмотря на свои Дипломы, эти люди так же необразованны, как те колонисты

XVIII века, которые считали, что индейцы, сражавшиеся за свои земли, — слуги дьявола.

Через несколько месяцев мне предстояло уехать на остров Ява в Индонезии, который тогда считался самым густонаселенным на планете. Кроме того, Индонезия была богатой нефтью мусульманской страной и потенциальным объектом коммунистической экспансии.

— Это следующая костяшка домино после Вьетнама, — именно так выразилась Клодин. — Нам нужно перехватить индонезийцев. Если они примкнут к коммунистическому блоку, тогда... — Она провела пальцем по шее и

сладко улыбнулась. — Скажем так: тебе нужно составить исключительно оптимистичный прогноз развития экономики, продемонстрировать, как она вырвется вперед после ввода в строй всех энергетических заводов и магистральных линий электропередачи. Это поможет Агентству США по международному развитию (ШАГО) и международным банкам обосновать займы. Конечно, ты получишь хорошее вознаграждение и сможешь перейти к другим проектам в экзотических местах. Твоя тележка для покупок — весь мир.

Она предупреждала меня, что у

меня нелегкая роль:

— После тебя в дело вступят эксперты из банков. Их работа заключается в том, чтобы раскритиковать твои прогнозы, — за это они получают деньги. Выставить тебя в дурном свете означает для них предстать в хорошем.

Как-то я напомнил Клодин, что МЕЙН посылает на Яву, помимо меня, еще десять человек, и спросил, прошли ли они такое же обучение, как и я. Она уверила меня, что нет.

— Они инженеры, — сказала она. — Они проектируют электростанции, линии передачи и электромагистралы, морские порты и дороги для ввоза топлива. Ты

единственный, кто предсказывает будущее. Твои прогнозы определяют масштабы систем, которые они разрабатывают, и величину займов. Так что ты ключевая персона.

Каждый раз, покидая квартиру Клодин, я задумывался, правильными ли вещами я занимаюсь. Где-то в глубине души я подозревал, что нет. Но разочарования прошлого неотступно преследовали меня. МЕЙН, казалось бы, предлагала мне все, чего не хватало в моей жизни, и тем не менее я продолжал спрашивать себя: а одобрил бы это Том Пейн? В конце концов я убедил себя, что, узнав больше, испытав все на практике, я впоследствии смогу

лучше разоблачать это — старое оправдание по принципу «работаю изнутри».

Клодин взглянула на меня озадаченно, когда я поделился с ней этими мыслями.

— Не будь смешным. Если ты уже вошел, ты никогда не сможешь выйти. Ты должен решить все для себя сейчас, пока не залез глубже.

Я понял ее, и ее слова меня испугали. Уйдя от нее, я прошелся по Коммонуэлт-авеню, свернул на Дартмут-стрит — и уверил себя в том, что я стану исключением.

Несколько месяцев спустя мы сидели с ней на диване, из окна наблюдая за снегопадом на Бикон—

стрит.

— Мы маленький эксклюзивный клуб, — сказала она. — Нам платят, и хорошо платят, за то, что мы обманным путем уводим из разных стран мира миллиарды долларов». Значительная часть твоей работы — подталкивать лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов эти лидеры оказываются в долговой ловушке, которая и обеспечивает их лояльность. Мы можем использовать их, когда нам будет это необходимо, — для удовлетворения наших

политических, экономических или военных нужд. В свою очередь, они укрепляют свое политическое положение, поскольку обеспечивают своему народу технопарки, электростанции, аэропорты. Владельцы же инженерных и строительных компаний США становятся очень богатыми.

В тот день, в идиллической обстановке квартиры Клодин, расслабленно любуясь кружащимися снежными хлопьями, я познакомился с историей профессии, которой собирался заняться. Клодин рассказала, что на протяжении почти всей истории империи создавались с помощью военной силы или угрозы

ее применения. Однако после окончания Второй мировой войны и появления на международной арене Советского Союза, после того как САМА явил призрак ядерного холокоста, силовые решения стали слишком рискованными.

Решающий момент наступил в 1951 году, когда Иран восстал против британской нефтяной компании, эксплуатировавшей и природные ресурсы Ирана, и его жителей. Эта компания была предшественницей «Бритиш Петролеум», сегодняшней «Би–Пи». Тогда очень популярный, демократически избранный иранский премьер–министр Мохаммед Моссадык (журнал

«Тайм» назвал его человеком года в 1951 году) национализировал всю нефтяную промышленность страны. Разъяренные англичане обратились за помощью к США, своему союзнику во Второй мировой войне. Однако оба государства опасались, что военные репрессии спровоцируют Советский Союз на действия от имени Ирана.

И тогда вместо морских пехотинцев Вашингтон послал агента ЦРУ Кермита Рузвельта (внука Теодора). Он великолепно выполнил свою задачу, расположив к себе людей — как взятками, так и угрозами. Затем с его подачи они организовали уличные беспорядки и

демонстрации, которые создавали впечатление, что Моссадык был непопулярным и неподходящим лидером. В конечном итоге Моссадык был побежден. Остаток жизни он провел под домашним арестом. Проамерикански настроенный шах Мохаммед Реза стал единовластным диктатором. Кермит Рузвельт положил начало новой профессии, той самой, которой я собирался посвятить жизнь. [\[15\]](#)

Гамбит, разыгранный
Рузвельтом, изменил
ближневосточную историю и при
этом вывел из употребления все
старые стратегии построения

империй. Он также совпал с началом экспериментов в «ограниченных неядерных военных действиях», которые в конечном итоге закончились унижением США в Корее и Вьетнаме. К 1968 году, когда я проходил собеседования в АНБ, стало ясно, что, если США хотят осуществить свою мечту о глобальной империи (как это виделось людям вроде президентов Джонсона и Никсона), им придется взять на вооружение стратегии, основанные на опыте Рузвельта в Иране. Это был единственный путь победить Советы без ядерной угрозы.

Однако существовала одна проблема. Кермит Рузвельт был

сотрудником ЦРУ. Если бы его поймали, последствия были бы ужасны. Он организовал первую операцию США по смене правительства другой страны; ясно было, что за ней последуют другие. Важно было найти подход, при котором Вашингтон не был бы задействован напрямую.

К счастью, 1960-е годы стали свидетелем и других революционных изменений: усиление многонациональных корпораций и таких международных организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Последние финансировались преимущественно Соединенными

Штатами и нашими братскими строителями империи в Европе. Между правительствами, корпорациями и многонациональными организациями возник симбиоз.

К тому времени, как я поступил в школу бизнеса Бостонского университета, решение проблемы «Рузвельт — агент ЦРУ» было найдено. Американские разведывательные организации, включая АНБ подбирали потенциальных ЭУ, которые потом входили в штат международных корпораций. Они никогда не состояли на зарплате у правительства, получая деньги в

частном секторе. Поэтому, если бы их поймали, их грязные делишки списали бы на корпоративную жадность, но никак не на политику правительства. Кроме того, нанимавшие их корпорации, хотя и получали деньги налогоплательщиков от правительственных организаций и их многонациональных банковских партнеров, находились вне зоны контроля конгресса и пристального внимания общественности. Их защищает все возрастающее количество правовых инициатив, включая законодательство о торговой марке, международной торговле и свободе информации [\[16\]](#).

— Так что, как видишь, —
заключила Клодин, — мы всего—
навсего лишь очередное поколение,
часть гордой традиции, заложенной
еще тогда, когда ты был в первом
классе.

Глава 3. ИНДОНЕЗИЯ: УРОКИ ДЛЯ ЭУ

Помимо изучения моей новой специальности, я проводил много времени за книгами по Индонезии.

— Чем больше ты узнаешь о стране до своего приезда туда, тем легче будет тебе работать, — советовала Клодин.

Я в высшей степени серьезно отнесся к ее словам.

Когда Колумб в 1492 году отправился в плавание, он собирался достичь Индонезии, известной в ту пору как Пряные острова. В колониальную эпоху Индонезия

считалась сокровищем значительно более ценным, чем Америка. Ява, с ее тканями, легендарными специями, процветающими королевствами, была одновременно и жемчужиной в короне, и полем яростных столкновений между испанскими, голландскими, португальскими и британскими искателями приключений. В 1750 году Нидерланды победили, но, хотя они и контролировали Яву, им потребовалось еще более ста пятидесяти лет, чтобы подчинить окружающие острова.

Когда во время Второй мировой войны в Индонезию вторглись японцы, голландцы практически не

оказали им сопротивления. В результате индонезийцы, особенно жители Явы, очень сильно пострадали. Когда Япония капитулировала, харизматический лидер Сукарно провозгласил независимость. После четырех лет борьбы, 27 декабря 1949 года Голландия приспустила свой флаг и возвратила суверенитет людям, на протяжении трех веков не знавшим ничего, кроме иноземного владычества и борьбы. Сукарно стал первым президентом новой республики.

Однако управлять Индонезией оказалось сложнее, чем победить голландцев. Архипелаг, состоящий из

более чем 17 500 островов, представлял собой кипящий котел межплеменной борьбы, различных культур, десятков языков и диалектов, этнических групп, раздираемых вековой враждой. Конфликты были частыми и ожесточенными, и Сукарно зажал страну в тиски. В 1960 году он распустил парламент, в 1963 году стал пожизненным президентом. Сукарно тесно сотрудничал с коммунистическими правительствами разных стран в обмен на военную технику и помощь в подготовке кадров. Он послал свои войска, вооруженные советским оружием, в соседнюю Малайзию,

чтобы содействовать
распространению коммунистических
идей по всей Юго–Восточной Азии и
завоевать одобрение лидеров
социалистических государств.

Оппозиция нарастала, и в 1965
году произошел переворот. Сукарно
избежал уничтожения только
благодаря сообразительности своей
любовницы. Многие из
высокопоставленных военных и его
ближайших соратников были менее
удачливы. События напоминали то,
что случилось в Иране в 1953 году. В
конце концов ответственность за все
возложили на Коммунистическую
партию, прежде всего на то ее крыло,
которое было ориентировано на

Китай. Затем последовала организованная военными резня, было убито по разным подсчетам от трехсот до пятисот тысяч. В 1968 году глава военных, генерал Сухарто, стал президентом [\[17\]](#).

К 1971 году укрепилось намерение США изменить прокоммунистическую ориентацию Индонезии, так как исход Вьетнамской войны становился все менее предсказуемым. Летом 1969 года президент Никсон начал частичный вывод войск из Вьетнама. Стратегия США перестраивалась с учетом глобальной перспективы. Теперь стратегическая задача состояла в том, чтобы не допустить

эффекта домино, когда одна страна вслед за другой стали бы примыкать к коммунистическому лагерю. Внимание сосредоточилось на нескольких государствах, Индонезии отводилась ключевая роль. Проект электрификации МЕЙН был частью всеобъемлющего плана установления американского влияния в Юго-Восточной Азии.

Американские внешнеполитические силы предполагали, что Сухарто сыграет для США ту же роль, что и шах Ирака. Кроме того, они надеялись, что Индонезия станет примером для других стран региона. Вашингтон частично основывал свою стратегию

на предположении, что успех в Индонезии положительно скажется на всем исламском мире, в частности на взрывоопасном Ближнем Востоке. К тому же, помимо всего прочего, в Индонезии была нефть. Никто не знал размера запасов и их качества, но эксперты нефтяных компаний предполагали, что там имеются богатейшие возможности.

По мере того как я все глубже погружался в чтение книг в Бостонской публичной библиотеке, мое возбуждение нарастало. Я стал представлять предстоящие приключения. Работа на МЕЙН позволила мне поменять тот суровый образ жизни, который вел, служа в

Корпусе мира, на куда более приятный и даже роскошный. Время, которое я проводил с Клодин, уже было реализацией некоторых моих фантазий. Все складывалось слишком хорошо. Моя теперешняя жизнь была частичным вознаграждением за годы, проведенные в заключении в школе для мальчиков.

И еще кое-что происходило в моей жизни: у нас с Энн не складывались отношения. Наверное, она чувствовала, что я веду двойную жизнь. Я объяснял это прежде всего чувством обиды на нее за то, что она силой вовлекла меня в семейную жизнь. Не важно, что она нянчилась

со мной и поддерживала меня в нелегкие дни нашей работы в Эквадоре: я все еще воспринимал ее как воплощение моего подчинения родительской воле. Конечно, сейчас, с расстояния прожитых лет, я понимаю, что решающим фактором все-таки были наши отношения с Клодин. Я не мог рассказать Энн о них, но она все чувствовала. Так или иначе, мы решили разъехаться.

Однажды в 1971 году, примерно за неделю до моего отъезда в Индонезию, придя в квартиру к Клодин, я увидел накрытый стол, на котором стояли сыры, хлеб и бутылка божоле. Она подняла бокал.

— Совершилось. Ты смог! —

Она улыбнулась, но улыбка показалась мне не вполне искренней. — Теперь ты один из нас.

Мы немного поболтали. Потом, когда мы уже допивали вино, она посмотрела на меня взглядом, которого я никогда раньше у нее не видел.

— Никогда не говори никому о наших встречах, — сказала она жестко. — Если расскажешь, я тебя не прощу никогда. Я вообще буду отрицать знакомство с тобой. — Она пристально посмотрела на меня — и это был, наверное, единственный раз, когда я испугался ее, — и затем холодно рассмеялась. — Рассказы о нас могут поставить под угрозу твою

жизнь.

Я был ошеломлен. Я чувствовал себя ужасно. Уже позже, возвращаясь от Клодин, я понял, как умно была придумана вся схема. Все наши встречи с ней проходили у нее в квартире. Не существовало никаких доказательств нашего знакомства. Никто из МЕЙН никоим образом не был вовлечен в наше общение. В чем-то я был благодарен ей за прямоту: она не обманула меня так, как это сделали мои родители в отношении Тилтона и Миддлбери.

Глава 4. СПАСЕНИЕ СТРАНЫ ОТ КОММУНИЗМА

У меня было романтическое представление об Индонезии — стране, в которой мне предстояло провести следующие три месяца. В некоторых прочитанных мной книгах мне встречались фотографии красивых женщин в ярких саронгах, экзотических танцовщиц с острова Бали, шаманов, дышащих огнем, воинов, управляющих длинными, выдолбленными из дерева каноэ в изумрудных водах у подножия курящихся вулканов. Особенно

впечатляющими были картинки с великолепными галеонами под черными парусами. Они принадлежали пользующимся дурной славой пиратам—бугинезам, которые все еще обитали в морях архипелага и которые когда-то терроризировали европейских моряков, так что те, возвращаясь домой, пугали ими своих детей: «Веди себя хорошо, а не то бугинез придет». Боже, как эти картинки волновали мое воображение!

История и легенды этой страны изобилуют масштабными фигурами: гневные боги, драконы Комодо, вожди племен. Древние сказания, появившись задолго до рождения

Христа, совершили путешествие над горами Азии, над пустынями Персии, над Средиземным морем и глубоко укоренились в нашем коллективном сознании. Уже сами названия островов — Ява, Суматра, Борнео, Сулавеси — будоражат ум. Это была страна мистики, мифов, эротической красоты; ускользающее сокровище, которое искал, но так и не нашел Колумб; принцесса, возжеленная, но не обретенная Испанией, Голландией, Португалией, Японией; земля фантазий и мечты.

Я ожидал слишком многого, думаю, что мои ожидания были сродни тем, с которыми сюда стремились великие

первооткрыватели. Однако, подобно Колумбу, мне следовало бы умерить свою фантазию. Возможно, мне уже надо было знать, что путеводная звезда указывает на путь, не всегда совпадающий с тем, что мы рисуем в своем воображении. Индонезия обладала сокровищами, но она не была вместилищем лекарств от всех моих недугов, каковой мне представлялась. На самом деле мои первые дни в душной от жары и влажности столице Индонезии, Джакарте, в конце августа 1971 года были ужасными.

Конечно, было красиво. Эффектные женщины в красочных саронгах. Буйные сады, изобилующие

тропическими цветами.
Экзотические танцовщицы с острова
Бали. Велорикши, с причудливыми,
раскрашенными во все цвета радуги
картинками по обеим сторонам
высоких сидений, на которых
развалились пассажиры, а за их
спинами крутят педали рикши.
Голландские дома в колониальном
стиле, мечети с башенками. Но у
города было и другое, ужасающее в
своем безобразии лицо.
Прокаженные, вытягивающие перед
собой кровоточащие культы,
изъеденные болезнью. Молоденькие
девушки, предлагающие себя за
гроши. Когда-то великолепные
голландские каналы, превратившиеся

в сточные канавы. Приткнувшиеся вдоль замусоренных берегов черных рек картонные лачуги, в которых жили целыми семьями. Ревущие гудки машин, удушающий дым. Прекрасная и безобразная, элегантная и вульгарная, духовная и убогая. Такой была Джакарта, где чарующие ароматы гвоздики и орхидей боролись с миазмами открытых сточных канав.

Я видел нищету и раньше. Многие из моих одноклассников в Нью-Гемпшире, обитавшие в холодных лачугах из толя, приходили в школу зимой, когда температура опускалась ниже нуля, в тонких куртках и изношенных спортивных

тапочках. Их немытые тела распространяли запах пота и навоза. Я жил в глиняных лачугах с андскими крестьянами, которые питались только сушеной кукурузой и картошкой, и иногда казалось, что у новорожденного столько же шансов умереть, сколько дожить до ближайшего дня рождения. Я был знаком с нищетой, но это не подготовило меня к тому, что я увидел в Джакарте.

Конечно, наша команда жила в лучшем местном отеле, «Интерконтинентал Индонезия», принадлежавшем авиакомпании «Пан Америкэн эйруэйз». Как и все отели этой сети, разбросанные по

всему миру, он отвечал всем прихотям своих состоятельных иностранных постояльцев, в частности сотрудников нефтяных компаний и их семей. В наш первый вечер в Джакарте менеджер проекта Чарли Иллингворт дал для нас ужин в элегантном ресторане на крыше отеля.

Чарли был знатоком военной истории; почти все свое свободное время он посвящал чтению книг по истории и исторических романов о великих полководцах и военных сражениях. Он был ходячим вариантом прикованного к креслу инвалида — ярого сторонника Вьетнамской войны. В тот вечер, как

обычно, на нем были брюки цвета хаки и такого же цвета футболка с погонами, имитирующие военную форму.

Поприветствовав нас, он закурил сигару.

— За хорошую жизнь, — вздохнул он, поднимая бокал шампанского.

Мы поддержали его:

— За хорошую жизнь. — Вместе чокнулись.

Весь в клубах сигарного дыма, Чарли окинул взглядом комнату.

— Мы встретим здесь прекрасное отношение, — сказал он, одобрительно кивая головой. — Индонезийцы будут хорошо

заботиться о нас, так же как и сотрудники американского посольства. Но давайте не забывать, что мы здесь с важным заданием. — Он посмотрел на стопку карточек перед собой. — Да, мы здесь для того, чтобы разработать план электрификации Явы — одного из самых густонаселенных мест в мире. Но это только верхушка айсберга.

Выражение его лица стало серьезным; сейчас он напоминал Джорджа Скотта в роли генерала Паттона, одного из своих любимых героев.

— Мы здесь, чтобы, без преувеличения, спасти эту страну от лап коммунизма. Как вы знаете, у

Индонезии долгая и трагическая история. Теперь, готовясь войти в двадцатый век, страна опять на пути испытаний. Мы должны сделать так, чтобы страна не пошла по стопам своих северных соседей — Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. И ключевым моментом здесь является интегрированная система электроснабжения. Именно это, более чем любой другой фактор (возможно, за исключением нефти), обеспечит победу капитализма и демократии. Кстати о нефти. — Он опять затянулся сигарой и перевернул несколько карточек перед собой. — Мы все знаем, насколько наша страна зависит от нефти. В

этом отношении Индонезия может стать для нас могущественным союзником. Так что, когда вы приступите к разработке генерального плана, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы нефтяная промышленность и вся инфраструктура — порты, трубопроводы, строительные компании — смогли удовлетворять свои потребности в электроэнергии в период действия этого двадцатипятилетнего плана.

Оторвав взгляд от карточек, он посмотрел прямо на меня.

— Лучше ошибиться в переоценке, чем недооценить. Вы же не хотите, чтобы на ваших руках

была кровь индонезийских детей или наша собственная. Вы же не хотите, чтобы они жили под серпом и молотом китайского красного флага.

Той ночью, лежа в своей постели в роскошном номере пятизвездочного отеля, я вспомнил Клодин. Меня преследовали ее рассуждения об иностранном долге. Я пытался успокоить себя, вспоминая лекции по макроэкономике в школе бизнеса. В конце концов, говорил я себе, я нахожусь здесь, чтобы помочь Индонезии выйти из Средневековья и занять свое место в современном промышленном мире. Но я знал, что утром, выглянув из окна, за бассейном и цветущими садами

отеля я увижу нищие лачуги, разбросанные на много миль вокруг. И я буду знать, что младенцы умирают от недостатка питания и питьевой воды, что дети и взрослые страдают от страшных болезней и живут в ужасающих условиях.

Я беспокойно ворочался в постели. Невозможно было отрицать, что Чарли и все остальные члены нашей команды приехали сюда по эгоистическим причинам. Мы продвигали внешнюю политику США и защищали корпоративные интересы. Нами руководила скорее жадность, чем желание улучшить жизнь местному населению. На ум пришло слово «корпоратократия». Я

не знал, услышал ли я его где-то или изобрел сам, но оно точно подходило для обозначения новой элиты, задумавшей установить господство над всей планетой.

Это было тесно спаянное братство горстки людей, имевших общие цели. Члены братства свободно перемещались с должностей в правлениях корпораций на правительственные посты. Я вдруг подумал, что превосходным примером этому был Роберт Макнамара, в то время президент Всемирного банка. Ранее занимая пост президента «Форд мотор компани», в правление президентов Кеннеди и Джонсона он

был министром обороны, а теперь возглавил самую влиятельную финансовую организацию в мире.

Я также понял, что профессора в колледже не понимали действительной природы макроэкономики: во многих случаях помощь в развитии экономики приводит к обогащению нескольких человек на вершине пирамиды, находящиеся же внизу опускаются еще ниже. Действительно, развитие капитализма часто приводит к возникновению системы, напоминающей средневековое феодальное общество. Если кто-то из моих профессоров и понимал это, они бы ни за что в этом не

признались — вероятно потому, что колледжи спонсируются крупными корпорациями и их руководством. Такое откровение стоило бы этим профессорам их должностей, точно так же, как и мое открытие могло стоить мне потери моей работы.

Эти мысли не давали мне спать все время, пока я жил в «Интерконтинентал Индонезия». В конце концов я нашел способ защитить себя от этих мыслей. Этот способ оправдывал лично меня: я вырвался из городишки в Нью-Гемпшире, из подготовительной школы, избежал призыва в армию. Благодаря стечению обстоятельств и упорному труду я заработал свое

место в хорошей жизни. Меня также успокаивало сознание того, что по меркам моего общества я делал правильные вещи. Я становился успешным и уважаемым экономистом. Я делал то, к чему готовили меня в школе бизнеса. Я помогал воплотить модель развития, одобренную лучшими умами мира.

И тем не менее по ночам я часто утешал себя мыслью, что когда-нибудь я расскажу правду. После этого я вгонял себя в сон, читая романы Луиса Ламора о приключениях метких стрелков-ковбоев на Диком Западе.

Глава 5. ПРОДАВАЯ ДУШУ

Шесть дней мы провели в Джакарте: регистрировались в посольстве США, встречались с различными чиновниками и отдыхали около бассейна. Меня поразило количество американцев, проживавших в «Интерконтинентал». Я с удовольствием наблюдал за красивыми молодыми женщинами, женами высокопоставленных сотрудников американских нефтяных и строительных компаний, которые проводили дни около бассейна, а вечера — в нескольких шикарных

ресторанах недалеко от гостиницы.

Затем Чарли перевез нас в находящийся в горах город Бандунг. Климат там был мягче, нищета не так бросалась в глаза, кроме того, там было меньше отвлекающих факторов. Нас поселили в «Висме» — принадлежащем правительству пансионе. Он был укомплектован обслуживающим персоналом, имелись управляющий, повар, садовник. Построенный в период голландской колонии, «Висма» был райским местом. Его просторная веранда выходила на чайные плантации, покрывавшие холмы и склоны вулканических гор Явы. Кроме того, мы получили в свое

распоряжение одиннадцать
внедорожников «Тойота» с
водителями и переводчиками. И
наконец, нам предоставили членство
в эксклюзивном бандунгском гольф-
клубе и офис в местной штаб-
квартире «Перусахан Умум Листрик
Негара» (ПЛН), государственной
электрической компании.

Мои первые дни в Бандунге
были заняты встречами с Чарли и
Говардом Паркером. Говарду было за
семьдесят. Он вышел на пенсию с
должности главного прогнозиста
загруженности «Энергетических
систем Новой Англии». Когда мы
познакомились с ним, он отвечал за
прогнозирование количества энергии

и генерирующей мощности (нагрузки), которая понадобится острову Ява в течение последующих двадцати пяти лет, а также за разбивку этого показателя по городам и районам. Поскольку потребности в электроэнергии в значительной степени соотносятся с экономическим ростом, его прогнозы находились в зависимости от моих перспективных оценок экономики. Остальные члены нашей команды должны были, основываясь на наших прогнозах, разработать генеральный план, определить месторасположение и тип заводов, магистральных и распределительных линий передачи и систем доставки

топлива, с тем чтобы этот план максимально полно отвечал нашим оценкам. Во время наших встреч Чарли постоянно подчеркивал важность моей работы и изводил меня разговорами о том, что я должен быть очень оптимистичен в своих оценках. Клодин была права: я выполнял ключевую для всего проекта работу.

— Первые несколько недель здесь, — объяснял Чарли, — должны быть посвящены сбору информации.

Он, Говард и я сидели в больших ротанговых креслах в его шикарном кабинете. Стены были украшены батиками с иллюстрациями древнеиндийских эпических текстов

«Рамаяна». Чарли попыхивал сигарой.

— Инженеры составят подробное описание существующей энергосистемы, пропускной способности портов, автодорог, железных дорог и прочего. — Он указал сигарой в мою сторону. — Тебе надо действовать быстро. К концу первого месяца Говард должен получить полное представление о том экономическом чуде, которое свершится, когда вступит в действие новая экономическая система. К концу второго месяца ему понадобится разбивка по регионам. Последний месяц уйдет на заполнение пробелов. Это будет

важнейшим моментом. В этот месяц нам придется поработать совместно. В день отъезда мы должны быть абсолютно уверены, что у нас есть вся необходимая информация. Мой девиз — «Домой ко Дню благодарения!». И никаких возвращений!

Говард казался дружелюбным человеком, добрым дедушкой, но на самом деле это был ожесточившийся человек, чувствовавший себя обманутым жизнью. Он не смог достичь карьерных вершин в «Энергетических системах Новой Англии», и это глубоко его обижало.

— Меня обошли, — повторял он мне, — потому что я отказался

купить линию, принадлежавшую компании.

Его насильно выпихнули на пенсию, и тогда, не в состоянии сидеть дома с женой, он стал работать консультантом в МЕЙН. Это была его вторая командировка. Эйнар и Чарли предупредили меня, чтобы я был с ним поосторожней. Говоря о нем, они использовали слова «упрямый», «посредственный» и «мстительный».

Получилось так, что Говард стал одним из самых мудрых моих наставников, хотя в то время я не был готов воспринять его таковым. Он не получил обучения, аналогичного тому, что дала мне Клодин.

Возможно, его посчитали слишком старым или слишком упрямым. А может быть, решили, что он недолго задержится на этом месте — пока вместо него не найдут более гибкого сотрудника вроде меня. Короче говоря, с их точки зрения он представлял собой проблему. Говард совершенно отчетливо понимал ситуацию и то, что от него ожидали, и не был намерен стать пешкой в этой игре. Все эпитеты, которые употребляли Эйнар и Чарли по отношению к нему, соответствовали действительности, однако какая-то часть его упрямства проистекала из нежелания прислуживать им. Сомневаюсь, что он когда-либо

слышал термин «экономический убийца», но он осознавал, что они намерены использовать его для продвижения той формы империализма, которую он не мог принять.

После одной из наших встреч с Чарли он отвел меня в сторону. Он пользовался слуховым аппаратом и сейчас теребил маленькую коробочку под рубашкой, с помощью которой регулировалась громкость.

— Разговор между нами, — сказал он шепотом. Мы стояли у окна нашего с ним кабинета, глядя на застоявшиеся воды канала, протекавшего мимо здания «ПЛН». Молодая женщина купалась в

грязной воде, пытаюсь сохранить какое-то подобие скромности, обернув саронг вокруг своего обнаженного тела. — Они попытаются убедить тебя, что экономика собирается взмыть как ракета, — продолжал он. — Чарли беспощаден. Не дай ему добраться до тебя.

После его слов я почувствовал внезапную слабость — и одновременно желание убедить его, что Чарли был прав; в конце концов, моя карьера зависела от расположения ко мне моих боссов.

— Конечно, экономика будет процветать, — сказал я, не отводя глаз от женщины в канале. —

Смотри, что происходит.

— Понятно, — пробормотал он, очевидно не имея представления о происходившем прямо перед нами. — Ты уже принял их линию, не так ли?

Движение выше по каналу привлекло мое внимание. Пожилой человек подошел к берегу, спустил штаны и уселся на корточках для отправления естественной нужды. Молодая женщина видела это, но, ничуть не смущаясь, продолжала купаться. Я отвернулся от окна и посмотрел Говарду в глаза.

— Я кое-что повидал, — сказал я. — Может быть, я молод, но я только что вернулся из трехгодичной

командировки в Южную Америку. Я видел, что происходит, когда находят нефть. Все быстро меняется.

— Что ж, я тоже кое-что повидал, — передразнил он меня. — За много лет. И сообщу вам кое-что, молодой человек. Мне наплевать на вашу нефть и все такое. Я прогнозировал нагрузки всю свою жизнь: во времена Великой депрессии, Второй мировой войны, во времена взлетов и провалов. Я видел, что сделала 128-я магистраль, так называемое массачусетское чудо, с Бостоном. И я знаю наверняка, что нагрузка никогда не возрастала больше чем на 7–9 процентов в год за какой бы то ни было

продолжительный период. Это в лучшие времена. Шесть процентов в год — более вероятная цифра.

Я пристально посмотрел на него. Какая-то часть меня подозревала, что он прав, но я собирался отстаивать свою позицию. Я знал, что мне надо убедить его, потому что моя собственная совесть требовала оправданий.

— Говард, это не Бостон. Это страна, в которой до сих пор не было электричества. Здесь все по-другому.

Он повернулся на каблуках и взмахнул рукой так, как будто собирался выместить меня из комнаты.

— Давай, вперед, — проворчал он. — Продавайся. Мне наплевать на

твои результаты. — Он рывком вытащил стул из-за стола и упал на него. — Я составляю свой прогноз, основываясь на том, что я думаю, а не на каких-то высосанных из пальца экономических исследованиях. — Схватив карандаш, он стал что-то писать в блокноте.

Это был вызов, который я не мог проигнорировать. Я подошел к нему и встал перед столом.

— Ты будешь выглядеть довольно глупо, если я выдам всеми ожидаемую оценку — бум, как во времена золотой лихорадки в Калифорнии, а ты спрогнозируешь рост электричества, сопоставимый с бостонским в 1960-х годах.

Он бросил карандаш и уставился на меня.

— Это бесчестно! Вот как это называется. Вы — все вы, — он обвел рукой кабинет, — вы все продали душу дьяволу. Вы делаете это только ради денег. Ладно, — он выдавил улыбку и потянулся рукой к коробочке под рубашкой, — я отключаю звук и продолжаю работать.

Он потряс меня до глубины души. Я выскочил из кабинета и направился к Чарли. Остановившись на полпути, я задумался: а что я, собственно, собираюсь сделать? Развернувшись, я спустился вниз и вышел на улицу. Молодая женщина

выходила из канала. Ее мокрый саронг плотно облегал тело. Пожилой мужчина исчез. Несколько мальчишек с брызгами и криками резвились в канале. Пожилая женщина, стоя по колено в воде, чистила зубы; рядом другая стирала белье.

В горле вырос огромный ком. Я присел на бетонный обломок, стараясь не замечать резкой вони из канала. Я пытался удержать слезы: мне надо было понять, почему я чувствую себя таким несчастным.

«Вы делаете это только ради денег». Слова Говарда снова и снова звучали у меня в голове. Он наступил на больную мозоль.

Мальчишки продолжали брызгаться. Их веселые голоса наполняли воздух вокруг. Я раздумывал, что же мне делать. Что нужно для того, чтобы стать таким же беззаботным, как они? Этот вопрос не переставал мучить меня, пока я сидел, наблюдая, как они резвятся в своем блаженном неведении, очевидно не имея ни малейшего представления о том, какую угрозу представляют собой эти зловонные воды. Вдоль канала шел прихрамывая горбатый старик с кривой жестянкой в руках. Остановившись, он стал наблюдать за мальчишками, и его лицо растянулось в беззубой улыбке.

Может, мне следует довериться Говарду; тогда вместе мы сможем найти решение. И я сразу же почувствовал облегчение. Подняв с земли маленький камешек, я бросил его канал. По мере угасания кругов на воде исчезала и моя эйфория. Я знал, что я не смогу этого сделать. Говард был стар, разочарован в жизни. Карьерные перспективы остались для него позади. Ясное дело, теперь он не хочет прогибаться. Я был молод, только начинал карьеру и совершенно не собирался заканчивать ее так, как он.

Уставясь в гниющую воду канала, я опять вспомнил Нью-Гемпшир, школу на холме, в которой

я в одиночестве проводил каникулы, в то время как мои одноклассники веселились на балах дебютанток. Постепенно я осознал печальный факт. Мне опять не с кем было поговорить.

В ту ночь, лежа в постели, я думал о людях, встретившихся мне в жизни: Говарде, Чарли, Клодин, Энн, Эйнаре, дяде Фрэнке. Интересно, какой была бы моя жизнь, если бы я их не встретил? Где бы я жил? Уж не в Индонезии, это точно. Я размышлял о своем будущем, о том, куда же я иду. Я обдумывал решение, которое мне предстояло принять. Чарли недвусмысленно Дал понять, что ожидает от нас с Говардом

показателей роста не менее 17 процентов в год. Какой же прогноз должен я составить?

Внезапно мне в голову пришла мысль, которая немного Успокоила меня. Почему я раньше до этого не додумался? Решение принадлежало вовсе не мне. Говард сказал, что он поступит так, как сочтет правильным, вне зависимости от моих заключений. Я мог порадовать своих боссов высокой оценкой экономического роста, но он все равно поступит по—своему; моя оценка никак не отразится на генеральном плане. Мне все время указывали на важность моей работы, но это было не так. Гора упала с

моих плеч. Я провалился в глубокий сон.

Через несколько дней Говарда свалил сильнейший приступ амебного гепатита. Мы срочно уложили его в госпиталь при католической миссии. Врачи, назначив лечение, настоятельно посоветовали ему вернуться в Штаты. Говард заверил нас, что уже собрал всю необходимую ему информацию и вполне может закончить отчет в Бостоне. Прощаясь, он повторил мне то, о чем уже предупреждал раньше:

— У тебя нет необходимости химичить с цифрами. Я не буду участвовать в этой афере, и мне все

равно, что ты там расскажешь о чудесах экономического роста!

Часть II: 1971–1975

Глава 6. Я В РОЛИ ИНКВИЗИТОРА

По условиям нашего контракта с правительством Индонезии, Азиатским банком развития и USAID, кто-то из нас должен был посетить все самые густонаселенные центры территории, охватываемой генеральным планом. Эту обязанность возложили на меня. Чарли сформулировал это так:

— Ты выжил на Амазонке; ты знаешь, как обращаться с насекомыми, змеями и грязной водой.

Вместе с водителем и

переводчиком я посетил множество красивых мест и жил в довольно мрачных жилищах. Я встречался с местными бизнесменами и политическими лидерами и выслушивал их мнение о перспективах экономического роста. Однако я обнаружил, что большинство из них не стремятся поделиться со мной информацией. Казалось, их путает мое присутствие. Они все как один говорили, что мне надо сначала получить разрешение на встречу либо у руководства, либо в государственных учреждениях, либо в головном офисе фирмы в Джакарте. Иногда мне казалось, что они вступили в какой-то тайный

сговор против меня.

Обычно эти поездки были недолгими, не более двух–трех дней. В перерывах я возвращался в «Висму» в Бандунге. У женщины, управлявшей пансионом, был сын, на несколько лет младше меня. Его имя было Расмон, но все, кроме матери, называли его Рейси. Он изучал экономику в местном университете и поэтому сразу же заинтересовался моей работой. Честно говоря, я ждал, что он попросит меня о работе. Кроме того, он начал обучать меня индонезийскому языку.

После	завоевания
независимости	от голландцев
президент	Сукарно считал

приоритетом создание легкого для изучения языка. На островах архипелага говорят на более чем 350 языках и диалектах [\[18\]](#), и Сукарно понял, что государству необходим общий язык, чтобы объединить людей, живущих на разных островах и принадлежащих к различным культурам. Он пригласил команду лингвистов из разных стран, и результатом их в высшей степени успешной работы стал индонезийский язык. В основе его лежит малайский язык. В нем нет такого количества времен, неправильных глаголов и прочих сложностей, как во многих других языках. К концу 1970-х годов

большинство индонезийцев уже говорили на нем, хотя продолжали использовать яванский и другие диалекты в своих общинах. Рейси был прекрасным учителем, с великолепным чувством юмора, и по сравнению с шуарским или даже испанским языками индонезийский показался мне легче легкого.

У Рейси был мотоцикл, и он поставил перед собой задачу познакомить меня с городом и его жителями.

— Я покажу вам Индонезию, которую вы не видели, — пообещал он как-то вечером и попросил сесть на мотоцикл позади него.

Мы увидели марионеточный

театр теней, музыкантов, играющих на традиционных национальных инструментах, огнедышащих фокусников, жонглеров, уличных продавцов, продающих все — от контрабандных американских кассет до редчайших предметов местной культуры. В конце концов мы оказались в крошечном кафе. Его посетители, молодые женщины и мужчины, своей одеждой и прическами напоминали зрителей на концерте группы «Битлз» в конце 1960-х годов; однако все они явно были индонезийцами. Рейси представил меня группе молодых людей, сидевших около столика, и мы присоединились к ним.

Они все в той или иной степени владели английским, но оценили и с удовольствием поощряли мои попытки говорить на индонезийском. Открыто говоря об этом, они спросили, почему американцы никогда не учат их язык. У меня не было ответа на этот вопрос. Не было и объяснений, почему я единственный из американцев или европейцев оказался в этой части города, хотя нас всегда много в гольф-клубе, в шикарных ресторанах, кинотеатрах и дорогих супермаркетах.

Я всегда буду помнить эту ночь. Рейси и его друзья относились ко мне как к своему. Я почувствовал

эйфорию от нахождения там, оттого, что вместе с ними радуюсь этому городу, еде, музыке, запаху гвоздичных сигарет и другим ароматам, которые были частью их жизни, шучу и смеюсь вместе с ними. Как будто опять вернулось время, когда я работал в Корпусе мира. Интересно, думал я, почему мне всегда казалось, что я хочу путешествовать первым классом, ограждая себя от этих людей. Вечер продолжался. Они с возрастающим интересом стали расспрашивать меня. Их интересовало мое впечатление об их стране, о войне, которую вели Соединенные Штаты во Вьетнаме. Их всех шокировало то,

что они называли «незаконным вторжением», и они с облегчением узнали, что я разделяю их чувства.

Мы с Рейси вернулись в пансион поздно, свет уже был потушен. Я горячо поблагодарил его за приглашение в свой мир; он поблагодарил за то, что я был откровенен с его друзьями. Мы решили, что будем встречаться еще, обнялись и разошлись по комнатам.

Случай с Рейси еще больше подзадорил мое желание проводить как можно меньше времени с коллегами из МЕЙН. На следующее утро, беседуя с Чарли, я сообщил ему, что меня не удовлетворяют мои попытки получить информацию от

местных. Кроме того, большую часть необходимых мне статистических данных можно было получить только в правительственных учреждениях в столице. Мы договорились, что мне придется провести одну—две недели в Джакарте.

Он посочувствовал, что мне придется поменять Бандунг на душный мегаполис, я же сделал вид, что эта идея не вызывает во мне удовольствия. В душе, однако, я ликова́л, поскольку у меня появлялась возможность побыть одному, рассмотреть Джакарту, пожить в эlegantном «Интерконтинентал Индонезия». Но, уже будучи в Джакарте, я понял, что

смотрю на жизнь под другим углом зрения. Ночь, проведенная с Рейси и его друзьями, и мои поездки по стране изменили меня. Я понял, что смотрю на своих соотечественников—американцев другими глазами. Молодые жены высокопоставленных сотрудников уже не казались такими красивыми. Забор вокруг бассейна, стальные решетки на окнах нижних этажей, незаметные раньше, теперь бросались в глаза. Еда в элегантных ресторанах отеля казалась безвкусной.

И еще кое—что я заметил. Во время моих встреч с политическими лидерами и руководством фирм я уловил лукавство в отношении ко

мне. Я не ощущал этого раньше, но теперь заметил, что многим из них было неприятно мое присутствие. Например, когда они представляли меня друг другу, они часто употребляли индонезийское слово, которое, согласно моему словарю, означало «инквизитор» и «следователь». Я намеренно не показывал, что знаю их язык, даже мой переводчик был уверен, что я знаю только несколько дежурных фраз. Я купил хороший индонезийско—английский словарь, и часто пользовался им после таких встреч.

Были ли эти эпитеты случайными? Может, они

неправильно переведены в словаре? Я пытался убедить себя, что так оно и было. Но чем больше времени я проводил среди этих людей, тем больше убеждался, что я был незванным гостем, что приказ помогать мне был спущен им откуда-то сверху и что они не могли ему не подчиниться. Я не представлял, кто мог дать им такой приказ: чиновник из правительства, банкир, генерал, посольство США. Я знал только, что они приглашали меня в свои кабинеты, предлагали чай, вежливо отвечали на вопросы и всеми возможными способами пытались показать, как им приятен мой визит, пряча при этом затаенную вражду и

злобу.

Это заставило меня задуматься об их ответах на мои вопросы и о том, насколько достоверной была их информация. Например, я никогда не мог прийти в офис с переводчиком просто так, не договорившись о встрече предварительно. В этом не было бы ничего особенного, но такая организация встреч пожирал а огромное количество времени. Поскольку телефоны работали редко, приходилось ехать в офис по забитым транспортом улицам, которые так причудливо извивались, что иногда требовалось потратить час, чтобы добраться до здания, расположенного всего в нескольких

кварталах. Когда мы приходили в офис, нас просили заполнить несколько бланков. Наконец появлялся секретарь — обычно мужчина. Вежливо, с любезной улыбкой, которой славятся яванцы, он спрашивал меня о том, какого рода информация меня интересует, а затем назначал время встречи.

Эти встречи всегда, без исключения, назначались не раньше чем через неделю, и, когда она наконец происходила, мне выдавали папку с подготовленными материалами. Владельцы предприятий промышленности давали мне пяти-и десятилетние планы, банкиры — таблицы и

графики, чиновники из правительства — списки проектов, которые вот-вот должны были сойти с чертежных досок и стать двигателями экономического роста. Все материалы, передаваемые мне этими ведущими бизнесменами и высокопоставленными чиновниками из правительства, а также сказанное ими в наших беседах — все это свидетельствовало о том, что Ява находится на пороге величайшего экономического взлета, подобного которому не знала еще ни одна страна мира. Никто из них, ни единый человек, ни разу не поставил под сомнение эту посылку или дал какую-либо негативную

информацию.

По дороге в Бандунг я размышлял об этих встречах: меня не покидало чувство беспокойства. Мне подумалось, что все, что я делал в Индонезии, больше походило на игру, чем на реальность. Как будто мы играли в покер. Карты были закрыты. Мы не могли доверять друг другу или полагаться на информацию, которой делились. Но это была смертельно серьезная игра, и ее результат будет оказывать влияние на миллионы жизней в течение нескольких десятилетий.

Глава 7. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОД СУДОМ

— Я повезу вас сегодня на даланга. — Рейси широко улыбался. — Ну, вы знаете, известные представления индонезийских марионеток. — Он посмотрел мне в глаза. — Сегодня очень важное представление. Мне кажется, вы много узнаете.

Он повез меня через те части Бандунга, о существовании которых я даже не подозревал, через кварталы, застроенные традиционными яванскими домиками кампонт, которые походили на построенные

для бедных крошечные копии крытых черепицей дворцов. Остались позади величественные голландские дома в колониальном стиле и офисные здания. Люди были явно бедными, однако вели себя с исключительным достоинством. На них были поношенные, но чистые саронги из батика, яркие рубашки и широкополые соломенные шляпы. Везде нас приветствовали улыбками и смехом. Когда мы останавливались, к нам подбегали дети, чтобы дотронуться до меня и потрогать ткань моих джинсов. Маленькая девочка воткнула мне в волосы душистый цветок.

Мы припарковали мотоцикл

недалеко от уличного театра. Там собрались уже несколько сотен человек. Одни стояли, другие сидели на раскладных стульях. Ночь была прозрачной и красивой. Хотя мы находились в старейшей части Бандунга, уличного освещения не было, и звезды вовсю сияли над головами. Воздух был наполнен ароматами древесного дыма, арахиса и гвоздики.

Рейси растворился в толпе и вскоре вернулся с друзьями, с которыми я познакомился в кафе. Они угостили меня горячим чаем, крошечными пирожными и сате — маленькими кусочками мяса, приготовленного в арахисовом масле.

Видимо, они догадались, что я с сомнением отнесся к сате, потому что одна из женщин, указав на небольшой костер, засмеялась:

— Очень свежее мясо, только что приготовлено.

Потом заиграла музыка: раздались чарующие звуки гамалонга, инструмента, напоминающего звучанием храмовые колокола.

— Даланг исполняет всю музыку сам, — прошептал Рейси.

— Он также управляет всеми куклами и говорит их голосами, на нескольких языках. Мы вам переведем.

Это было замечательное

представление, соединившее в себе местные легенды и современные события. Позже я узнал, что даланг — это шаман, который работает в состоянии транса. У него было более ста кукол, и каждая говорила особым голосом. Я никогда не забуду этой ночи. Она наложила отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. После нескольких классических сцен из древней «Рамаяны» даланг достал куклу, изображавшую Ричарда Никсона, с характерным длинным носом и обвисшими щеками. Президент США был одет, как дядя Сэм, — в звездно-полосатый цилиндр и фрак. С ним был еще один персонаж, одетый в полосатую

тройку. В одной руке он держал ведро, украшенное долларовыми значками, в другой — американский флаг, которым он обмахивал Никсона, как слуга обмахивает веером своего хозяина. За ними появилась карта Ближнего и Дальнего Востока. На месте каждой страны был крючок, с которого свешивались страны. Никсон подошел к карте, снял с крючка Вьетнам и запихнул его в рот. Он закричал что-то. Мне перевели это как:

— Горько! Никуда не годится! Нам такого больше не надо!

— Он выбросил Вьетнам в ведро и стал проделывать то же с другими

странами.

Однако я удивился, увидев, что следующими шли не страны Юго-Восточной Азии, а страны Ближнего Востока: Палестина, Кувейт, Саудовская Аравия, Ирак, Сирия и Иран. После этого он подошел к Пакистану и Афганистану. Каждый раз, перед тем как бросить страну в ведро, Никсон выкрикивал какой-то эпитет, и в каждом случае это были оскорбительные слова антиисламской направленности: «Мусульманские собаки», «Чудовища Мохаммеда», «Исламские дьяволы».

Толпа возбудилась, по мере наполнения корзины напряжение росло. Казалось, их разрывали

одновременно смех, шок и ярость. Я чувствовал, что временами слова кукольника их задевали. Я тоже чувствовал себя не в своей тарелке: я выделялся из толпы, был выше остальных и поэтому боялся, что они могут направить свой гнев против меня. Потом Никсон сказал такое, что, когда Рейси перевел эти слова, волосы зашевелились у меня на голове:

— А это отдайте Всемирному банку. Посмотрим, сколько он сможет заработать для нас на Индонезии. — Сняв Индонезию с карты, он уже собрался бросить ее в ведро, но в этот момент на сцене появилась другая кукла. Она

изображала индонезийца, одетого в рубашку из батика и брюки хаки, на груди у нее была табличка с именем.

— Популярный бандунгский политик, — объяснил Рейси. Кукла встала между Никсоном и человеком с ведром и подняла руку вверх.

— Остановитесь! — закричала она. — Индонезия суверенна! Толпа разразилась аплодисментами. Человек с ведром поднял флаг и вонзил его, как копье, в индонезийца. Тот, покачнувшись, упал. Зрители засвистели, заулюлюкали, закричали, потрясая кулаками. Никсон и человек с ведром некоторое время смотрели на зрителей. Затем, поклонившись, покинули сцену.

— Думаю, мне лучше уйти, — сказал я Рейси. Рейси положил руку мне на плечо.

— Все нормально, — сказал он. — Это не против вас лично. Но у меня не было в этом уверенности.

Потом мы все собрались в кафе. Рейси и его друзья уверили меня, что ничего не знали о том, что в спектакле будет сценка о Никсоне и Всемирном банке.

— Никогда не знаешь, чего ожидать от этого кукольника, — сказал кто-то из них.

Я поинтересовался, не было ли это сделано в честь моего присутствия. Кто-то рассмеялся и заметил, что у меня слишком

раздутое эго.

— Типично для американцев, — добавил он, дружески похлопав меня по спине.

— Индонезийцы очень чувствительны в отношении политики, — сказал мужчина, сидевший рядом со мной. — А американцы разве не смотрят подобные шоу?

За столом напротив меня сидела красивая женщина, студентка местного университета, специализировавшаяся на английском языке и литературе.

— Но вы ведь сотрудник Всемирного банка, не так ли? — спросила она.

Я сообщил ей, что в настоящее время работаю на Азиатский банк развития и USAID.

— А это разве не одно и то же?
— спросила она и, не дожидаясь ответа, добавила: — Разве сегодняшняя пьеска не соответствует действительности? Разве ваше правительство не воспринимает Индонезию и другие страны всего лишь как гроздь... — Она помедлила, подыскивая нужное слово.

— Винограда, — подсказал кто-то из ее друзей.

— Точно. Гроздь винограда. Можно сорвать гроздь и выбрать: оставим Англию, съедим Китай,

выбросим Индонезию.

— После того как заберем всю их нефть, — добавила другая женщина.

Сначала я решил защититься, но оказался не готов к этому. Мне хотелось гордиться тем, что я приехал в эту часть города, посмотрел до конца это антиамериканское представление, которое мог бы расценить как личное оскорбление. Я хотел, чтобы они оценили мою смелость, чтобы знали, что я единственный из всей нашей команды, взявший на себя труд изучать индонезийский язык и питавший хоть какой-то интерес к их культуре, хотел подчеркнуть, что был

единственным иностранцем на этом спектакле. Но потом подумал, что более благоразумным будет не упоминать ничего такого. Я решил сменить тему разговора и спросил, почему, на их взгляд, даланг говорил только о странах мусульманского мира, если не считать Вьетнам. Красивая студентка рассмеялась.

— Потому что в этом заключается план.

— Вьетнам всего лишь первый шаг, — вмешался кто-то. — Как Голландия для нацистов. Пробный камень.

— Конечная цель, — продолжала женщина, — мусульманский мир.

Я не мог оставить это без ответа.

— Неужели вы думаете, — возразил я, — что Соединенные Штаты настроены против исламского мира?

— А неужели нет? — спросила она. — С каких это пор? Почитайте своих собственных историков, например Тойнби. Еще в пятидесятых он предсказал, что настоящее сражение в следующем веке будет не между капиталистами и коммунистами, а между христианами и мусульманами.

— Это сказал Арнольд Тойнби?
— Я был ошеломлен.

— Да. Почитайте

«Цивилизацию под судом» и «Мир и Запад».

— Но почему должно возникнуть такое противостояние между христианами и мусульманами?

Сидящие за столом переглянулись. Похоже, им трудно было поверить, что я мог задать такой глупый вопрос.

— Потому что, — сказала она медленно, как будто обращаясь к глухому или медленно соображающему, — западные страны, особенно их лидер, США, намерены установить контроль над всем миром, стать величайшей империей в истории человечества. И

они очень близки к тому, чтобы преуспеть в этом. Пока что на их пути стоит Советский Союз, но Советы не вечны. Тойнби это понимал. У них нет религии, нет веры, за их идеологией ничего не стоит. История показывает, что вера — это душа, вера в высшие силы исключительно важна. У нас, мусульман, это есть. У нас этого больше, чем у кого бы то ни было в мире, даже у христиан. Так что мы выжидаем. Мы становимся сильнее.

— Мы выждем, — вмешался один из них, — а затем нападём, как змея.

— Какая ужасная мысль! — Я едва сдерживался. — И что можно

сделать, чтобы изменить ситуацию?

Женщина посмотрела мне прямо в глаза.

— Перестать быть такими жадными, — сказала она, — и эгоистичными. Осознать, что в мире есть еще кое-что помимо ваших больших домов и затейливых магазинов. Люди умирают с голоду, а вас волнует только бензин для ваших машин. Дети умирают от жажды, а вы просматриваете журналы мод в поисках новейших фасонов. Страны, подобные нашей, погрязли в нищете, но вы даже не слышите наших криков о помощи. Вы заткнули уши, чтобы до вас не доносились голоса тех, кто пытается рассказать вам об этом. Вы

называете их радикалами или коммунистами. Вы должны открыть свои сердца бедным и обездоленным, вместо того чтобы дальше заталкивать их в нищету и рабство. Осталось не так много времени. Если вы не изменитесь, вы обречены.

Через несколько дней популярный бандунгский политик, чья кукла спорила с Никсоном и была убита человеком с ведром, погиб в автокатастрофе. Водитель, виновный в этом, скрылся с места происшествия.

Глава 8. ИИСУС ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ

Меня не покидали воспоминания об этом представлении, как, впрочем, и слова красивой студентки. Та ночь в Бандунге буквально вытолкнула меня на новый уровень мышления и понимания. Конечно, я не забывал о последствиях того, что мы делали в Индонезии, моими реакциями управляли эмоции, и обычно мне удавалось успокоить свои чувства обращением к разуму, примерами из истории и ссылками на человеческое естество. Я обосновывал наше

участие тем, что мы ведем себя как обычные люди, убеждал себя, что Эйнар, Чарли и все члены нашей команды действовали так, как и положено мужчинам: заботились о себе и своих семьях.

Однако наша дискуссия с молодыми индонезийцами заставила меня увидеть и другую сторону вещей. Глядя на ситуацию их глазами, я понял, что эгоистический подход во внешней политике нигде в мире не помогает и не защищает будущие поколения. Он в такой же степени близорук, как годовые отчеты корпораций и выборные стратегии политиков, которые и разрабатывают эту самую внешнюю

политику.

Сбор необходимой мне для отчета информации требовал частых поездок в Джакарту. Пользуясь своим одиночеством во время этих командировок, я размышлял обо всех этих вопросах и записывал свои мысли в дневник. Я бродил по улицам города, подавая милостыню нищим, и пытался вступить в разговор с прокаженными, проститутками и калеками.

Кроме того, я размышлял о природе иностранной помощи, обдумывая возможности настоящего содействия, которое развитые страны (РС, на жаргоне Всемирного банка) могли бы оказать в борьбе с

бедностью и нищетой в развивающихся странах (на жаргоне — в «менее развитых странах», или МРС). Я стал задумываться над тем, в каких случаях иностранная помощь идет от чистого сердца, а когда она представляет собой проявление жадности и эгоизма. Я засомневался, бывает ли такая помощь альтруистичной, и если нет, то можно ли изменить ситуацию. Я был уверен, что такие страны, как моя, должны немедленно начать помогать бедным и страждущим во всем мире. Однако я был в такой же степени уверен, что эти соображения вряд ли когда-либо могли быть главной причиной нашего вмешательства.

Я все время возвращался к одному и тому же основному вопросу: если иностранная помощь предоставляется с целью установления империалистического господства, так ли уж это плохо? Зачастую я завидовал людям, подобным Чарли, которые настолько сильно верили в нашу систему, что стремились навязать ее другим странам. Я сомневался, что ограниченные ресурсы позволят всему миру вести такую же сытую жизнь, как в Соединенных Штатах, хотя и в Штатах есть люди, живущие в нищете. Кроме того, я не до конца был уверен, что люди других стран действительно хотят жить, как мы.

Статистические показатели насилия, депрессии, наркомании, разводов, преступности свидетельствовали о том, что, хотя наше общество и является самым богатым в истории, оно, возможно, и одно из наименее счастливых. Почему же мы хотим, чтобы другие подражали нам?

Возможно, Клодин предостерегала меня от всего этого. Я уже не был уверен в том, что именно она пыталась сообщить мне. В любом случае, если оставить в стороне соображения разума, теперь стало ясно до боли, что дни моей неосведомленной невинности прошли. В своем дневнике я записал:

«Есть ли еще невинные люди в

США? Хотя больше всех выигрывают люди, стоящие на вершине пирамиды, миллионы из нас зависят — прямо или опосредованно — от эксплуатации МРС в целях получения доходов. Ресурсы и дешевая рабочая сила, которые и питают наш бизнес, находятся в таких местах, как Индонезия. Туда же возвращаются лишь крохи. Иностранные займы гарантируют то, что сегодняшние дети и их внуки будут удерживаться в заложниках. Им придется позволить нашим корпорациям разграблять их природные богатства, им придется отказаться от образования, здравоохранения и социальной

помощи, чтобы только выплатить нам долги. Тот факт, что наши собственные компании уже получили обратно большую часть этих денег для строительства электростанций, аэропортов и технопарков, не меняет этой формулы. Делает ли большинство американцев невинными тот факт, что не знают об этом? Не информированы и намеренно дезинформированы — да, но невинны ли?»

Конечно, мне приходилось признать тот факт, что теперь я в числе тех, кто активно дезинформирует.

Идея мировой священной войны, безусловно, беспокоила меня. Чем

дольше я размышлял над этим, тем больше я убеждался в том, что она вполне возможна. Однако мне казалось, что, если джихаду и суждено начаться, это будет скорее война не между исламским и христианским миром, а между МРС и РС, при этом мусульмане могут быть в первых рядах. РС пользуются ресурсами, МРС их поставляют. Это все та же колониальная система, существующая для того, чтобы имеющие силу и ограниченные естественные ресурсы могли легко эксплуатировать слабых, но обладающих природными богатствами.

У меня не было с собой книг

Тойнби, но я достаточно знал историю, чтобы понимать, что после длительного периода эксплуатации поставщики ресурсов начнут оказывать сопротивление. Для этого достаточно было обратиться к примеру американской революции и Тому Пейну. Я помнил, что британцы, обосновывая свои налоги, утверждали, что Англия предоставляет помощь колониям в виде военной защиты от французов и индейцев. Колонисты же видели все совсем по-другому.

В своем блестящем труде «Здравый смысл» Пейн предложил своим соотечественникам то, что мои юные индонезийские друзья

назвали «душой»: идею, то есть веру в справедливость высшей силы, и религию — религию свободы и равенства. Это было диаметрально противоположным британской монархии и ее элитарной классовой системе. Мусульмане предлагали нечто подобное: веру в высшую силу и уверенность, что развитые страны не имеют права подчинять себе и эксплуатировать остальной мир. Подобно солдатам народной милиции эпохи колониальных войн, мусульмане грозили бороться за свои права. И как британцы в 1770-х, мы назвали эти действия терроризмом. История повторялась.

Я думал, каким бы стал мир,

если бы Соединенные Штаты и их союзники направили все деньги, потраченные на колониальные войны — подобные войне во Вьетнаме, на борьбу с голодом или на то, чтобы сделать образование и здравоохранение доступным для всех людей, включая собственных граждан. Я думал о том, какими бы стали будущие поколения, если бы мы посвятили себя облегчению страданий, защите воды, лесов и других природных богатств, дающих чистую воду, воздух и то, что питает нашу плоть и дух. Я не мог поверить, что наши отцы—основатели предусматривали право на жизнь, свободу и счастье только для граждан

Америки. Почему же мы сейчас внедряем стратегии, насаждающие отброшенные ими империалистические ценности?

В последнюю ночь в Индонезии я проснулся из-за привидевшегося сна, сел на кровати, включил свет. У меня было чувство, что в комнате кто-то есть. Я обвел взглядом знакомую мебель, батики, марионетки в рамках, висевшие на стене. А потом сон продолжился.

Я увидел перед собой Христа. Он походил на того Христа, с которым я мальчишкой, прочитав обычные молитвы, беседовал каждую ночь. Только Христос моего детства был светлокож и

светловолос, а у этого были вьющиеся темные волосы и темная кожа. Он нагнулся и поднял что-то. Я думал, что это крест. Но вместо креста я увидел автомобильную ось с прикрепленным к ней ободом колеса. Возвышаясь над его головой, обод образовывал нимб. По лбу, как кровь, стекала грязь. Он выпрямился, пристально посмотрел мне в глаза и сказал:

— Если бы я вернулся сейчас, ты бы увидел меня другим.

— Почему? — спросил я.

— Потому что, — ответил он, — мир изменился.

Я взглянул на часы: было уже почти утро. Я знал, что больше не

засну. Одевшись, я спустился на лифте в пустынный холл отеля и пошел бродить по саду около бассейна. Ярko светила луна; воздух был наполнен запахом орхидей. Я сел в шезлонг и задумался о том, что я делал здесь, почему случайные обстоятельства моей жизни повели меня этим путем, сюда, в Индонезию. Я знал, что моя жизнь изменилась, но не догадывался, насколько разительно.

На обратном пути из Индонезии я встретился с Энн в Париже, чтобы попытаться возобновить совместную жизнь. Однако даже во время этого отпуска во Франции мы продолжали ссориться. И хотя в наших

отношениях было много приятных и красивых моментов, мы оба поняли, что застаревшие обиды и озлобленность стали слишком большим препятствием на нашем пути. Кроме того, очень много я не мог ей рассказать. Единственный человек, с кем бы я мог поделиться, была Клодин, и я постоянно думал о ней. Мы с Энн приземлились в аэропорту Бостона и поехали в Бэк-Бэй — каждый в свою квартиру.

Глава 9.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС В ЖИЗНИ

Настоящее испытание ожидало меня в МЕЙН. Утром я отправился в штаб-квартиру и, ожидая вместе с десятками других сотрудников лифт, узнал, что Мак Холл, загадочный восьмидесятилетний председатель и главный исполнительный директор МЕЙН, повысил Эйнара, сделав его главой отделения в Портленде, в Орегоне. Теперь моим начальником стал Бруно Замботти.

Прозванный «серебристым
лисом» за цвет волос и за

сверхъестественную способность переиграть любого, кто пытался тягаться с ним, Бруно своим элегантным видом походил на Кери Гранта. Он был красноречив, и у него было два диплома: инженера и магистра делового администрирования. Он разбирался в эконометрике и был вице-президентом МЕЙН, курирующим отдел электрификации, а также большую часть наших международных проектов. Кроме того, он являлся наиболее вероятным кандидатом на пост президента корпорации после выхода на пенсию своего наставника, стареющего Джейка Добера. Как и большинство

наших сотрудников, я трепетал и благоговел перед Бруно Замботти.

Незадолго до обеда меня вызвали в кабинет Бруно. После Доброжелательной беседы об Индонезии он сказал такое, что заставило меня подпрыгнуть на стуле.

— Я увольняю Говарда Паркера. Нет необходимости вдаваться в детали, скажу только, что он утерял связь с реальностью. — Его приятная улыбка сбивала с толку. Он побарабанил пальцами по стопке бумаг на столе. — Восемь процентов в год.

Это прогноз нагрузки. Вы можете в это поверить? В стране с

таким потенциалом, как Индонезия!

Улыбка исчезла с его лица. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Чарли Иллингворт сказал мне, что ваш экономический прогноз бьет прямо в цель и вы дадите обоснование нагрузки в 17–20 процентов. Это так?

Я заверил его, что так.

Он поднялся и подал мне руку.

— Поздравляю. Вы только что получили повышение.

Возможно, в тот вечер мне следовало отметить это повышение где-нибудь в хорошем ресторане, одному или с коллегами. Однако все мои мысли были о Клодин. Мне страшно хотелось рассказать ей о

своём повышении и о работе в Индонезии. Она просила не звонить ей из-за границы, и я не звонил. Теперь же я, к своему ужасу, узнал, что ее телефон отключен и новый номер абонента отсутствует. Я отправился на поиски.

В ее квартиру въехала молодая пара. Было обеденное время, но, похоже, я вытащил их из постели. С недовольным видом они сообщили мне, что ничего не знают о Клодин. Под видом кузена я зашел в агентство по найму жилья. Согласно их документам, они никогда не сдавали квартиры женщине с таким именем; до этого квартира была сдана мужчине, который просил не

раскрывать его имя. Вернувшись в комплекс «Пруденшл Сентер», я зашел в отдел кадров МЕЙН, но у них она тоже не значилась, разве что в папке «специальные консультанты», но у меня не было к ней допуска.

К концу дня я был измотан и эмоционально опустошен. К тому же очень сильно сказывалась перемена часового пояса. Возвратившись в свою пустую квартиру, я почувствовал себя ужасно одиноким и всеми брошенным. Мое повышение казалось мне бессмысленным и, даже хуже, символом моей готовности к предательству. Охваченный отчаянием, я бросился на кровать. Клодин использовала

меня, а затем выбросила. Стараясь не поддаваться своей тоске, я перестал прислушиваться к своим эмоциям. Я лежал на кровати, уставясь в голые стены. У меня было ощущение, что это длилось несколько часов.

Наконец мне удалось собраться. Поднявшись, я выпил пива, разбив бутылку о стол. Потом выглянул в окно. Мне показалось, что я увидел ее — она двигалась по направлению к моему дому. Я кинулся к двери, потом опять вернулся к окну. Женщина подошла ближе. Я видел, что она привлекательна, ее походка напоминала походку Клодин, но это была не Клодин. Душа ушла в пятки, и моя злость и ненависть сменились

страхом.

Я представил себе Клодин, падающую под градом пуль, Клодин, погибающую от рук наемного убийцы. Страхнув видение, я принял пару таблеток валиума, а потом пил до тех пор, пока не уснул.

Утром звонок из отдела кадров МЕЙН вывел меня из ступора. Звонил начальник отдела, Пол Мормино. Да, он понимает, что мне нужен отдых, но просит зайти к нему во второй половине дня.

— Хорошие новости, — сказал он. — Это лучшее средство, чтобы догнать самого себя.

Я подчинился указанию. В офисе я узнал, что Бруно более чем

сдержал слово. Меня не просто перевели на должность Говарда; мне дали звание главного экономиста и значительное повышение в зарплате. Это меня слегка взбодрило.

Взяв отгул на остаток дня, я побрел вдоль Чарльз-Ривер с бутылкой пива в руках. Сидя на берегу, наблюдая за парусниками и пытаясь справиться с последствиями перемены часового пояса и жесточайшим похмельем, я убеждал себя, что Клодин, завершив свое задание, начала работу над новым. Она всегда подчеркивала необходимость соблюдать секретность. Она позвонит мне. Мормино был прав. Мое болезненное

состояние и волнение постепенно улетучивались.

В течение следующих недель я старался не думать о Клодин. Я сосредоточился на отчете об Индонезии и переработке прогноза Говарда. У меня получился именно тот отчет, который хотело увидеть мое руководство: рост потребности в электроэнергии 19 процентов в год в течение первых двенадцати лет после ввода в строй новой системы, затем понижение до 17 процентов в течение последующих восьми лет, а затем 15 процентов на весь период до окончания двадцатипятилетнего срока.

Я докладывал свои результаты

на официальных встречах с международными организациями, занимающимися выдачей займов. Меня долго и беспощадно допрашивали их эксперты. К тому времени мои эмоции приняли форму мрачной решимости, подобно тому, как в школьные времена они подталкивали меня к стремлению стать лучшим, а не сопротивляться. Тем не менее, воспоминания о Клодин постоянно присутствовали где-то рядом. Когда бойкий молодой экономист, намерившийся заработать очки в Азиатском банке развития, безжалостно допрашивал меня полдня, я вспомнил совет, который дала мне Клодин много месяцев

назад у себя в квартире на Бикон-стрит.

— Кто может знать, что будет через двадцать пять лет? — спросила она тогда. — Твои предположения ничуть не хуже, чем их. Здесь главное — уверенность.

Я убедил себя, что являюсь экспертом, напомнил себе, что мой опыт работы в развивающихся странах значительно больше, чем у многих из тех (хотя некоторые из них были раза в два меня старше), кто сейчас оценивал мой отчет. Я жил в Эквадоре, я посетил те места на Яве, куда никто не хотел ехать. Я прослушал несколько интенсивных курсов, посвященных сложнейшим

вопросам эконометрики; я внушал себе, что принадлежу к новой породе разбирающихся в статистике и поклоняющихся эконометрике умненьких деток, которым симпатизировал Роберт Макнамара, всегда закрытый, застегнутый на все пуговицы президент Всемирного банка, бывший президент «Форд мотор компани», министр обороны в кабинете Кеннеди. Это был человек, создавший себе репутацию на цифрах, на теории вероятности, на математических моделях и, по моим подозрениям, на показной храбрости своего раздутого эго.

Я пытался подражать одновременно и Макнамаре, и

своему боссу, Бруно. У первого я перенял манеру разговаривать, у второго — манеру расхаживать с важным видом, с дипломатом в руке. Сейчас, вспоминая все это, я только удивляюсь своей дерзости. На самом же деле мои знания были весьма ограничены, но недостаток образования и знаний я восполнял нахальством.

И это сработало. В конце концов команда экспертов утвердила мои отчеты.

Последующие месяцы были заняты совещаниями в Тегеране, Каракасе, Гватемале, Лондоне, Вене, Вашингтоне. Я познакомился с известными людьми, включая шаха

Ирана, бывших президентов нескольких стран и самого Роберта Макнамару. Подобно школе Хилтон, это был мир мужчин. Меня поразило, как мое повышение и слухи о моем успехе в переговорах с финансовыми организациями повлияли на отношение ко мне других людей.

Поначалу это внимание ударило мне в голову. Я вообразил себя Мерлином, мановением руки способным оживить страну и заставить промышленность бурно расти, подобно цветам. Затем иллюзии растаяли. Я раздумывал о том, что двигало мною и теми людьми, с которыми я работал. Оказывается, звучное наименование

должности или славное звание доктора наук (PhD) не помогает его носителю понять положение прокаженного, живущего рядом с открытым коллектором нечистот в Джакарте. Я сомневался, что навык манипулирования статистическими данными давал возможность предвидеть будущее. Чем лучше я узнавал тех, чьи решения влияли на судьбы мира, тем с большим скепсисом я относился к их способностям и целям. Глядя на лица сидящих за столами в комнатах для совещаний, я с трудом пытался побороть в себе раздражение.

Однако в конце концов я изменил и это мнение. Я понял, что

большинство этих людей считали, что поступают правильно. Подобно Чарли, они были убеждены, что коммунизм и терроризм — это порождение зла, а не предсказуемая реакция на решения, которые выносили они и их предшественники; что они имели обязательство перед своей страной, своими детьми и Богом обратить мир к капитализму. Кроме того, они руководствовались принципом «выживает сильнейший»: если им посчастливилось родиться в обеспеченной семье, а не в картонной лачуге, они считали своим долгом передать это везение по наследству своим отпрыскам.

Я колебался: воспринимать ли происходящее как заговор членов некоей тайной организации или просто как сплоченное братство людей, несколько «тронувшихся» на стремлении править миром. Все-таки со временем я уподобил их сообществу плантаторов Юга до Гражданской войны. Это была группа людей, разделяющих сходные убеждения и интересы, а не комитет избранных, тайно собирающихся в укромных местах и вынашивающих зловещие замыслы. Плантаторы-деспоты росли в окружении слуг и рабов, им внушали, что их право и даже долг — заботиться об этих дикарях, обращать их в свою веру,

приучать их к образу жизни, удобному их хозяевам. Даже осуждая рабство в философском смысле, они, подобно Томасу Джефферсону, обосновывали его необходимость, считая, что крах рабовладельческой системы приведет к социальному и экономическому хаосу. Руководители нынешних олигархий (теперь я называл их корпоратократией), похоже, вписывались в этот шаблон.

Кроме того, я размышлял о том, кто выигрывает от войн и массового производства оружия, от перегораживания рек, от уничтожения местных культур и их среды обитания. Кому выгодно то, что сотни тысяч людей умирают от

недостатка еды, от зараженной воды, от болезней, которые можно вылечить. Очень медленно я пришел к пониманию, что в конечном итоге от этого не выигрывает никто, но, если брать короткий отрезок времени, это выгодно, по меньшей мере материально, стоящим на вершине пирамиды — моим боссам и мне.

Этот вывод поставил несколько новых вопросов: почему эта ситуация продолжает сохраняться? Почему это длится так долго? Только ли потому, что, согласно старой поговорке, «прав сильный» и система оберегается сильными мира сего?

Было бы недостаточно сказать,

что ситуация удерживается только за счет силы. Хотя пословица «сильнейший всегда прав» и объясняла многое, мне казалось, что здесь действовали какие-то более важные силы. Я вспомнил профессора экономики в школе бизнеса, выходца из Северной Индии. В лекциях он рассказывал об ограниченных ресурсах природы, о потребности человека постоянно развиваться, об использовании рабского труда. Он считал, что все успешные экономические системы основаны на иерархии с жесткой системой подчинения, начиная с нескольких человек, стоящих наверху и контролирующих приказы,

спускаемые подчиненным, и кончая огромной армией рабочих внизу, которые, в относительных терминах экономики, могут быть определены как рабы. И тогда я пришел к выводу, что мы поддерживаем эту систему, потому что корпоратократия убедила нас, что Бог дал нам право поместить нескольких избранных на вершину этой капиталистической пирамиды и экспортировать нашу систему в другие страны.

Конечно, мы не первые, кто это делает. Список использовавших этот принцип открывается древнейшими империями Северной Африки, Ближнего Востока и Азии, продолжается Персией, Грецией,

Римом, христианскими Крестовыми походами и строителями европейских империй постколумбовой эпохи. Имперская экспансия была и продолжает оставаться причиной большинства войн, загрязнения окружающей среды, голода, уничтожения видов, геноцида. Граждане империй платят за эту тягу к власти над миром своей совестью и здоровьем. В итоге мы имеем больное общество, самое богатое в истории человечества, но одновременно имеющее наивысшие показатели по числу самоубийств, случаев наркотической зависимости и актов насилия.

Я постоянно раздумывал над

этими вопросами, однако избегал размышлений о своей роли во всем этом. Я пытался думать о себе не как об ЭУ, а как о главном экономисте. Это выглядело очень правильным, и, если мне нужны были подтверждения, я всегда мог взглянуть на корешки квитанций, по которым я получал свою зарплату: на них значилась МЕЙН, частная корпорация. Я не получал ни пенса от АНБ или какой-нибудь другой правительственной организации. Я сам себя убедил. Почти.

Однажды Бруно вызвал меня к себе в кабинет. Встав за моим стулом, он похлопал меня по плечу.

— Ты прекрасно справился с

работой, — промурлыкал он. —
Чтобы показать, как мы ценим твою
работу, мы даем тебе редкий шанс, на
который мало кто может
рассчитывать, даже люди вдвое
старше тебя.

Глава 10. ПРЕЗИДЕНТ ПАНАМЫ И ГЕРОЙ

Я приземлился в международном аэропорту Панамы Токумен поздней апрельской ночью 1972 года, во время тропического ливня. Как было принято в то время, мы поехали в одном такси с еще несколькими сотрудниками, и, поскольку я говорил по-испански, меня усадили на переднее сиденье, рядом с водителем. Я безучастно смотрел в окно. Сквозь потоки дождя виднелись освещенные уличными фонарями портреты красивого мужчины с выдающимся лбом и

сверкающим взглядом. Один край широкополой шляпы был щегольски заломлен вверх. Я узнал тогдашнего героя Панама, Омара Торрихоса.

К этой поездке я готовился по своему обыкновению в справочном отделе Бостонской публичной библиотеки. Я знал, что одной из причин популярности Торрихоса было то, что он являлся твердым защитником, во-первых, права Панама на самоуправление и, во-вторых, притязаний Панама на владение Панамским каналом. Он стремился не допустить повторения прошлых унижительных ошибок в истории страны.

Когда французский инженер

Фердинанд Лессепс, руководивший строительством Суэцкого канала, решил построить канал на Центрально–Американском перешейке, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, Панама была частью Колумбии. Начиная с 1881 года французы прилагали гигантские усилия, но одна катастрофа следовала за другой. Наконец в 1889 году проект закончился финансовым крахом. Но идея вдохновила Теодора Рузвельта. В начале XX века Соединенные Штаты стали настаивать, чтобы Колумбия подписала соглашение, по которому перешеек передавался Северо–Американскому консорциуму.

Колумбия отказалась.

В 1903 году президент Рузвельт послал туда военный корабль «Нэшвилль». Солдаты американской армии захватили и убили популярного командира местных ополченцев и объявили Панаму независимой. Было назначено марионеточное правительство, которое и подписало первое соглашение по каналу. Оно установило американскую зону по обеим сторонам будущего прохода, узаконило вторжение американской армии и обеспечило контроль США над новообразованным «независимым» государством.

Интересно, что соглашение

было подписано госсекретарем США Хеем и французским инженером, Филиппом Бюно–Варильей, давними соратниками по проекту, однако под ним нет ни единой подписи панамца. По сути, Панаму насильно отделили от Колумбии, чтобы использовать в интересах США, в сделке, заключенной американцем и французом. Это ли не знамение на будущее? [\[19\]](#)

Более полувека Панамой управляли несколько состоятельных семей, имеющих сильные связи в Вашингтоне. Все они были диктаторы правого крыла, которые принимали все необходимые, по их мнению, меры, чтобы их страна

обеспечивала интересы США. Подобно большинству латиноамериканских диктаторов, действовавших по указке Вашингтона, панамские правители понимали интересы США как борьбу с любым проявлением народных движений с привкусом социализма. Кроме того, они поддерживали ЦРУ и АНБ в их антикоммунистической деятельности в Западном полушарии и помогали крупным американским компаниям, таким, как «Стандарт ойл» Рокфеллера и «Юнайтед фрут компани» (купленной Джорджем Х.У. Бушем). Очевидно, эти правительства не признавали, что интересам США может служить

улучшение жизни людей, прозябавших в крайней нищете или эксплуатировавшихся корпорациями.

Правящие семьи Панама были хорошо вознаграждены за свою поддержку; от их лица вооруженные силы США неоднократно вторгались в страну в период между объявлением Панама независимой и 1968 годом. Однако в тот год, когда я работал в Эквадоре по линии Корпуса мира, ход истории Панама внезапно изменился. В результате путча Арнульфо Ариас, последний панамский диктатор, был низвергнут. Страну возглавил Омар Торрихос, хотя он не принимал активного участия в путче [\[20\]](#).

Торрихоса особенно уважали средние и нижние слои населения Панамы. Он вырос в сельском городке Сантьяго, его родители были школьными учителями. Он быстро продвинулся по служебной лестнице Национальной гвардии, главного военного подразделения государства. В 1960-х годах она завоевывала все большую поддержку среди бедноты. Торрихос снискал популярность тем, что умел слушать обездоленных. Он приходил к ним в трущобы, организовывал митинги в местах, куда другие политики не осмеливались соваться, помогал безработным найти работу, часто жертвовал свои деньги, которых

было у него немного, семьям, пострадавшим от болезни или несчастья [\[21\]](#).

Слухи о его любви к жизни, состраданию к людям распространились за пределы Панамы. Торрихос хотел сделать свою страну раем для преследуемых, местом, в котором нашли бы приют беженцы с обеих сторон политического фронта, начиная от крайних левых противников Пиночета в Чили до правых оппонентов Кастро. Многие воспринимали его как посланца мира — этот образ прославил его во всем полушарии. Кроме того, он приобрел репутацию лидера,

посвятившего себя разрешению противоречий между различными группировками, рвавшими на части многие из латиноамериканских стран: Гондурас, Гватемалу, Сальвадор, Никарагуа, Кубу, Колумбию, Перу, Аргентину, Чили, Парагвай. Его небольшая страна с населением всего в два миллиона человек стала моделью социальных реформ и вдохновила лидеров самых разных стран и направлений, от польских профсоюзных агитаторов, мечтавших о развале Советского Союза, до воинствующих исламистов вроде Муаммара Каддафи в Ливии [\[22\]](#).

В ту первую ночь в Панаме, в

ожидании зеленого света на перекрестке я вглядывался в изображение на уличном щите: меня взволновал образ этого человека, улыбавшегося мне с плаката, — красивого, харизматичного, смелого. Из литературы, прочитанной в Бостонской библиотеке, я знал, что этот человек умеет отстаивать свои убеждения. Впервые за все время своего существования Панама перестала быть марионеткой Вашингтона или кого бы то ни было. Торрихос никогда не уступал соблазнам, предлагаемым Москвой и Пекином; он верил в социальные реформы, в необходимость помогать бедным, но он не был защитником

коммунизма. В отличие от Кастро, Торрихос был намерен завоевать независимость от Соединенных Штатов, не вступая в союз с их врагами.

В каком-то малоизвестном журнале, найденном мной на стеллажах Бостонской библиотеки, мне встретилась статья, которая превозносила Торрихоса как человека, который повернет историю обеих Америк, положив конец давней тенденции к доминированию США. В качестве отправной точки автор ссылался на Замысел Провидения — мессианскую доктрину, особо популярную в 1840-х годах. Согласно ей завоевание

Северной Америки было божественно предопределено и Бог, а не человек приказал уничтожать индейцев, леса, буйволов, осушать болота, перекрывать реки и развивать экономику, основывающуюся на постоянной эксплуатации людей и расходовании природных ресурсов.

Эта статья натолкнула меня на размышления об отношении моей страны к остальному миру. Доктрина Монро, первоначально провозглашенная президентом Джеймсом Монро в 1823 году, развивала далее идеи Замысла Провидения. В 1860-х и 1850-х годах они использовались в поддержку утверждения, будто Соединенные

Штаты имеют особые права во всем Западном полушарии, включая право торговаться в любую страну в Центральной и Южной Америке, которая отказывалась поддерживать политику США. Тедди Рузвельт опирался на доктрину Монро, оправдывая свое вторжение в Доминиканскую республику, в Венесуэлу и во время «освобождения» Панамы от Колумбии. Все последующие президенты США, особенно примечательны в этом отношении Тафт, Уилсон и Франклин Рузвельт, ссылались на нее, расширяя панамериканскую деятельность Вашингтона вплоть до конца Второй

мировой войны. И наконец, всю вторую половину XX века Соединенные Штаты использовали коммунистическую угрозу, чтобы оправдать распространение положений этой доктрины на весь мир, включая Вьетнам и Индонезию [23].

Теперь, похоже, один человек встал на пути Вашингтона. Я знал, что он не был первым: до него были Кастро и Альенде. Но только Торрихос делал это вне коммунистической идеологии, не называя свое движение революцией. Он просто говорил, что у Панамы были свои собственные права: на суверенитет народа, суверенитет

территорий и суверенитет над водным путем, разрезавшим его страну на две части, и что эти права были настолько же действительны и божественно предопределены, насколько и права Соединенных Штатов.

Торрихос также возражал против размещения в зоне Панамского канала двух учреждений — Школы двух Америк и Центра Южного командования армии США по обучению ведению военных действий в тропиках. В течение многих лет Соединенные Штаты призывали латиноамериканских диктаторов и президентов присылать своих сыновей и военных

руководителей сюда, в эти самые крупные и хорошо оборудованные центры за пределами Северной Америки. Там они обучались ведению допросов, навыкам оперативной работы, а также военной тактике для использования против коммунизма и для защиты своего имущества и имущества нефтяных компаний и других частных корпораций. Кроме того, там они общались с высшим военным руководством США.

Латиноамериканцы ненавидели эти центры — исключение составляли лишь несколько состоятельных семей, которым они были выгодны. Известно, что в них

обучались принадлежащие правым батальоны смерти и палачи, которые во многих странах насадили тоталитарный режим. Торрихос ясно дал понять, что не потерпит тренировочных центров на территории Панамы и что зона Канала должна быть включена в границы Панамы [\[24\]](#).

Глядя на красивого генерала на плакате, читая надпись около его лица: «Идеал Омара — свобода; еще не изобретена та ракета, которая может убить идею!», я почувствовал холодок, пробежавший по спине. У меня было предчувствие, что история Панамы в XX веке еще далека от завершения и что для Торрихоса

наступали трудные и, возможно, трагические времена.

Тропический ливень хлестал в лобовое стекло, загорелся зеленый свет, и водитель посигналил машине впереди. Я раздумывал о своем собственном положении. Меня послали в Панаму для завершения сделки в отношении того, что должно было стать первым поистине всеобъемлющим генеральным планом развития, разработанным МЕЙН. Этот план должен был обосновать для Всемирного банка, Межамериканского банка развития и USAID миллиардные инвестиции в энергетику, транспорт, связь и сельское хозяйство этой крошечной и

такой значимой страны. Конечно, это была хитрость — средство сделать страну вечным должником и таким образом вернуть ее в марионеточное состояние.

Такси тронулось, и меня скрутило судорогой вины, но я подавил это чувство. Да что я волнуюсь? Я уже влез в это на Яве, продал душу и теперь мог реализовать единственный шанс в жизни. Я мог стать богатым, знаменитым и облеченным властью одновременно.

Часть II: 1971–1975

Глава 11. ПИРАТЫ В ЗОНЕ ПАНАМСКОГО КАНАЛА

На следующий день правительство Панама прислало мне сопровождающего, чтобы показать город. Его звали Фидель, и он сразу понравился мне. Высокий, стройный, он не скрывал, что гордился своей страной. Его прапрапрадед сражался вместе с Боливаром за независимость от Испании. Я рассказал ему, что один из моих предков — Том Пейн, и с удивлением обнаружил, что Фидель читал «Здравый смысл» в испанском

переводе. Он говорил по-английски, но когда узнал, что я неплохо знаю язык его страны, то разволновался.

— Многие из ваших людей живут здесь годами и не дают себе труда изучить язык, — сказал он.

Фидель повез меня в богатый район города, который он называл Новой Панамой. Когда мы проезжали мимо небоскребов из стекла и стали, он рассказал мне, что в Панаме больше международных банков, чем в любой другой стране к югу от Рио-Гранде.

— Нас иногда называют американской Швейцарией, — сказал он. — Мы не задаем нашим клиентам лишних вопросов.

В конце дня, когда солнце клонилось к Тихому океану, мы выехали на проспект, послушно следовавший изгибам залива. Вдали виднелась длиннющая очередь из стоявших на якоре кораблей. Я спросил Фиделя, не случилось ли чего на канале.

— Это обычная картина, — сказал он с улыбкой. — Вереницы кораблей, ожидающих своей очереди. Половина из них возвращается из Японии или идет туда. Даже больше, чем в Штаты.

Я признался, что это было для меня новостью.

— Неудивительно, — ответил он. — Североамериканцы не много

знают об остальном мире.

Мы остановились у живописного парка. Старинные руины были увиты бугенвиллеей. Табличка гласила, что некогда это был форт, построенный для защиты города от английских пиратов. Какое-то семейство готовилось к вечернему пикнику: отец, мать, сын, дочь и пожилой человек, должно быть дедушка. Внезапно мне страшно захотелось погрузиться в то спокойствие, которое, казалось, окутывало эту семью. Когда мы проходили мимо них, они заулыбались, помахали нам рукой и поздоровались на английском. Я поинтересовался, не туристы ли они.

Они рассмеялись. Мужчина подошел к нам.

— Я представитель третьего поколения нашей семьи в зоне Канала, — гордо объяснил он. — Мой прадед приехал сюда через три года после окончания строительства. Он был водителем мула. Так называли трактора-тягачи, которые тянули корабли через систему шлюзов. — Он указал на пожилого мужчину, который помогал детям накрывать стол для пикника. — Мой отец уже был инженером, я пошел по его стопам.

Женщина помогала тестю и детям накрывать на стол. Солнце за их спинами погрузилось в голубую

воду. Сцена была наполнена идиллической красотой и напоминала картину Монэ. Я спросил мужчину, были ли они гражданами США.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Конечно. Зона Канала — это территория Соединенных Штатов.

В это время мальчик подбежал к отцу сообщить, что ужин готов.

— Ваш сын станет четвертым поколением? Мужчина молитвенно сложил руки и воздел их к небу:

— Каждый день молюсь Богу, чтобы Он дал нам эту возможность. Это просто чудесно — жить в зоне Канала. — Опустив руки, он

посмотрел на Фиделя. — Надеюсь, что еще лет пятьдесят мы сможем здесь удержаться. Этот деспот Торрихос мутит воду. Опасный человек.

Внезапно я как будто почувствовал толчок. Я сказал ему по-испански:

— До свидания. Надеюсь, вы и ваша семья хорошо проведете здесь время и много узнаете о культуре Панамы.

Мужчина с отвращением посмотрел на меня.

— Я не говорю по-испански, — сказал он. Резко повернувшись, он направился к своей семье.

Фидель подошел ко мне,

положил руку на плечо и крепко его пожал.

— Спасибо, — сказал он.

Когда мы вернулись в город, Фидель повез меня в район трущоб.

— Это у нас не самые страшные, — сказал он, — но и по ним кое о чем можно судить.

Через улицы, застроенные деревянными лачугами, протянулись канавы, наполненные стоялой водой. Полуразвалившиеся хибары напоминали сгнившие лодки, затопленные в выгребных ямах. К машине подбежали дети с раздутыми животами, и она наполнилась запахом гнили и нечистот. Когда машина замедлила ход, они сбились

на мою сторону и, называя меня дядей, стали просить милостыню. Это напомнило мне Джакарту.

Стены были покрыты граффити. Некоторые из них изображали традиционные сердца с именами влюбленных внутри, однако большая часть представляла собой лозунги, основным содержанием которых была ненависть к Соединенным Штатам: «Убирайтесь домой, гринго», «Хватит гадить в наш канал», «Дядя Сэм, рабовладелец» и «Скажите Никсону, что Панама — это не Вьетнам». Однако больше остальных меня заставил поежиться вот этот: «Смерть за свободу — это дорога к Христу». Между лозунгами

были наклеены портреты Омара Торрихоса.

— Теперь на другую сторону, — сказал Фидель. — У меня есть соответствующие документы, вы — гражданин США, так что можем ехать.

Под алеющим небом мы въехали в зону Канала. Я считал, что был готов к этому, но на самом деле это оказалось не так.

роскошь была в глаза: солидные белые здания, ухоженные газоны, шикарные дома, поля для гольфа, магазины и театры.

— Вот вам сухие факты, — сказал Фидель. — Все, что находится здесь, является собственностью

США. Все частные предприятия — супермаркеты, парикмахерские, салоны красоты, рестораны — все они не подчиняются законам Панамы и не платят налоги. Семь полей для гольфа на восемнадцать лунок, почтовые отделения США, американские суды и школы. Самое настоящее государство в государстве.

— Какое унижение!

Фидель пристально взглянул на меня, как будто оценивая мои слова.

— Да, — согласился он. — Очень подходящее слово. Вон там, — он указал на город, — доход на душу населения составляет менее тысячи долларов в год, уровень безработицы — тридцать процентов. Конечно, в

трущобах, которые мы с вами видели, никто и близко к тысяче не получает и почти все безработные.

— И что предпринимается?

Обернувшись, он посмотрел на меня взглядом, в котором раздражение сменилось грустью.

— А что можно сделать? — Он покачал головой. — Я не знаю. Но я скажу вот что: Торрихос пытается что-то сделать. Я-то думаю, что это для него смерть, но он точно делает все, что в его силах. Это человек, который готов погибнуть за свой народ.

Когда мы выезжали из зоны Канала, Фидель улыбнулся:

— Вы любите танцевать? — Не

дожидаясь ответа, он продолжил: —
Давайте поужинаем где-нибудь, и
потом я покажу еще одно лицо
Панамы.

Глава 12. СОЛДАТЫ И ПРОСТИТУТКИ

После сочного бифштекса и холодного пива мы вышли из ресторана и поехали по темной улице. Фидель посоветовал мне никогда не ходить здесь пешком.

— Если вам надо сюда приехать, берите такси прямо до двери, — сказал он. — Вон там, за забором, зона Канала.

Мы нашли стоянку, где были свободные места. Фидель припарковал машину. К нам подошел, прихрамывая, пожилой человек. Выйдя из машины, Фидель похлопал

его по спине. Затем любовно провел рукой по крылу своей машины.

— Смотри, хорошенько заботься о ней. Это моя леди. — С этими словами он вручил старику долларовую бумажку.

Выйдя с парковки, мы оказались на улице, сверкающей неоновыми огнями. Мимо нас промчались двое мальчишек. Направляя друг на друга палки, они изображали перестрелку. Один из них врезался в Фиделя. Его голова едва доставала тому до бедра. Мальчишка остановился и сделал шаг назад.

— Извините, сэр.

Фидель положил обе руки мальчишке на плечи.

— Ничего страшного, парень, — сказал он. — Скажи-ка мне, в кого вы с твоим другом стреляли?

К нам подошел второй мальчишка и встал рядом с первым, защищая его рукой.

— Это мой брат, — объяснил он. — Извините нас.

— Все нормально, — мягко улыбнулся Фидель. — Мне не больно. Я просто спросил его, в кого вы стреляли. По-моему, когда-то я играл в такую же игру.

Братья переглянулись. Старший улыбнулся.

— Он — генерал гринго в зоне Канала. Он пытался изнасиловать нашу мать, и я отправил его собирать

вещички и уматывать туда, откуда он явился.

Фидель украдкой взглянул на меня.

— А откуда он явился?

— Из Соединенных Штатов.

— Твоя мать здесь работает?

— Вон там. — Парень с гордостью указал рукой на неоновую вывеску ниже по улице. — Барменшей.

— Ну тогда продолжайте. — Фидель вручил каждому по монетке. — Только будьте осторожны. Играйте там, где светло.

— Конечно, сэр. Спасибо. — Они умчались.

Пока мы шли, Фидель объяснил,

что закон запрещает панамским женщинам торговать собой.

— Они могут работать барменшами и танцевать, но не могут торговать своим телом. Это разрешено только приезжим.

Мы вошли в бар, и нас сразу же оглушила популярная американская мелодия. Потребовалось некоторое время, чтобы глаза и уши привыкли к обстановке. Двое дюжих американских солдат в форме стояли у двери. Повязки на рукавах указывали на их принадлежность к военной полиции.

Фидель провел меня вдоль стойки бара, к сцене. На ней танцевали три молодые женщины. На

них не было никакой одежды, кроме головных уборов. На одной — матросская шапочка, на другой — зеленый берет, на третьей — ковбойская шляпа. У них были эффектные фигуры. Они смеялись. Похоже, они играли в какую-то игру, как будто соревновались между собой в танце. Музыка, манера танцевать, сцена — все это очень походило на дискотеку в Бостоне, за исключением лишь того, что девушки были обнаженные.

Мы протиснулись сквозь группу молодых людей, говоривших по-английски. Хотя на них были футболки и джинсы, их стрижки выдавали в них солдат с военной

базы в зоне Канала. Фидель похлопал официантку по плечу. Она обернулась и, радостно вскрикнув, обняла его. Группа молодых людей пристально наблюдала за этой сценой, неодобрительно переглядываясь. Интересно, подумал я, может быть, они считали, что Замысел Провидения распространялся и на эту панамскую женщину. Официантка отвела нас в уголок зала. Откуда-то появился столик и два стула.

Когда мы уселись, Фидель обменялся приветствиями на испанском с двумя мужчинами, сидевшими за соседним столиком. В отличие от солдат они были одеты в

рубашки и брюки с отутюженными стрелками. Официантка принесла пару бутылок пива «Бальбоа». Когда она повернулась, чтобы уйти, Фидель похлопал ее ниже спины. Обернувшись, она послала Фиделю воздушный поцелуй. Я глянул по сторонам и с облегчением увидел, что молодые люди в баре уже не наблюдали за нами, переключив свое внимание на танцовщиц.

Большинство посетителей были англоговорящие солдаты, однако были и другие, как двое рядом с нами — явно панамцы. Они выделялись на общем фоне, поскольку были пострижены не по уставу и на них не было футболок и

джинсов. Некоторые из них сидели за столиками, другие стояли, прислонясь к стене. Казалось, они все время были настороже, как овчарки, охраняющие стадо овец.

Между столиками перемещались женщины. Они все время двигались, садились на колени, кричали что-то официанткам, по очереди пели и танцевали на сцене. На них были узкие юбки, футболки, джинсы, обтягивающие платья, туфли на высоких каблуках. Одна была одета в платье Викторианской эпохи с вуалью. На другой был только купальник. Было очевидно, что здесь могли удержаться только самые

красивые. Я подумал, сколько же их едет сюда, в Панаму, и до какого отчаяния они должны были дойти, чтобы работать здесь.

— Они все приезжие? — громко спросил я Фиделя, пытаюсь перекричать музыку.

Он кивнул.

— Кроме... — Он указал на официанток. — Эти из Панамы.

— А из каких стран?

— Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Гватемала.

— Соседи.

— Не совсем. Наши ближайшие соседи — Коста-Рика и Колумбия.

Официантка, нашедшая для нас столик, подошла к нам и уселась на

колени к Фиделю. Он мягко потрепал ее по спине.

— Кларисса, — сказал он, — пожалуйста, расскажи моему североамериканскому другу, почему они уехали из своей страны. — Он кивнул головой в сторону сцены.

Три новые танцовщицы взяли головные уборы у первых. Те, спрыгнув со сцены, одевались. Заиграла сальса, и новые девушки, танцуя, сбрасывали с себя одежду в ритме музыки.

Кларисса протянула руку.

— Приятно познакомиться, — сказала она.

Затем она встала и потянулась за пустыми бутылками.

— Отвечаю на вопрос Фиделя. Они приехали сюда, чтобы спастись от зверств. Я принесу вам еще пару «Бальбоа».

Когда она ушла, я повернулся к Фиделю.

— Да ладно, — сказал я. — Они приехали сюда за американскими долларами.

— Да, правда. Но почему многие из них именно из тех стран, где правят фашистские диктаторы?

Я снова взглянул на сцену. Девушки со смехом кидали друг другу, как мяч, матросскую шапочку. Я посмотрел Фиделю в глаза.

— Это не шутка?

— Нет, — серьезно ответил

Фидель. — Я бы хотел, чтобы это было шуткой. Большинство из этих девушек потеряли свои семьи — отцов, братьев, мужей, женихов. Вокруг них были зверства и смерть. Проституция не кажется им таким уж страшным занятием. Они могут здесь хорошо заработать, а потом уехать и начать жизнь с чистого листа: купить небольшой магазин, открыть кафе...

Его прервал шум около стойки бара. Я увидел, как официантка SAMАхнулась кулаком на солдата. Тот перехватил ее руку и стал выкручивать запястье. Она закричала и упала на колени. Засмеявшись, он что-то крикнул своим приятелям. Те

тоже засмеялись. Она попыталась ударить его свободной рукой. Он стал еще сильнее выкручивать ей руку. Ее лицо исказилось болью.

Стоявшие у двери полицейские спокойно наблюдали эту сцену. Фидель вскочил и направился к бару. Один из мужчин за соседним столиком протянул руку, пытаясь остановить его.

— Tranquilo, hermano, — сказал он. — Спокойней, брат. У Энрике все под контролем.

От сцены из темноты выступил высокий, стройный панамец. Плавностью движений он напоминал кошку. Он в мгновение ока оказался около солдата. Схватив одной рукой

солдата за горло, другой он выплеснул ему в лицо стакан воды. Официантка убежала. Несколько панамцев, стоявших у стены, выдвинулись вперед, образовав полукруг позади высокого вышибалы. Подняв солдата в воздух, он прислонил его к стойке бара и сказал ему что-то. Затем, перекрывая музыку, он громко заговорил по-английски, так, чтобы все его слышали.

— Вы не имеет права прикасаться к официанткам, ребята. И не трогаете остальных, пока не заплатите им.

Полицейские наконец решили вмешаться. Они подошли к группе

панамцев.

— Дальше мы сами, Энрике, — сказали они. Вышибала опустил солдата на пол и сдавил ему горло так, что его голова откинулась назад и он закричал от боли.

— Ты понял меня? — спросил Энрике. В ответ раздался только слабый стон. — Хорошо. — Он пихнул солдата полицейским: — Уведите его отсюда.

Глава 13 БЕСЕДЫ С ГЕНЕРАЛОМ

Приглашение было совершенно неожиданным. Как-то утром во время моей первой поездки в 1972 году я сидел у себя в кабинете, предоставленном мне в «Instituto de Recursos Hidraulicos y Electrification», государственной электроэнергетической компании. Я корпел над таблицей статистических данных, когда какой-то человек тихонько постучал в открытую дверь кабинета. Я пригласил его войти, обрадовавшись возможности оторваться от цифр. Он назвался

водителем генерала и сказал, что приехал, чтобы отвезти меня в одно из генеральских бунгало.

Час спустя я сидел за столом напротив генерала Омара Торрихоса. Он был одет неформально, в типичном панамском стиле: брюки цвета хаки и застегнутая рубашка с короткими рукавами, светло-голубая с тонким зеленым узором. Он был высок, строен и красив. Для человека с его обязанностями он казался удивительно расслабленным. Прядь темных волос падала на его выступающий лоб.

Он расспрашивал меня о моих недавних поездках в Индонезию, Гватемалу и Иран. Его очень

интересовали эти страны, но особенный интерес вызывал иранский монарх, шах Мохаммед Реза Пехлеви. Он пришел к власти в 1941 году, после того как Британия и Советы свергли его отца, обвинив в соотрудничестве с Гитлером [\[25\]](#).

— Вы можете себе это представить? — спросил Торрихос. — Участвовать в заговоре, чтобы сбросить с трона собственного отца?

Глава Панамы много знал об истории этой далекой страны. Мы беседовали о том, как в 1951 году против шаха использовали то же оружие и как его собственный премьер-министр, Мохаммед Моссадык, отправил шаха в ссылку.

Торрихос, как и все в мире, знал, что ЦРУ приклеило премьеру ярлык коммуниста и сделало все, чтобы вернуть шаха к власти. Однако он или не знал, или просто не упоминал о том, что рассказывала мне Клодин: о блестящем маневре Кермита Рузвельта и о том, что это положило начало новой эре империализма. Это была спичка, от которой разгорелся мировой имперский пожар.

— После восстановления шаха во власти, — продолжал Торрихос, — он запустил несколько революционных программ, направленных на развитие промышленности и на то, чтобы Иран вошел в современную эпоху.

Я спросил у него, почему он так интересуется Ираном.

— Хочу подчеркнуть, — ответил он, — я не слишком высокого мнения о политике шаха, в частности о его готовности сместить отца и стать марионеткой США, но, похоже, он делает добро для своей страны. Возможно, я могу кое-чему у него научиться. Если он не выживет.

— Вы думаете, он может погибнуть?

— У него могущественные враги.

— Но и лучшие из телохранителей в мире.

Торрихос саркастически посмотрел на меня.

— Его тайная полиция, САВАК, имеет репутацию безжалостных головорезов. Этим друзей не завоюешь. Он долго не продержится. — Помолчав, он указал глазами на дверь. — Телохранители? У меня тоже они есть. — Он махнул в сторону двери. — Вы думаете, они спасут мне жизнь, если ваша страна захочет от меня избавиться?

Я поинтересовался, действительно ли он допускал возможность такого развития событий.

Он в недоумении поднял брови, и я понял, как глупо было с моей стороны задавать подобные вопросы.

— У нас есть Канал. Цена

вопроса будет побольше, чем в истории Арбенса и «Юнайтед фрут».

Я занимался Гватемалой, и поэтому понял, что он имел в виду. «Юнайтед фрут компани» для Гватемалы была в политическом смысле эквивалентом Канала для Панамы. Основанная в 1800-х годах, «Юнайтед фрут» вскоре стала одной из наиболее влиятельных сил в Центральной Америке. В начале 1950-х годов реформаторски настроенный кандидат Хакобо Арбенс был избран президентом Гватемалы на выборах, которые все в Западном полушарии славословили как «образец демократического процесса». В те времена менее трех

процентов гватемальцев владели 70 процентами земли в стране. Арбенс обещал помочь беднякам выбраться из пучины голода, и после выборов приступил к осуществлению широкомасштабной земельной реформы.

— Беднейшие слои населения и средний класс во всей Латинской Америке рукоплескали Арбенсу, — рассказывал Торрихос. — Для меня лично он был одним из героев. Но мы следили за происходящим затаив дыхание. Мы знали, что «Юнайтед фрут» против реформ, поскольку сама была одним из крупнейших и наиболее жестоких землевладельцев в Гватемале. У них также были

огромные плантации в Колумбии, Коста-Рике, Кубе, Ямайке, Никарагуа, Санто-Доминго и здесь, в Панаме. Они не могли допустить, чтобы Арбенс подал нам пример.

Я знал развязку: «Юнайтед фрут» начала широкую пиар-кампанию в США, чтобы убедить американскую общественность и конгресс, что Арбенс состоял в сговоре с русскими и что Гватемала была сателлитом Советского Союза. В 1954 году ЦРУ срежиссировало путч. Американские пилоты сбрасывали бомбы на столицу — город Гватемалу. Арбенс был смещен; страну возглавил полковник Карлос Кастильо Армас, безжалостный

диктатор правой ориентации.

Новое правительство было всем
обязано «Юнайтед фрут». В знак
благодарности правительство
остановило земельные реформы,
отменило налоги на проценты и
дивиденды, выплачиваемые
иностранным инвесторам, отменило
тайное голосование и упрятало за
решетку тысячи оппозиционеров.
Любой, кто осмеливался выступить
против Кастильо, подвергался
преследованию. Историки связывают
насилие и терроризм, воцарившиеся
в Гватемале почти до конца столетия,
с альянсом, который не был ни для
кого секретом, между «Юнайтед
фрут», ЦРУ и армией Гватемалы под

руководством полковника—диктатора
[\[26\]](#).

— Арбенса уничтожили, — продолжал Торрихос. — Уничтожили как политика и как личность. — Помолчав, он нахмурился. — Как мог ваш народ верить во всю эту чушь, которую распространяло ЦРУ? Я так легко не сдамся. Армия на моей стороне. Политически меня уничтожить не удастся. — Он улыбнулся. — ЦРУ придется меня убить.

Несколько мгновений мы сидели в тишине, каждый был погружен в свои мысли. Торрихос заговорил первым.

— А вы знаете, кто владеет

«Юнайтед фрут»? — спросил он.

— «Запата ойл», компания Джорджа Буша, нашего представителя в ООН.

— Это человек с амбициями. — Он подался вперед и понизил голос. — А сейчас я в конфликте с его дружками из «Бектел».

Это заставило меня вздрогнуть. «Бектел» была самая мощная инженерная фирма в мире, часто работавшая над реализацией проектов совместно с МЕЙН. Что же касалось генерального плана развития Панамы, я считал их нашими основными конкурентами в этом проекте.

— Что вы имеете в виду?

— Мы обдумываем возможность строительства нового канала, он будет на уровне моря, без шлюзов. По нему смогут проходить корабли большего водоизмещения. Возможно, японцы заинтересуются финансированием проекта.

— Они крупнейшие клиенты Канала.

— Совершенно верно. Конечно, если они дадут деньги, они и будут строить.

До меня дошло.

— «Бектел» окажется вне игры.

— Крупнейшие строительные работы в современной истории. — Он помолчал. — Президент «Бектел» — Джордж Шульц, при Никсоне —

министр финансов. Можете себе представить, какое он имеет влияние — и печально известный характер. В «Бектел» полно дружков Никсона, Форда и Буша. Мне говорили, что семья Бектел дергает за ниточки в Республиканской партии.

Я почувствовал себя очень неудобно. Я был один из тех, кто продвигал презираемую им систему, и я был уверен, что ему это известно. Моя работа, которая заключалась в том, чтобы убедить его взять иностранный займ в обмен на привлечение инженерных и строительных фирм, похоже, наткнулась на гигантскую стену. Я решил идти в лобовую:

— Генерал, — спросил я, —
зачем вы меня сюда пригласили?
Взглянув на часы, он улыбнулся.

— Да, пора переходить к нашим
собственным делам. Панаме нужна
ваша помощь. Мне нужна ваша
помощь.

Я оторопел:

— Моя помощь? Чем я могу
помочь?

— Мы заберем Канал назад. Но
этого недостаточно. — Он откинулся
на спинку стула. — Мы должны стать
образцом. Мы должны показать, что
заботимся о наших бедных; мы
должны показать, чтобы ни у кого не
оставалось и тени сомнения, что
наше намерение завоевать

независимость не продиктовано Россией, Китаем или Кубой. Мы должны доказать миру, что Панама — это справедливая страна, что мы выступаем не против Соединенных Штатов, а за права бедных.

Он положил ногу на ногу.

— Чтобы сделать это, нам необходимо построить экономическую базу, которой нет ни у кого во всем полушарии. Электричество — да, но электричество, которое дотягивается и до бедняков и субсидируется. То же касается транспорта и коммуникаций. И особенно сельского хозяйства. Для этого нужны деньги — ваши, Всемирного

банка, Межамериканского банка развития.

Он опять навис над столом. Он смотрел мне прямо в глаза.

— Я понимаю, что ваша компания хочет иметь больше работы и обычно получает ее, раздувая размер проекта: делает автодороги более широкими, электростанции более крупными, порты более глубокими. На этот раз все будет по-другому. Дайте мне то, что лучше всего подходит для моего народа, и вы получите подряды на все работы, которые только захотите выполнить.

То, что он предложил, было совершенно неожиданным. Его слова одновременно и шокировали, и

заинтересовали меня. Это, безусловно, не соответствовало всему, чему учили меня в колледже и в МЕЙН. Он, конечно, знал, что игра в иностранные займы — обман и мошенничество. Не знать этого он не мог. Эта игра велась для того, чтобы сделать богатым его, а на страну накинута долговая удавка. Она велась, чтобы Панама навсегда была обязанной Соединенным Штатам и корпоратократии. Она велась, чтобы удержать Латинскую Америку на пути Замысла Провидения и в подчинении у Вашингтона и Уолл-стрит. Он наверняка знал, что система основывалась на предположении, что все стоящие у

власти продажны и что его решение не использовать систему для своей собственной выгоды будет воспринято как угроза — новая форма домино, которая может запустить цепную реакцию и в конечном итоге обрушить всю систему.

Я посмотрел через кофейный столик на этого человека, который, безусловно, понимал, что Канал давал ему особую, уникальную силу. И это делало его положение непрочным, шатким. Ему надо было соблюдать осторожность. Он уже завоевал себе репутацию лидера среди лидеров развивающихся государств. Если он, как его герой

Арбенс, был намерен противостоять системе, за этим будет наблюдать весь мир. Как будет реагировать сама система? В частности, какова будет реакция правительства США? История Латинской Америки усеяна телами павших героев.

Я осознавал, что смотрю на человека, который поставил под вопрос все придуманные мною оправдания моих действий. Конечно, у него были свои недостатки, но ведь он не был пиратом, это не Генри Морган или Фрэнсис Дрейк, хулиганы—авантюристы, которые использовали каперские свидетельства от английских королей как прикрытие для узаконивания

пиратства. Картинка на рекламном щите вовсе не была обычным политическим жульничеством. «Идеал Омара — свобода; еще не изобретена ракета, которая может убить идею!» Разве Том Пейн не говорил что-то похожее?

Это заставило меня задуматься. Возможно, идеи не умирают, ну а как насчет людей? Че, Арбенс, Аьенде. И сразу возник следующий вопрос: как я буду реагировать, если Торрихосу навяжут роль мученика?

К тому времени, когда мне пора было уходить, мы оба понимали, что МЕЙН получит контракт на разработку генерального плана, а я прослежу за тем, чтобы указание

Торрихоса было выполнено.

Глава 14. ВСТУПАЯ В НОВЫЙ, ЗЛОВЕЩИЙ ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Как главный экономист, я не только руководил отделом в МЕЙН и отвечал за исследования, проводимые нами в разных странах мира. Предполагалось, что я должен был разбираться во всех существующих экономических течениях и теориях. Начало 1970-х годов было временем великих перемен в мировой экономике.

В 1960-х годах группа стран сформировала ОПЕК, картель нефтедобывающих государств. Этот шаг был в значительной степени ответом на рост могущества крупных нефтеперерабатывающих компаний. Происшедшее в Иране также было одной из важнейших причин. Хотя шах был обязан своим положением и, возможно, жизнью тайной интервенции Соединенных Штатов во времена борьбы с Моссадыком — а возможно, как раз поэтому, шах был абсолютно уверен, что точно так же его самого могут убрать в любое время. Главы других нефтедобывающих государств тоже знали об этом и о связанной с этим

болезненной подозрительности. Им также было известно, что крупнейшие нефтеперерабатывающие компании, так называемые семь сестер, договаривались о сдерживании роста цен на сырую нефть. Соответственно уменьшались доходы, получаемые от них нефтедобывающими странами. Нефтеперерабатывающие же компании при этом пожинали дополнительную прибыль. ОПЕК была создана, чтобы нанести ответный удар.

Это все вспомнилось в начале 1970-х, когда ОПЕК поставила промышленных гигантов на колени. Ряд согласованных действий,

закончившихся в 1973 году нефтяным эмбарго, символом которого стали длинные очереди на американских бензоколонках, грозили привести к экономической катастрофе, сопоставимой с Великой депрессией. Это было системное потрясение для мирового хозяйства, причем такой величины, что его не все могли осознать.

Нефтяной кризис случился в самое неудачное для Соединенных Штатов время. Страна была в тупике, сбита с толку, полна страха и сомнений в себе, потрясенная унижительной войной во Вьетнаме; с президентом, который вот-вот должен был подать в отставку.

Проблемы Никсона не ограничивались только Юго-Восточной Азией и Уотергейтом. Он пришел к власти в эпоху, которая в будущем будет восприниматься как порог новой эры в международной политике и экономике. В то время казалось, что «всякая мелюзга», включая страны ОПЕК, вот-вот станет хозяином ситуации.

Я был захвачен всем происходящим в мире. И хотя масло на моем хлебе обеспечивала именно корпоратократия, потаенная часть моего сознания с радостью наблюдала, как моих хозяев ставят на место. Думаю, это немного облегчало мое чувство вины. Мне

виделась тень Томаса Пейна, подбадривавшего ОПЕК. Я стоял рядом с ним, но молчал.

Тогда никто из нас не представлял всех последствий эмбарго. Конечно, у нас были свои теории, но в то время мы не могли понять того, что стало ясно теперь. Сегодня, задним числом, мы знаем, что показатели роста экономики после нефтяного кризиса едва достигали половины показателей 1950-х и 1960-х, это при том, что они замерялись на фоне значительно более сильного инфляционного давления. Имевший место рост экономики структурно отличался от того, что было раньше. Он уже не

создавал такого множества новых рабочих мест, поэтому безработица процветала. В довершение всех бед удар был нанесен и международной валютной системе: вся система обменных курсов, существовавшая с конца Второй мировой войны, рухнула.

В те времена я часто собирался с друзьями, чтобы обсудить эти вопросы за обедом или за кружкой пива после работы. Некоторые из них работали у меня в отделе. Среди них были очень умные мужчины и женщины, преимущественно молодые, большей частью вольнодумцы, во всяком случае, по обычным меркам. Другие были

сотрудниками в научных центрах Бостона или профессорами в местных колледжах, а один был помощником конгрессмена. Это были неформальные встречи. Иногда на них присутствовали двое, иногда — не меньше дюжины человек. И всегда это была оживленная и непосредственная беседа.

Вспоминая сейчас эти разговоры, я испытываю смущение от чувства превосходства, которое я тогда ощущал. Я знал вещи, которыми не мог ни с кем поделиться. Мои друзья иногда с удовольствием упоминали о своих связях на Бикон-Хилл и в Вашингтоне, о профессорстве, о

докторских степенях. Я мог ответить на это, что состою в должности главного экономиста ведущей консалтинговой фирмы, разъезжаю по всему свету в салонах первого класса. Но я не мог рассказать им о встречах с такими людьми, как Торрихос, или о том, как мы манипулируем странами на всех континентах. Это было источником одновременно и внутреннего высокомерия, и неудовлетворенности.

Когда мы говорили о власти «всякой мелюзги», мне приходилось сдерживаться изо всех сил. Я знал то, чего не мог знать ни один из них: что корпоратократия, ее банда ЭУ и

шакалы, притаившиеся в тени, никогда не позволят «мелюзге» получить контроль. Достаточно было вспомнить Арбенса и Моссадыка, а также недавнее свержение с помощью ЦРУ законно избранного президента Чили, Сальвадора Альенде. Я понимал, что хватка глобальной империи становится все сильнее, несмотря на ОПЕК, — или, по моим тогдашним подозрениям, подтвердившимся позже, с помощью ОПЕК.

Мы часто говорили о сходстве начала 1970-х и 1930-х годов. Тридцатые годы XX века представляли собой переломный момент в международной экономике

и в том, как она изучалась, анализировалась и понималась. Это десятилетие открыло дверь кейнсианской экономике и идее о том, что правительство должно играть главенствующую роль в управлении рынком, а также участвовать в организации здравоохранения, в выплате компенсаций безработным и других формах социальной помощи. Мы уходили от старых представлений о том, что рынок является саморегулирующейся структурой и что вмешательство государства должно быть минимальным.

Результатом депрессии стал Новый курс и политика, которая

основывалась на регулировании экономики, правительственных финансовых операциях и широком применении фискальной политики. Кроме того, депрессия и Вторая мировая война привели к созданию таких международных организаций, как Всемирный банк, МВФ и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). 1960-е стали поворотным десятилетием для этого периода, а также для перехода от неоклассической к кейнсианской экономике. Это произошло в период правления Кеннеди и Джонсона, и, наверное, наибольшее влияние здесь оказал один человек, Роберт Макнамара.

Макнамара был частым гостем на наших встречах — заочным, конечно. Мы все знали о его стремительном карьерном взлете — от менеджера по планированию и финансовому анализу в «Форд мотор компани» в 1949 году до президента «Форда» в 1960-м. Это был первый глава компании, не принадлежавший к семье Форд. Вскоре после этого Кеннеди назначил его министром обороны.

Макнамара стал ярким сторонником кейнсианского подхода к управлению. Он использовал математические модели и статистические методы для расчета количества военной силы,

распределения средств и выработки других стратегий во Вьетнаме. Его пропаганда «агрессивного руководства» была воспринята не только правительственными управленцами, но и сотрудниками частных фирм. Она сформировала основу нового философского подхода к преподаванию менеджмента в лучших школах бизнеса и в конечном итоге привела к появлению новой породы руководителей, которые возглавили стремительное продвижение к глобальной империи [27].

Беседуя о международных событиях, мы часто обсуждали роль Макнамары на посту президента

Всемирного банка. Он возглавил его вскоре после увольнения с поста министра обороны. Большинство моих друзей обращали внимание на тот факт, что он был символом того, что тогда называлось военно—промышленным комплексом. Он занимал высокий пост в огромной корпорации, в правительстве, а теперь руководил крупнейшим банком мира. Такое очевидное нарушение принципа разделения властей ужасало многих из моих друзей; наверное, я был единственным, кто совершенно не удивлялся этому.

Теперь я понимаю, что самым весомым и страшным вкладом

Макнамары в историю было то, что его усилиями Всемирный банк стал больше, чем когда-либо раньше, действовать в интересах глобальной империи. Кроме того, он установил прецедент. Его способность быть связующим звеном между главными компонентами корпоратократии впоследствии будет отточена его преемниками. Например, Джордж Шульц был министром финансов и председателем Совета по экономической политике при Никсоне, занимал должность президента «Бектел», а затем получил пост госсекретаря в правительстве Рейгана. Каспар Уайнбергер был вице-президентом

«Бектел» и генеральным консулом, а при Рейгане стал министром обороны. Ричард Хелмс был директором ЦРУ при Джонсоне, а затем занял должность посла в Иране в правление Никсона. Ричард Чейни занимал пост министра обороны при Джордже Х.У.Буше (старшем), затем стал президентом «Халлибертон», а при Джордже У. Буше (мл.) - вице-президентом. Даже президент США Джордж Х.У.Буш (старший) начинал как учредитель «Запата петролеум корп.», затем был представителем США в ООН в правление Никсона и Форда и при Форде же возглавлял ЦРУ.

Сейчас, глядя назад, я удивляюсь

нашей тогдашней невинности. Во многих отношениях мы все еще находились под влиянием старых подходов к построению империи. Кермит Рузвельт, сбросив иранского демократического лидера и заменив его деспотичным монархом, показал нам лучший путь. Мы, ЭУ, выполняли многие из наших задач в таких странах, как Индонезия и Эквадор, и все-таки Вьетнам был ошеломляющим примером того, как легко мы могли вернуться на старые рельсы.

Потребовались усилия ведущего члена ОПЕК, Саудовской Аравии, чтобы это изменить.

Глава 15. ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В 1974 году дипломат из Саудовской Аравии показал мне фотографии Эр-Рияда, столицы страны. На одной из фотографий я увидел стадо коз, бродивших среди мусорных куч рядом с правительственным зданием. Я поинтересовался, что это за козы; ответ шокировал меня. Он сказал, что это была главная система очистки города.

— Ни один уважающий себя саудовец никогда не станет собирать

отходы, — сказал он. — Это делают животные.

Козы! В столице крупнейшего нефтедобывающего королевства мира! Я не мог в это поверить.

В то время я работал в составе группы консультантов. Нашей задачей было выработать пути разрешения нефтяного кризиса. Эти козы навели меня на мысль о том, как можно было бы разрешить поставленную задачу с учетом специфики развития страны в предыдущие три столетия.

История Саудовской Аравии наполнена насилием и религиозным фанатизмом. В XVIII веке Мохаммед ибн Сауд, местный военачальник,

объединил силы с
фундаменталистами из
ультраконсервативной секты
ваххабитов. Это был
могущественный союз, и в течение
последующих двухсот лет семья
Сауда и его ваххабитские союзники
завоевали большую часть
Аравийского полуострова, включая
важнейшие мусульманские святыни,
Мекку и Медину.

Саудовское общество отражало
пуританский идеализм своих
основателей. Насаждалось строгое
толкование Корана. Религиозная
полиция следила за
неукоснительным соблюдением
предписания о пятикратной молитве.

Женщины должны были быть закутаны с головы до ног. Преступники сурово наказывались. Обычными были публичные казни и забивание камнями. Я поразился, когда в мой первый приезд в Эр-Рияд водитель сказал, что можно оставить камеру, дипломат и даже бумажник на сиденье в незапертой машине, припаркованной около рынка.

— Здесь никому не придет в голову воровать, — сказал он. — Вора́м отруба́ют руки.

В тот же день он спросил меня, не хочу ли я пойти на так называемую площадь Усекновения посмотреть, как будут отрубать голову преступнику. Приверженность

ваххабизма тому, что в нашем понимании является высшим пуританством, помогла избавиться от уличных воров. Она требовала жесточайшей формы физического наказания для нарушителей закона. Я отклонил предложение.

Саудовский взгляд на религию как на важнейший элемент политики и экономики внес свой вклад в установление нефтяного эмбарго, которое потрясло весь западный мир. 6 октября 1973 года (это был Йом Киппур, наиболее священный из еврейских праздников) Египет и Сирия одновременно атаковали Израиль. Это было начало Октябрьской войны — четвертой и

наиболее разрушительной из арабо–израильских войн. Война имела важнейшие для всего мира последствия. Египетский президент Садат оказал давление на короля Саудовской Аравии Фейсала, призвав его ответить на сговор Соединенных Штатов с Израилем, используя, по выражению Садата, «нефтяное оружие». 16 октября Иран и пять государств Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, объявили о 70–процентном повышении официально объявленной цены на нефть.

На встрече в Эль–Кувейте арабские нефтяные министры обсудили дальнейшие шаги.

Представитель Ирака яростно выступал за то, чтобы объединить усилия против Соединенных Штатов. Он призвал делегатов национализировать все американские частные предприятия на территории арабских стран, наложить полное эмбарго на поставки нефти в США и страны, дружественные Израилю, отозвать арабские деньги из всех американских банков. Он подчеркнул, что на арабских счетах имеются значительные средства и что такая акция может вызвать панику, сопоставимую с кризисом 1929 года.

Остальные арабские министры

воспротивились такому
радикальному плану, однако 17
октября все-таки решили наложить
ограниченное эмбарго, с
уменьшением поставок нефти на 5
процентов, а затем еще на пять
ежемесячно, пока арабские страны
не достигнут своих политических
целей. Они согласились, что
Соединенные Штаты должны быть
наказаны за свою израильскую
политику и, следовательно,
необходимо ввести на поставки
нефти строжайшее эмбарго.

Некоторые из присутствовавших
стран объявили, что они сократят
поставки на 10, а не на 5 процентов.

19 октября президент Никсон

запросил у конгресса 2,2 миллиарда долларов на помощь Израилю. На следующий день Саудовская Аравия и другие арабские нефтедобывающие страны наложили полное эмбарго на все поставки нефти в США [\[28\]](#).

Нефтяное эмбарго было снято 18 марта 1974 года. Продолжалось оно недолго, но имело важнейшие последствия. Продажная цена саудовской нефти подскочила от 1,39 доллара за баррель на 1 января 1970 года до 8,32 доллара на 1 января 1974 года [\[29\]](#). Политики никогда не забудут уроков, усвоенных в начале и середине семидесятых. В конечном итоге травма, полученная в эти несколько месяцев, привела к

укреплению корпоратократии: три ее столпа — крупные корпорации, международные банки и правительство — сплотились, как никогда раньше. И это сплочение сохраняется.

Эмбарго привело также к значительным изменениям в политике. Уолл-стрит и Вашингтон были убеждены, что больше никогда не потерпят такого. Защита наших нефтяных запасов всегда была приоритетом; после 1973 года она стала одержимостью. Эмбарго повысило статус Саудовской Аравии как игрока в международной политике и заставило Вашингтон признать стратегическую важность

королевства для нашей экономики. Больше того, оно вдохновило американскую корпоратократию на поиски методов перекачки нефтедолларов обратно в Америку. Помимо этого, корпоратократия осознала тот факт, что в саудовском правительстве не было административных структур и учреждений, способных должным образом управлять стремительно растущим богатством страны.

Для Саудовской Аравии дополнительные доходы, полученные в результате взлетевших цен, явились палкой о двух концах. Конечно, они наполнили государственную казну, но и привели к подрыву части

строгих религиозных установлений ваххабитов. Состоятельные саудовцы ездили по миру. Они обучались в университетах Европы и США. Они покупали дорогие машины и обставляли дома в западном стиле. Консервативные религиозные верования были заменены новой формой материализма, и именно этот материализм и являлся решением проблемы возможного нефтяного кризиса.

Почти сразу после снятия эмбарго США начали переговоры с Саудовской Аравией, предлагая ей техническую поддержку, военную технику и обучение, а также возможность ввести страну в XX век

— в обмен на нефтедоллары и, что более важно, на заверения, что эмбарго больше не повторится никогда. В результате переговоров была создана в высшей степени необычная структура — Совместная экономическая комиссия США и Саудовской Аравии, известная как JECOR. Она воплощала новаторскую концепцию, противоположную традиционным программам иностранной помощи: она строилась на том, что на деньги Саудовской Аравии нанимались американские фирмы для работы в этой стране.

Хотя общее руководство и финансовая ответственность возлагались на министерство

финансов США, эта комиссия была в очень высокой степени независимой. В конечном итоге за двадцать пять лет они потратили миллиарды долларов, не имея при этом какого бы то ни было контроля со стороны конгресса. Поскольку речь не шла об использовании средств США, конгресс не имел права участвовать в этом деле, несмотря на роль, отведенную министерству финансов. Тщательно изучив деятельность JECOR, Дэвид Холден и Ричард Джонс сделали вывод: «Это было наиболее далеко идущее соглашение подобного рода, когда-либо заключенное Соединенными Штатами с развивающейся страной.

В нем была заложена возможность для США глубоко внедриться в королевство, укрепляя концепцию взаимной зависимости» [\[30\]](#).

Еще на начальной стадии процесса министерство финансов США пригласило МЕЙН в качестве консультанта. Мне сказали, что моя работа будет иметь важнейшее значение и все, что я сделаю и узнаю, должно расцениваться как исключительно конфиденциальная информация. Глядя на происходящее, я все более воспринимал это как какую-то секретную операцию. Все было сделано таким образом, что я в то время считал МЕЙН ведущим консультантом в этом процессе;

только позже я узнал, что помимо МЕЙН в качестве консультантов были приглашены и другие организации.

Поскольку все делалось в обстановке строжайшей секретности, я не был посвящен в то, о чем министерство говорило с другими консультантами, и, соответственно, не могу сегодня быть уверен в моей реальной роли в этой сделке, важной с точки зрения создания прецедента. Однако я точно знаю, что это соглашение установило новые стандарты для ЭУ и открыло новые пути, альтернативные существовавшим традиционным подходам к продвижению интересов

империи. Я также знаю, что большая часть сценариев, разработанных на основе моих исследований, в конечном итоге были воплощены в жизнь, что МЕЙН получила один из крупнейших — и исключительно прибыльный — контракт в Саудовской Аравии и что я в тот год получил солидную премию.

Моя работа заключалась в том, чтобы разработать прогноз того, что произойдет в Саудовской Аравии при инвестировании в ее инфраструктуру значительных средств, а также наметить варианты вложения этих средств. Короче говоря, меня попросили проявить как можно больше изобретательности в том,

чтобы обосновать вброс сотен миллионов долларов в экономику Саудовской Аравии, обусловив эти вливания использованием американских строительных и инженерных компаний. Мне поручили сделать это самостоятельно, не полагаясь на помощь своих сотрудников. Я уединился в небольшой комнате, находившейся несколькими этажами выше моего отдела. Меня предупредили, что моя работа, во-первых, относилась к национальной безопасности и, во-вторых, сулила значительную прибыль для МЕЙН.

Конечно, я понимал, что главная цель в данном случае отличалась от

обычной: надо было не обременить страну долгом, который она никогда не сможет вернуть, а сделать так, чтобы значительное количество нефтедолларов вернулось обратно в Соединенные Штаты. При этом страна будет уже затянута в ловушку, наша экономика переплетется с их экономикой, сделав ее зависимой от нашей. Скорее всего, страна станет более европеизированной и, соответственно, более благожелательной по отношению к нам, интегрируясь в нашу систему.

Начав работу, я понял, что козы, бродившие по улицам Эр-Рияда, были символическим ключом; это был больной вопрос для саудовцев,

путешествовавших по всему миру. Эти козы как будто сами просили заменить их чем-то более приличествующим этому пустынному королевству, страстно желавшему войти в современный мир. Я знал, что экономисты ОПЕК подчеркивали необходимость для нефтедобывающих стран повышать уровень переработки добываемой нефти. Экономисты призывали не ограничиваться экспортом сырой нефти, а развивать собственную промышленность, использовать нефть для производства на ее основе *продукции*, которую они могли бы продавать по более высокой цене, чем сырую нефть.

Осознание этих двух фактов привело меня к разработке выгодной для всех стратегии. Козы были, конечно, просто отправной точкой. На доходы от продаж нефти можно было нанять американские фирмы, которые могли бы заменить коз самыми современными системами сбора и переработки мусора, и тогда саудовцы могли бы гордиться этой новейшей технологией.

Для меня козы стали одной частью уравнения, применимого практически к любому сектору экономики королевства, формулой успеха в глазах королевской семьи, министерства финансов США и моих боссов в МЕЙН. Согласно этой

формуле, деньги шли на создание промышленного сектора для переработки сырой нефти в готовую продукцию для экспорта. В пустыне вырастут огромные нефтехимические комплексы, окруженные технопарками. Естественно, реализация этого плана требовала строительства электростанций мощностью несколько тысяч мегаватт, линий передачи и распределения энергии, автомагистралей, трубопроводов, коммуникационных сетей, транспортных систем, включая новые аэропорты, модернизированные морские порты. Потребуется целый ряд

обслуживающих отраслей, а также инфраструктура, которая бы заставила вертеться все шестеренки этого механизма.

Мы все очень надеялись, что этот план станет моделью, демонстрирующей остальному миру, как и что надо делать. Путешествующие по всему свету саудовцы будут возносить нам хвалы; они будут приглашать лидеров из других стран посетить Саудовскую Аравию и посмотреть своими глазами на свершившееся чудо. Эти лидеры, в свою очередь, обратятся к нам, чтобы мы помогли им разработать аналогичные проекты для их стран; при этом в

большинстве случаев эти страны (не члены ОПЕК) будут использовать Всемирный банк или другие варианты финансирования, вовлекающие их в долги во благо глобальной империи.

Разрабатывая эти идеи, я думал о козах, и слова моего водителя постоянно звучали у меня в ушах: «Ни один уважающий себя саудовец не станет собирать мусор». Я слышал эту мысль неоднократно, во многих различных контекстах. Было очевидно, что саудовцы не намерены использовать своих людей в качестве прислуги, будь то рабочие на заводах или на стройке. Во-первых, их было для этого слишком мало. Кроме того,

правлящий королевский дом Сауда дал понять, что собирается обеспечить своим людям уровень образования и жизни, которые избавят их от физического труда. Саудовцы могли управлять остальными, но у них не было ни желания, ни побуждающих мотивов к тому, чтобы самим работать на заводе или стройке. Соответственно, придется импортировать рабочую силу из других стран, где она стоит дешево и люди нуждаются в работе. Желательно, чтобы рабочая сила поставлялась из других ближневосточных стран или исламских государств, таких, как Египет, Палестина, Пакистан и

Йемен.

Эта перспектива открывала дополнительные возможности для строительства. Для рабочих придется строить гигантские жилые комплексы, магазины, больницы, пожарные станции, полицейские участки, заводы по очистке воды и переработке сточных вод, электрические, коммуникационные и транспортные сети. Фактически, все это в итоге могло вырасти в современные города на том месте, где некогда была пустыня. Здесь также открывались возможности использовать новейшие технологии — например, опреснительные заводы, микроволновые системы,

больничные комплексы,
компьютерные технологии.

Саудовская Аравия была
осуществлением мечты любого
планировщика и воплощением
фантазий тех, кто работал в
инженерном или строительном
бизнесе. Она представляла собой
экономическую возможность, не
имевшую равных в истории:
неразвитая страна с буквально
неограниченными финансовыми
возможностями и желанием
немедленно войти в современный
век.

Должен сказать, что я
наслаждался этой работой. Ни в
Саудовской Аравии, ни в Бостонской

публичной библиотеке, ни в других местах не было основательных и надежных данных, которые бы оправдывали использование эконометрических моделей в данном случае. Фактически, размах работы — полная и немедленная трансформация всей страны в невиданных прежде размерах — означал, что, даже если бы такие исторические данные и существовали, в данном случае они были бы неприложимы.

Никто, собственно, и не ждал подобного количественного анализа, во всяком случае на этой стадии игры. Я просто включил воображение и писал отчеты, в

которых предсказывал великолепное будущее королевства. У меня были лишь приблизительные данные для расчетов таких показателей, как стоимость мегаватта электричества, мили дороги или потребность в воде, канализации, размещении, пище и услугах на одного рабочего. От меня не требовалось детализировать эти подсчеты или делать окончательные выводы. В мою задачу входило просто составить план (точнее было бы сказать «видение») того, что было бы возможным, и дать приблизительные подсчеты связанных с этим затрат.

Я все время помнил истинные цели: максимизировать выплаты

американским фирмам и сделать Саудовскую Аравию зависимой от Соединенных Штатов. Потребовалось не очень много времени, чтобы понять, что эти две цели были взаимоувязаны. Почти все новые проекты потребуют в будущем постоянного обслуживания и модернизации, а это в силу технической сложности проектов смогут обеспечить только те компании, которые сами их и создавали. Фактически, по ходу работы я стал составлять два списка будущих проектов: один — для инженерных и строительных контрактов, на которые мы могли бы рассчитывать, другой — для

долгосрочных соглашений на обслуживание и управление. МЕЙН, «Бектел», «Браун энд Рут», «Халлибертон», «Стоун энд Уэбстер» и многим другим американским подрядчикам предстояло получить неплохую прибыль в последующие десятилетия.

Помимо чисто экономической, была и еще одна уловка, направленная на то, чтобы сделать Саудовскую Аравию зависимой от нас, хотя и совсем другим образом. Модернизация этого нефтяного королевства породит немало враждебных реакций. Например, консервативные мусульмане придут в

ярость: Израиль и другие соседние страны буду чувствовать себя под угрозой. Экономическое развитие этой страны могло вызвать появление другой точки приложения сил: безопасность Аравийского полуострова. Частные фирмы, специализирующиеся в этой области, а также оборонная и военная промышленность Соединенных Штатов могли ожидать огромных контрактов и, опять же, долгосрочных контрактов на обслуживание и управление. Их присутствие потребовало бы следующей фазы инженерных и строительных контрактов, включая военные аэропорты, ракетные базы,

базы для размещения личного состава, а также инфраструктуру, необходимую для всего этого.

Я посылал свои отчеты в запечатанных конвертах служебной почтой, адресуя их проектному менеджеру министерства финансов. Иногда я встречался с еще несколькими членами нашей команды: вице-президентом МЕЙН и своими руководителями. Поскольку официального названия у проекта, находящегося в стадии исследований и разработки, не было и он пока не был частью JECOR, между собой — и шепотом — мы называли его SAMA. Для посвященных эта аббревиатура расшифровывалась

примерно следующим образом: «операция по отмыванию денег Саудовской Аравии». На самом деле это была своего рода «фига в кармане» и одновременно игра слов: центральный банк королевства носил название «Валютное агентство Саудовской Аравии», в английской аббревиатуре SAMА.

Иногда к нам приходил какой-нибудь представитель министерства финансов США. Во время этих встреч я почти не задавал вопросов. В основном я рассказывал о своей работе, отвечал на их комментарии и соглашался делать все то, о чем они просили. Вице-президента и представителей министерства

финансов особенно впечатляли мои соображения насчет соглашений об обслуживании и управлении. Они дали повод одному из вице-президентов сказать фразу, которую мы часто впоследствии использовали, называя королевство «коровой, которую мы можем доить до нашего пенсионного заката». У меня эта фраза всегда вызывала ассоциации скорее с козами, а не с коровами.

Именно на этих встречах я узнал, что некоторые наши конкуренты выполняют аналогичные задания и что мы все надеемся в результате наших усилий получить выгодный контракт. По моим

предположениям, МЕЙН и другие фирмы сами оплачивали эти предварительные работы: они были готовы пойти на краткосрочный риск в надежде вставить ногу в дверь. Мои предположения подкреплялись тем фактом, что время, затраченное мною на работу по этому проекту, оплачивалось по графе «Затраты на общие и административные накладные расходы». Такой подход типичен на этапе проработки технико—экономического обоснования и подготовки предложений для большинства проектов. В данном случае первоначальные затраты, конечно, значительно превосходили обычные,

но вице-президенты были абсолютно уверены, что они окупятся.

Хотя мы знали, что наши конкуренты тоже работают над предложением, мы полагали, что работы хватит для всех. Мой опыт позволял предположить, что «призы», которые впоследствии получают фирмы, будут соответствовать оценке нашей работы министерством финансов и что консультанты, чьи проекты примут к исполнению, получают лучшие контракты.

Для меня было вопросом чести вырабатывать сценарии, которые дойдут до фазы проектирования и

строительства. Моя звезда в МЕЙН стремительно восходила. Ключевая роль в SAMA гарантировала ее дальнейший взлет в случае наших успешных действий.

На заседаниях мы открыто обсуждали вероятность того, что SAMA и вообще вся работа JECOR, создадут новые прецеденты. Это была новая задача: создать для себя выгодную работу в странах, которым не нужны были внешние заимствования. В качестве примеров таких стран на ум немедленно приходили Иран и Ирак. Более того, учитывая человеческую природу, мы думали, что их лидеры захотят превзойти Саудовскую Аравию. Не

оставалось сомнений, что нефтяное эмбарго 1973 года, поначалу казавшееся негативным фактом, в конечном итоге обернется неожиданным подарком для инженерного и строительного бизнеса и поможет дальше прокладывать дорогу к глобальной империи.

Я работал над этим планом—мечтой около восьми месяцев, на несколько дней подряд запираясь в моей личной комнате для совещаний или дома, в квартире, выходящей на Бостон—Коммон. У моих сотрудников были свои задачи, и они в значительной степени были предоставлены сами себе, хотя я

периодически их навещал. Через какое—то время завеса секретности вокруг нашей работы стала приподниматься. Все больше людей узнавали, что вокруг Саудовской Аравии что—то происходит. Возбуждение нарастало, расползались слухи. Вице—президенты и представители министерства финансов становились более откровенными — отчасти потому, что сами узнали больше о деталях появившейся остроумной схемы.

Согласно этой схеме, Вашингтон хотел, чтобы саудовцы гарантировали поддержание поставок нефти и цен на нее на уровне, который мог

колебаться, при этом оставаясь приемлемым для США и их союзников. Если другие страны, такие, как Иран, Ирак, Индонезия или Венесуэла, будут угрожать эмбарго, Саудовская Аравия, с ее огромными нефтяными запасами, восполнит недостающие поставки. Даже просто осознание такой возможности сделает бессмысленной для этих стран саму идею эмбарго. В обмен на эту гарантию Вашингтон предложит саудовскому королевскому дому исключительно привлекательную сделку: обязательство обеспечить полную и недвусмысленную политическую и, если понадобится,

военную поддержку, таким образом гарантируя их нахождение у власти.

Это была сделка, от которой дом Сауда вряд ли бы смог отказаться, учитывая географическое положение страны, недостаток военной силы и вообще уязвимость перед лицом таких соседей, как Иран, Сирия, Ирак и Израиль. Соответственно, Вашингтон использовал свое преимущество, чтобы навязать еще одно важнейшее условие, условие, которое переопределило роль ЭУ в мире и стало моделью, которую мы позже пытались использовать в других странах, в частности в Ираке. Оглядываясь назад, я все силюсь найти объяснение тому, как могла

Саудовская Аравия принять это условие. Понятное дело, большинство стран арабского мира, ОПЕК и другие мусульманские страны ужаснулись, когда узнали об условиях сделки и о том, как королевский дом уступил требованиям Вашингтона.

Условие заключалось в том, что Саудовская Аравия использует нефтедоллары на покупку ценных бумаг правительства Соединенных Штатов. Проценты, полученные от этих ценных бумаг, будут расходоваться министерством финансов США на то, чтобы помочь Саудовской Аравии выйти из Средневековья и войти в

современный индустриальный мир. Иными словами, проценты на полученные саудовцами от продажи нефти миллиарды долларов будут использоваться для оплаты американских компаний, воплощающих разработанный мною и моими конкурентами план-мечту по превращению страны в современную индустриальную державу. Наше собственное министерство финансов будет нанимать нас за счет саудовцев для строительства объектов инфраструктуры и даже целых городов на Аравийском полуострове.

Хотя саудовцы оставили за собой право участвовать в общей

разработке проектов, на самом деле будущий облик и экономику Аравийского полуострова предстояло определять командам лучших иностранных специалистов (в основном неверных, по понятиям мусульман). И это происходило в королевстве, основанном на консервативных ваххабитских принципах и управлявшемся согласно этим принципам в течение нескольких веков! Для них это был рискованный шаг, и все же в сложившихся обстоятельствах, учитывая политическое и военное давление со стороны Вашингтона, думаю, у семьи Сауда не было выбора.

С нашей точки зрения, перспективы для получения огромных прибылей открывались неограниченные. Это была прекрасная сделка, обещавшая создать прецедент. Что делало ее еще более привлекательной, так это отсутствие необходимости получать одобрение конгресса — процедура, которую ненавидели корпорации, особенно частные, такие, как «Бектел» и МЕЙН: они предпочитали держать бухгалтерию в секрете и ни с кем не делиться своими тайнами. Томас У. Липпман, адъюнкт в Институте Ближнего Востока, в прошлом журналист, красноречиво описывает наиболее

важные черты сделки:

«Саудовцы, имея много свободных денег, переводили их в министерство финансов, где они и хранились, пока не требовалось оплатить сотрудников или подрядчиков. Эта система гарантировала возвращение саудовских денег обратно в американскую экономику... Она также гарантировала, что менеджеры комиссии могли начинать любые проекты, которые они и саудовцы считали необходимыми, без согласования с конгрессом» [\[31\]](#).

Подготовка этого исторического соглашения заняла меньше времени, чем кто-либо мог предвидеть.

Однако после этого необходимо было определить пути реализации соглашения. Чтобы начать этот процесс, в Саудовскую Аравию послали доверенное лицо высочайшего правительственного уровня. Это была исключительно конфиденциальная миссия. Я не знаю наверняка, но думаю, что этим посланцем был Генри Киссинджер.

Кто бы он ни был, в его задачу входило прежде всего напомнить королевской семье о том, что случилось в соседнем Иране, когда Моссадык попытался вытеснить «Бритиш петролеум». После этого надо было предложить план настолько привлекательный, что его

попросту нельзя было бы отклонить; этот план давал бы саудовцам понять, что у них нет лучшего варианта. Не сомневаюсь, что в конечном итоге они осознали, что либо принимают наше предложение, и тогда им обеспечена наша поддержка, либо отказываются — и отправляются по стопам Моссадыка. Вернувшись в Вашингтон, посланник передал, что саудовцы согласны принять предложение.

Оставалось одно небольшое препятствие: нам необходимо было убедить ключевых лиц правительства Саудовской Аравии. Как нам сообщили, это было семейным делом. Хотя Саудовская Аравия и не

являлась демократическим государством, внутри самого дома Сауда было необходимо добиться консенсуса.

В 1975 году я был определен к одному из этих ключевых лиц. Я всегда называл его про себя принцем У. — принцем Уэльским — но никогда не думал, что он был действительно наследным принцем. Моя задача заключалась в том, чтобы убедить его, что операция по отмыванию денег Саудовской Аравии принесет пользу его стране и лично ему.

Это было не так легко, как казалось сначала. Принц повел себя как истинный ваххабит и заявил, что

не хочет, чтобы его страна шла путем западной коммерциализации. Он также заявил, что понимает все коварство нашего предложения. По его словам, мы преследовали те же цели, какие были у рыцарей-крестоносцев тысячелетием раньше: христианизация арабского мира. Фактически, в чем-то он был прав. По-моему, различие между нами и крестоносцами было только в названиях. Средневековые католики заявляли, что их задача — спасти мусульман от чистилища; мы же утверждали, что хотим помочь саудовцам в модернизации их страны. На самом деле, думаю, крестоносцы, как и корпоратократия,

прежде всего жаждали расширения своей империи.

Если забыть о религиозных убеждениях, у принца У. была одна слабость — красивые блондинки. Кажется почти смехотворным, что я вынужден упоминать то, что теперь стало неоправданным стереотипом. Следует сказать, что принц У. был единственным из многих моих знакомых саудовцев, кто имел эту склонность, или, во всяком случае, единственный, кто не стеснялся обнаружить ее при мне. И все-таки эта слабость сыграла свою роль в подготовке этой исторической сделки и показывает, как далеко я был готов зайти, чтобы выполнить

СВОЮ МИССИЮ.

Глава 16.

СВОДНИЧЕСТВО И ФИНАНСИРОВАНИЕ УСАМЫ БЕН-ЛАДЕНА

С самого начала принц У. дал мне понять, что каждый раз, когда он приезжает ко мне в Бостон, его должна развлекать женщина, причем именно того типа, который ему нравится. Больше того, ее функции не ограничивались просто обычными обязанностями сопровождающей. Но это и не должна была быть профессионалка, девочка по вызову, которую он или члены его семьи могли случайно встретить на улице

или на коктейле. Мои встречи с принцем У. всегда держались в секрете, что облегчало мою задачу — исполнять его желания.

Салли, красивая голубоглазая блондинка, жила в Бостоне. Ее муж, пилот «Юнайтед эйрлайнз», постоянно находившийся в поездках либо по долгу службы, либо вне службы, почти не скрывал своих измен. Салли спокойно смотрела на эту сторону жизни своего мужа. Ее вполне удовлетворяли его зарплата, шикарная квартира в Бостоне, а также те преимущества, которые в те времена давало ей положение супруги пилота. Десятью годами раньше она была хиппи — тогда

случайные связи были для нее привычным делом; идея же секретного источника дохода показалась ей привлекательной. Она согласилась дать шанс принцу У. с одним условием: она настаивала, что дальнейшая судьба их отношений будет зависеть исключительно от его поведения и его отношения к ней.

К счастью для меня, каждый из них соответствовал критериям другого.

«Отношения принца У. и Салли», раздел главы «Операция по отмыванию денег Саудовской Аравии», создали для меня ряд проблем. Правила МЕЙН строго запрещали партнерам любую

противозаконную деятельность. С точки зрения закона я поставлял женщин, то есть занимался сутенерством — деятельностью, запрещенной законами штата Массачусетс, поэтому основной проблемой было найти способ оплаты услуг Салли. К счастью, наша бухгалтерия позволяла мне не ограничивать себя в расходах. Я всегда давал солидные чаевые, благодаря которым мне удалось уговорить некоторых официантов в самых шикарных ресторанах Бостона снабжать меня пустыми бланками счетов; в те времена ресторанные счета заполнялись еще не компьютером, а от руки.

Принц У. становился все смелее. В конце концов он попросил меня сделать так, чтобы Салли приехала к нему в Саудовскую Аравию и жила там в его частном доме. Это не было неслыханной просьбой в те дни: уже тогда существовала оживленная торговля молодыми женщинами между отдельными европейскими странами и Ближним Востоком. С ними заключали контракт на определенный период, по истечении которого они возвращались домой, где их уже ожидал солидный счет в банке. Роберт Баер, в течение двадцати лет служивший оперативником в одном из управлений ЦРУ, специалист по

Ближнему Востоку, пишет: «В начале 1970-х, когда начали поступать нефтедоллары, предприимчивые ливанцы стали ввозить в королевство проституток для принцев... Поскольку никто в королевской семье не знает, что такое «подбивать бабки» и как сверять счета в чековой книжке, ливанцы сказочно обогатились» [\[32\]](#).

Я знал об этой ситуации и даже был знаком с людьми, которые могли организовать такие контракты. Однако передо мной стояли два больших препятствия: Салли и оплата. Я был уверен, что в планы Салли не входило переезжать из Бостона в домик в пустыне на

Ближнем Востоке. Было совершенно очевидно, что такие затраты не покроет никакая коллекция ресторанных счетов.

Принц У. избавил меня от второго затруднения, сообщив, что оплачивать свою любовницу будет сам; от меня требовалось только организовать приезд. Кроме того, я с великим облегчением узнал, что Салли, которая приедет в Саудовскую Аравию, вовсе не обязательно должна быть той женщиной, с которой он проводил время в Соединенных Штатах. Я обзвонил нескольких знакомых, у которых были контакты с ливанцами в Лондоне и Амстердаме. Через пару

недель суррогатная Салли подписала контракт.

Принц У. был непростым человеком. Салли удовлетворяла его телесные желания, и мое содействие в этом отношении помогло завоевать его доверие. Однако оно ни в коем случае не помогло убедить его, что SAMA — это та стратегия, которую ему следует рекомендовать своей стране. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы добиться нужного результата. В течение многих часов я показывал ему статистические данные, помогал анализировать исследования, проведенные нами для других стран, включая эконометрические модели,

разработанные мною для Кувейта во время обучения у Клодин, за несколько месяцев до поездки в Индонезию. В конце концов он смягчился.

Я не владею подробной информацией о том, что происходило между моими коллегами ЭУ и ключевыми лицами Саудовской Аравии. Я только знаю, что весь пакет был в конце концов принят королевской семьей. МЕЙН получила за свои услуги один из наиболее выгодных контрактов министерства финансов. Нам дали подряд на полное исследование состояния электроэнергетической системы, плохо организованной и

старомодной, а также на разработку новой, которая бы отвечала стандартам, сопоставимым со стандартами Соединенных Штатов.

Как обычно, моя работа заключалась в том, чтобы отправить первую группу сотрудников, разработать экономический прогноз и прогноз электрической нагрузки для каждого региона страны. Трое из моих сотрудников — все имеющие опыт работы по международным проектам — уже собирались вылетать в Эр-Рияд, когда пришло сообщение из нашего юридического отдела, что по условиям договора мы обязаны уже через несколько недель иметь полностью обставленный,

оборудованный и работающий офис в Рияде. Соглашение с министерством финансов предусматривало, что все оборудование должно быть произведено либо в США, либо в Саудовской Аравии. Поскольку в Саудовской Аравии не было фабрик по производству такого оборудования, все приходилось присылать из Штатов. К нашей досаде, мы обнаружили, что длинные вереницы судов ожидали своей очереди, чтобы войти в порты Аравийского полуострова. Доставка морем могла занять много месяцев.

МЕЙН не собиралась терять такой выгодный контракт из-за пары меблированных комнат. Совещание

партнеров продолжалось несколько часов. Было решено зафрахтовать «Боинг-747», заполнить его оборудованием и мебелью, закупленными в близлежащих магазинах, и послать все это в Саудовскую Аравию. Помню, я подумал, что будет удачным совпадением, если это окажется самолет «Юнайтед эйрлайнз» под управлением пилота, чья жена сыграла столь важную роль в привлечении дома Сауда на нашу сторону.

Сделка между США и Саудовской Аравией преобразила страну практически в мгновение ока. Вместо коз появились двести ярко—

желтых американских грузовиков—
компакторов для мусора,
поставленных по
двухсотмиллионному контракту
фирмой «Уэйст менеджмент, инк.»
[\[33\]](#). Таким же образом был
модернизирован каждый сектор
саудовской экономики, от сельского
хозяйства и энергетики до
образования и связи. В 2003 году
Томас Липпман написал:

«Американцы изменили
безбрежный и безрадостный облик
страны, в котором преобладали
палатки кочевников и мазанки
крестьян, на свой манер, вплоть до
кофейни «Starbucks» на углу и
пандусов для инвалидных кресел в

новых зданиях. Сегодня Саудовская Аравия — страна скоростных магистралей, компьютеров, кондиционированных торговых центров с теми же блестящими магазинами, которые можно найти в богатых американских предместьях, элегантных отелей, ресторанов быстрого питания, спутникового телевидения, современных больниц, небоскребов, парков развлечений»
[\[34\]](#).

Планы, которые мы создали в 1974 году, установили стандарт для будущих переговоров с нефтяными странами. В каком-то смысле SAMBA/JECOR была следующим шагом после достижений Кермита

Рузвельта в Иране. Этот проект усовершенствовал арсенал политико—экономического оружия, используемого новым поколением борцов за глобальную империю.

Операция по отмыванию денег Саудовской Аравии и Объединенная комиссия также установили прецеденты международного правосудия. Это стало очевидным на примере дела Иди Амина. Когда в 1979 году печально известного угандийского диктатора выслали из страны, Саудовская Аравия предоставила ему убежище. Хотя он считался деспотом и убийцей, на совести которого была смерть по разным подсчетам от ста тысяч до

трехсот тысяч человек, он удалился на покой и проживал в роскоши, пользуясь машинами и слугами, предоставленными ему домом Сауда. США тихо возражали, но решили особо не акцентировать внимание на этом моменте, боясь поставить под угрозу достигнутые с саудовцами соглашения. Амин провел свои последние годы, занимаясь рыбалкой и гуляя по пляжу. В 2003 году он умер в Джидде в возрасте восьмидесяти лет: у него отказали почки [\[35\]](#).

Более сложную и в конечном итоге более опасную роль было позволено играть Саудовской Аравии в финансировании международного терроризма. Соединенные Штаты не

скрывали своего желания, чтобы дом Сауда финансировал войну, которую вел Усама бен-Ладен в Афганистане против Советского Союза в 1980-х. Совместные выплаты Эр-Рияда и Вашингтона моджахедам составили примерно три с половиной миллиарда долларов [\[36\]](#). Однако участие США и Саудовской Аравии не ограничивалось финансированием.

В конце 2003 года «Ю Эс ньюз энд уорлд рипорт» провел всестороннее расследование, озаглавленное «Саудовские связи». Журналисты просмотрели тысячи страниц судебных стенограмм, отчеты американской и других

разведслужб, другие документы, беседовали с десятками государственных служащих и специалистов по терроризму и Ближнему Востоку. Они обнаружили, в частности, следующее:

«Это было неоспоримым фактом: Саудовская Аравия, давний союзник США и крупнейший в мире поставщик нефти, каким-то образом стала, по выражению высокопоставленного сотрудника министерства финансов, «эпицентром» финансирования терроризма.

Начиная с конца 1980-х, после двойного шока Иранской революции и советской войны в Афганистане,

саудовцами: послам, сотрудникам ЦРУ, даже министрам...

Перехваты телефонных разговоров говорят о том, что члены королевской семьи поддерживали не только «Аль-Каиду», но и другие террористические группы» [\[37\]](#).

После атак 2001 года на Всемирный торговый центр и Пентагон появились новые доказательства скрытых отношений между Вашингтоном и Эр-Риядом. В октябре 2003 года журнал «Вэнити фэйр» раскрыл ранее недоступную широкой публике информацию в аналитической статье «Спасая саудовцев». Рассказ о взаимоотношениях семьи Буша, дома

Сауда и семьи бен-Ладена не стал для меня сюрпризом. Я знал, что эти отношения существовали, как минимум, со времени операции по отмыванию денег Саудовской Аравии, которая началась в 1974 году, и периода работы Джорджа Х.У.Буша представителем США при ООН (1971–1973), а затем на посту директора ЦРУ (1976–1977). Что меня действительно удивило, так только то, что правда в конце концов вышла наружу. «Вэнити фэйр» заключает:

«Семья Буша и дом Сауда, две наиболее влиятельные династии в мире, имели личные, деловые и политические связи в течение более

двадцати лет...

В частном секторе саудовцы поддерживали «Харкен энерджи», пробивавшуюся на рынок нефтяную компанию, в которой Джордж У. Буш был инвестором. Недавно бывший президент Джордж Буш и его давний соратник, бывший госсекретарь Джеймс Бейкер III, предстали перед саудовцами как лица, собирающие средства для «Карлайл групп», вероятно крупнейшей в мире частной фирмы, занимающейся ценными бумагами. Сегодня бывший президент Буш остается старшим советником фирмы, в число инвесторов которой входит, как говорят, некий саудовец, обвиненный

в связях с группами, поддерживавшими террористов.

Всего несколько дней спустя после 11 сентября богатые саудовцы, включая членов семьи бен-Ладена, покинули Соединенные Штаты на частных самолетах. Неизвестно, кто давал разрешение на вылет; не были опрошены и пассажиры. Не длительные ли отношения семьи Буша с саудовцами помогли этому случиться?» [\[38\]](#)

Часть III: 1975–1981

Глава 17. ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПАНАМСКОМУ КАНАЛУ И ГРЭМ ГРИН

В Саудовской Аравии было сделано немало карьер. Моя собственная и без того развивалась вполне удачно, а успехи в пустынном королевстве, безусловно, открыли для меня новые перспективы. К 1977 году я построил небольшую империю, штаб-квартира которой находилась в бостонском офисе. Она состояла примерно из двадцати специалистов и нескольких консультантов из других подразделений МЕЙН и дочерних

структур, разбросанных по всему миру. Я стал самым молодым партнером в фирме, имеющей столетнюю историю. В дополнение к должности главного экономиста меня еще назначили управляющим по экономике и региональному планированию. Я читал лекции в Гарварде и других учебных заведениях; газеты выпрашивали у меня статьи о текущих событиях [\[39\]](#). У меня была яхта, стоявшая в Бостонской гавани рядом с историческим военным кораблем «Констительюшн», прозванным «Старик железнобокий» и известным победой над берберскими пиратами вскоре после Войны за

независимость. Я получал высокую зарплату и владел ценными бумагами, обещавшими сделать меня миллионером задолго до моего сорокалетия. Да, мой брак распался, но я проводил время с очаровательными женщинами на разных континентах.

У Бруно появилась идея нового подхода к прогнозированию: эконометрическая модель, основанная на учениях одного русского математика начала века. Модель предполагала приращение субъективной вероятности прогнозам, касающимся роста некоторых секторов экономики. Она идеально подходила для обоснования

завышенных оценок роста, которые мы так любили показывать в целях получения крупных кредитов. Поэтому Бруно попросил меня посмотреть, как можно использовать эту концепцию.

Я нанял молодого математика из Массачусетского технологического института, доктора Надипурама «Рэма» Прасада, и выделил ему бюджет. Через шесть месяцев он преобразовал метод Маркова для эконометрического моделирования. Затем мы вместе выдали несколько технических статей, представлявших революционный метод Маркова для прогнозирования влияния инфраструктурных инвестиций на

экономическое развитие.

Это было именно то, чего нам не хватало: инструмент, научно «доказывавший», что, втягивая страны в долговую ловушку, из которой они никогда не смогут выбраться, мы приносим им большую пользу. На самом деле только высококвалифицированный эконометрост, имевший уйму времени и денег, мог разобраться во всех сложностях метода Маркова или поставить под сомнение наши выводы. Наши статьи были опубликованы несколькими престижными организациями, мы официально представляли их на конференциях и в университетах в

разных странах. Эти статьи — и мы сами — стали широко известны в нашей отрасли [\[40\]](#).

Что касается Торрихоса, то мы с ним соблюдали условия нашего тайного соглашения. Я обеспечил достоверность наших исследований, а также то, что наши рекомендации принимали во внимание интересы беднейших слоев. Хотя я и слышал ворчание по поводу того, что мои прогнозы по Панаме не дотягивают до нужных раздутых стандартов и даже пахнут социализмом, факт оставался фактом: МЕЙН продолжала получать контракты от правительства Торрихоса. Контракты предусматривали создание

генеральных планов развития не только традиционного сектора инфраструктуры, но и сельского хозяйства. Кроме того, со стороны я наблюдал за началом переговоров Торрихоса и Джимми Картера о пересмотре соглашения по Каналу.

Переговоры по Каналу вызвали глубочайший интерес во всем мире. Все ждали, как поведут себя Соединенные Штаты: поступят ли так, как, по мнению всего мира, должны были поступить, то есть передать панамцам контроль над Каналом, или попытаются воссоздать общемировой вариант Замысла Провидения, подорванный поражением во Вьетнаме. Многим

казалось, что президентом Соединенных Штатов был избран разумный и способный на сострадание человек и произошло это как раз вовремя. Однако консервативные бастионы Вашингтона и трибуны религиозных правых гудели от негодования. Как могли мы отдать этот оплот национальной обороны, этот символ американского мастерства, эту полоску воды, которая привязывала судьбы Латинской Америки к прихотям американских коммерческих интересов?

Приезжая в Панаму, я обычно останавливался в отеле «Континенталь». Однако в мой

пятый приезд мне пришлось остановиться в отеле «Панама» через дорогу, поскольку в «Континентале» шел ремонт и было очень шумно. Сначала это неудобство меня очень раздражало: я считал «Континенталь» своим домом вдали от дома. Но теперь просторное патио, в котором я сидел, с его ротанговыми креслами и пропеллерами-вентиляторами под деревянным потолком нравилось мне все больше. Обстановка напоминала «Касабланку», казалось, Хэмфри Богарт мог войти в любую минуту. Я положил на стол номер «Нью-Йорк ревью оф букс», в котором только что закончил читать статью о Панаме, и

установился на эти пропеллеры, вспоминая вечер два года назад.

— Форд — слабый президент. Его не переизберут, — предсказывал Омар Торрихос в 1975 году. Он беседовал с группой влиятельных панамцев. Я был одним из немногих иностранцев, приглашенных в этот старинный элегантный клуб с вентиляторами под потолком. — Именно поэтому я решил ускорить решение вопроса о Канале. Сейчас самое подходящее время для начала политической битвы за его возвращение.

Эта речь вдохновила меня. Я вернулся в отель и написал письмо, которое в конце концов отправил в

«Бостон глоб». Мне в офис перезвонил редактор с просьбой написать в раздел «Компетентное мнение». Статья «Колониализму в Панаме нет места в 1975 году» заняла почти полстраницы напротив редакционных статей в номере от 19 сентября 1975 года.

В статье назывались три конкретные причины, почему следовало вернуть Канал Панаме. Во-первых, «нынешняя ситуация несправедлива — и уже одно это является достаточной причиной для любого решения». Во-вторых, «существующее соглашение несет куда более высокие риски в отношении безопасности, чем риски

от частичной передачи контроля панамцам». Я сослался на исследование, проведенное Комиссией по Каналу, которое пришло к выводу: «Движение по Каналу может быть остановлено на два года бомбой, заложенной кем-то в одиночку со стороны Гатунской дамбы». Кстати, именно на этой угрозе генерал Торрихос неоднократно публично акцентировал внимание. И в-третьих, «нынешняя ситуация создает серьезные проблемы для отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой». Закончил я следующим:

«Лучший способ обеспечить

бесперебойную и эффективную работу Канала — помочь панамцам получить контроль над Каналом. Поступая таким образом, мы могли бы гордиться поступком, подтверждающим нашу приверженность курсу самоопределения, которому мы поклялись быть верными 200 лет назад...

Колониализм был в моде в начале века (начало 1900-х), равно как и в 1775-м. Возможно, ратификация подобного соглашения может быть понятной в контексте того времени. Сегодня ей нет оправдания. Колониализму нет места в 1975 году. Отмечая свое

двухсотлетие, мы должны это осознавать и действовать соответствующим образом» [\[41\]](#).

С моей стороны довольно смело было написать подобное, особенно учитывая тот факт, что не так давно я стал партнером в МЕЙН. Считалось, что партнеры должны избегать общения с прессой и, уж конечно, воздерживаться от опубликования политических обличений на первых страницах самой влиятельной газеты Новой Англии. По внутренней почте я получил целую кипу неприятных, в основном анонимных записок, приколотых к копиям газетной статьи. Я уверен, что одна из них была написана почерком Чарли

Иллингворта. Мой первый проектный менеджер работал в МЕЙН уже более десяти лет (а я меньше пяти) и все еще не был партнером. На записке был нарисован череп с костями, а под рисунком была незатейливая надпись: «И этот коммуняка — партнер в нашей фирме?»

Бруно вызвал меня к себе в кабинет.

— У вас будет много бед из-за этой статьи. МЕЙН — довольно консервативное место. Но хочу, чтобы вы знали мое мнение: вы сообразительны. Торрихосу наверняка понравится эта статья; очень надеюсь, что вы послали ему

экземпляр. Хорошо. Так вот, этим ребятам в офисе — тем, кто считает Торрихоса социалистом, — на самом деле абсолютно все равно, кто он; для них главное — чтобы были контракты.

Бруно, как всегда, оказался прав. Шел 1977 год, у власти был Картер, велись серьезные переговоры по Каналу. Многие конкуренты МЕЙН заняли не ту сторону и соответственно были вынуждены уйти из Панамы; объем же нашей работы все увеличивался. Я сидел в лобби отеля «Панама», только что закончив чтение статьи Грэма Грина в «Нью-Йорк ревью оф букс».

Статья «Страна пяти границ»

была довольно дерзкой. Речь в ней шла, в частности, о коррупции среди старших офицеров Национальной гвардии Панама. Автор подчеркивал: генерал сам признает, что многие его сотрудники пользуются особыми привилегиями, в частности лучшими квартирами, потому что, «если я им не заплачу, заплатит ЦРУ». Здесь чувствовался явный намек на то, что разведка США намеревалась действовать вопреки воле президента Картера и, если потребуется, подкупить армейское руководство Панама, чтобы те саботировали переговоры по соглашению [\[42\]](#). Я постоянно задавал себе вопрос: не начали ли уже шакалы подбираться к

Торрихосу?

В разделе «Люди» журнала «Тайм» или «Ньюсуик» я видел фотографию Торрихоса и Грина, сидевших рядом. Подпись поясняла, что писатель, личный гость генерала, теперь стал хорошим другом Торрихоса. Мне было интересно, какие чувства испытывал генерал к этому писателю: человек, пользовавшийся его доверием, теперь выступил с такой критикой.

Статья Грэма Грина подняла и еще один вопрос, имевший отношение к тому дню 1972 года, когда я сидел за кофейным столиком с генералом. По моему тогдашнему убеждению, генерал знал, что целью

игры в иностранную помощь является его личное обогащение и вовлечение страны в неоплатный долг. Я был уверен, что он знал, что вся система покоится на презумпции продажности людей во власти и что его решение не брать ничего лично для себя, но использовать помощь во благо народа в конечном итоге может привести к ее разрушению. Мир наблюдал за этим человеком; последствия его действий простирались далеко за пределы Панамы и, соответственно, все, что он делал, воспринималось очень серьезно.

Раньше я задумывался о том, как отреагирует корпоратократия, если

займы Панамы пойдут на помощь бедным, не обременяя при этом страну неподъемным долгом. Теперь же я пытался понять, не сожалеет ли Торрихос о заключенной нами в тот день сделке. Я и сам не понимал, что чувствую по поводу этой сделки. Я отступил от своей роли ЭУ. Вместо того чтобы играть свою игру, я стал играть по его правилам и принял его условия: честность в обмен на контракты для МЕЙН. В чисто экономическом плане для МЕЙН это было мудрое деловое решение. Тем не менее, это противоречило тому, что заложила во мне Клодин, потому что не способствовало расширению глобальной империи. Не это ли

заставило теперь спустить шакалов с цепи?

Я помню, что подумал в тот день, выйдя от Торрихоса: история Латинской Америки усеяна павшими героями. Система, основанная на коррумпировании публичных деятелей, немилосердно обходится с теми, кто отказывается коррумпироваться.

В следующее мгновение мне показалось, будто с моим зрением происходит что-то странное. Через лобби медленно двигалась знакомая фигура. Сначала я подумал, что это Хэмфри Богарт, но тот к тому времени уже отошел в мир иной. А потом я узнал его: одна из

величайших фигур современной английской литературы, автор романов «Сила и слава», «Комедианты», «Наш человек в Гаване», а также статьи, которую я только что положил на столик перед собой. Поколебавшись минуту, Грэм Грин огляделся вокруг и направился в кафе.

Я хотел позвать его или побежать вслед за ним, но заставил себя остановиться. Мне показалось, что он хочет побыть один; кроме того, внутренний голос подсказал, что он может не захотеть общаться со мной. Я взял номер «Нью-Йорк ревью оф букс» и минуту спустя, к своему удивлению, обнаружил, что

стою в дверях кафе.

Я уже завтракал в тот день, поэтому метрдотель посмотрел на меня с удивлением. Я глянул по сторонам. Грэм Грин сидел в одиночестве за столиком около стены. Я указал на столик рядом с ним.

— Вон там, — сказал я метру. — Я могу еще раз позавтракать за тем столиком?

Я никогда не скупился на чаевые. Метр понимающе посмотрел на меня и провел к столику.

Писатель был поглощен своей газетой. Я заказал кофе и круассан с медом. Мне хотелось узнать, что Грин думает о Панаме, Торрихосе, о

Канале, но я никак не мог придумать, как начать разговор. Он оторвался от газеты, чтобы сделать глоток кофе.

— Извините, — сказал я.

Он пристально — или мне это показалось? — взглянул на меня.

— Да?

— Мне неловко вас беспокоить. Но вы ведь Грэм Грин, не так ли?

— Да, действительно, так. — Он тепло улыбнулся. — Большинство людей в Панаме не узнают меня.

Я заверил его, что он — мой любимый писатель, рассказал ему вкратце о своей жизни, включая работу в МЕЙН и встречи с Торрихосом. Он спросил, не я ли тот консультант, который опубликовал

статью о том, что Америке надо уходить из Панамы.

— В «Бостон глоб», если я правильно припоминаю. Я был поражен.

— Довольно смело, учитывая ваше положение, — сказал он. — Может, вы пересядете ко мне?

Я пересел за его столик и просидел там, должно быть, около полутора часов. Во время нашей беседы я понял, насколько близок был ему Торрихос. Он говорил о генерале, как отец мог бы говорить о сыне.

— Генерал, — сказал он, — пригласил меня, чтобы я написал книгу о его стране. Этим я и

занимаюсь. Это будет документальная проза — не совсем обычная вещь для меня.

Я поинтересовался, почему он предпочитал писать романы, а не документальную прозу.

— Художественная литература безопасней, — ответил он. — Как правило, я пишу о неоднозначных событиях. Вьетнам. Гаити. Мексиканская революция. Многие издательства побоялись бы печатать документальную прозу на эти темы. — Он указал на журнал «Нью-Йорк ревью оф букс», лежавший на столе, за которым я сидел раньше. — Подобные слова могут принести много вреда. — Он улыбнулся. —

Кроме того, мне нравится писать художественные произведения. Это дает мне больше свободы. — Он пристально посмотрел на меня. — Важно писать о тех вещах, которые действительно имеют значение. Как в вашей статье в «Глоб» о Канале.

Его восхищение Торрихосом было очевидно. Похоже, панамский лидер смог произвести на писателя такое же сильное впечатление, какое он произвел на бедных и обездоленных. И настолько же ясно было, что Грин волнуется за жизнь своего друга.

— Это гигантская задача, — воскликнул он, — противостоять Северному гиганту. — Он печально

покачал головой. — Я боюсь за его безопасность.

Ему пора уже было уходить.

— Я должен успеть на самолет во Францию, — сказал он, медленно поднимаясь и пожимая мне руку. Он посмотрел мне в глаза. — Почему бы вам не написать книгу? — Он ободряюще кивнул. — Она в вас. Но помните, она должна быть о вещах, которые имеют значение. — Он повернулся и пошел к выходу. Затем остановился и снова вернулся.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Генерал победит. Он вернет Канал.

Торрихос вернул Канал. В том же 1977 году он успешно заключил с

президентом Картером новые соглашения, по которым контроль над зоной Канала и над самим Каналом переходил к Панаме. После этого Белому дому пришлось убеждать конгресс ратифицировать эти соглашения. Последовала длительная и тяжелая борьба. В конечном итоге соглашение по Каналу было ратифицировано большинством с перевесом в один голос. Консерваторы поклялись отомстить.

Через много лет вышла документальная книга Грэма Грина «Знакомство с генералом». Она была посвящена «друзьям моего друга, Омара Торрихоса, в Никарагуа,

Сальвадоре и Панаме» [\[43\]](#).

Глава 18. ИРАНСКИЙ ЦАРЬ ЦАРЕЙ

В период между 1975-м и 1978 годами я часто приезжал в Иран. Иногда мне приходилось ездить из Латинской Америки или Индонезии в Тегеран. Шахиншах (буквально «царь царей» — официальный титул шаха) представлял собой нечто совершенно иное по сравнению с тем, что мы привыкли видеть в других странах.

Иран, как и Саудовская Аравия, располагал огромными запасами нефти, и ему не надо было влезать в долги, чтобы финансировать свой

амбициозный список проектов. Однако Иран отличался от Саудовской Аравии тем, что его значительное по численности население, в массе своей мусульманское и в культурно—историческом плане, безусловно, «ближневосточное», не было арабским. Кроме того, в истории страны политическая ситуация нередко обострялась — как во внутренней жизни, так и в отношениях с соседними странами. Поэтому мы избрали другой подход: Вашингтон и деловое сообщество объединили усилия, чтобы представить шаха символом прогресса.

Мы приложили невероятные усилия, чтобы показать миру, чего может достичь сильный, демократически ориентированный друг американских корпоративных и политических интересов. Не важно, что у него был откровенно недемократический титул; не важно, что имел место менее очевидный всем переворот, организованный ЦРУ против его демократически избранного премьера; Вашингтон и его европейские партнеры были намерены представить правительство шаха как альтернативу правительствам Ирака, Ливии, Китая, Кореи и других стран, где на поверхность вырывались мощные

течения антиамериканизма.

Внешне шах выглядел как прогрессивный друг обездоленных. В 1962 году он приказал разукрупнить огромные владения, принадлежавшие местным помещикам, и передать землю крестьянам. На следующий год он положил начало Белой революции, в программу которой, в частности, входил широкий круг общественных и экономических реформ. В 1970-х годах влияние ОПЕК возросло, и шах становился все более влиятельным лидером во всем мире. К тому же у Ирана были наиболее сильные вооруженные силы на всем мусульманском Ближнем Востоке

МЕЙН занималась проектами на территории всей страны, от туристических зон вдоль Каспийского моря на севере до секретных военных сооружений, выходивших на Ормузский пролив, на юге. Как всегда, в нашу задачу входило оценить потенциал развития регионов, затем создать системы производства, передачи и распределения электроэнергии, необходимой для промышленного и коммерческого роста в соответствии с нашими прогнозами.

Я побывал во всех крупнейших районах Ирана. Я проехал древним путем караванов через горы в

пустыне, от Кирмана до Бендер-Аббаса; я бродил по руинам Персеполиса, легендарного дворца древних царей, одного из чудес света. Я увидел самые знаменитые и красивые места страны: Шираз, Исфахан, изумительный палаточный город около Персеполиса, где короновали шаха. Поездки помогли мне искренне полюбить эту страну и ее непростых людей.

На первый взгляд, Иран казался образцом содружества мусульман и христиан. Однако скоро я узнал, что за безмятежным спокойствием может таиться глубокая обида.

Однажды поздно вечером в 1977 году, вернувшись в отель, я нашел под

дверью записку. К моему величайшему изумлению, она была подписана человеком по имени Ямин. Я не был знаком с ним лично, но на правительственном брифинге нам рассказывали, что это политик-ниспровергатель, радикал, известный своими крайними взглядами. В написанной идеальным английским почерком записке содержалось приглашение встретиться с ним в некоем ресторане. Однако было и предупреждение: я мог прийти, только если мне интересно увидеть ту сторону жизни Ирана, которую большинство людей «моего положения» никогда не видели. Я подумал, интересно, знал ли Ямин о

моей настоящей должности. Осознавая, что принимаю на себя большой риск, я все-таки не мог не поддаться соблазну познакомиться с этой загадочной личностью.

Я вышел из такси перед маленькой калиткой в высоком заборе — настолько высоким, что здания за ним практически не было видно. Красивая иранская женщина в длинном черном одеянии впустила меня и повела по коридору, освещенному масляными лампами, свисавшими с низкого потолка. Пройдя до конца коридора, мы вошли в комнату, которая сверкала ослепительным блеском, как будто мы находились в середине

бриллианта. Когда мои глаза приспособились к сиянию, я обратил внимание, что стены были выложены полудрагоценными камнями и перламутром. Ресторан был освещен высокими белыми свечами, закрепленными в затейливых бронзовых подсвечниках. Высокий мужчина с длинными черными волосами, в безукоризненном темно-синем костюме, подошел ко мне и пожал мне руку. Он представился как Ямин. Акцент выдавал в нем иранца, получившего образование в Великобритании. Меня сразу же поразило, что он совершенно не выглядел как радикал-ниспровергатель. Он провел меня

мимо нескольких столиков, за которыми спокойно ужинали пары, к обособленной нише и заверил, что там мы можем говорить, не боясь быть услышанными. У меня сложилось отчетливое впечатление, что ресторан был местом тайных свиданий. Вполне возможно, что в тот вечер одно только наше свидание не имело любовной интриги.

Ямин был очень сердечным человеком. В ходе беседы стало очевидным, что он принимал меня исключительно за консультанта по экономике, без каких-либо скрытых мотивов. Он объяснил, что решил встретиться именно со мной, поскольку узнал, что я служил в

Корпусе мира, а также потому, что, как стало ему известно, я использую любую возможность, чтобы узнать больше о его стране и ее людях.

— Вы очень молодо выглядите по сравнению с большинством ваших коллег, — сказал он. — Вы питаете искренний интерес к нашей истории и нашим нынешним проблемам. Вы олицетворяете нашу надежду.

Эти слова, а также окружающая обстановка, его внешность, присутствие многих других людей в ресторане немного успокоили меня. Я уже привык, что люди относятся дружески ко мне, как Рейси на Яве и Фидель в Панаме. Я воспринимал это как комплимент; кроме того, это

давало мне возможность больше узнать о стране. Я знал, что отличаюсь от других американцев, потому что я всегда влюблялся в те места, куда я приезжал. Я понял, что люди очень быстро проникаются к тебе симпатией, если твои глаза, уши и сердце открыты для их культуры.

Ямин спросил, знаю ли я о проекте «Цветущая пустыня» [\[45\]](#).

— Шах считает, что на месте нынешних пустынь были когда-то плодородные долины и густые леса. Так, во всяком случае, он утверждает. Согласно этой теории, во времена Александра Великого по нашим землям перемещались огромные армии; за ними шли миллионные

стада коз и овец. Животные съели всю траву и растительность, что вызвало засуху; в конце концов вся местность превратилась в пустыню. Так что теперь нужно всего лишь посадить миллионы деревьев, и тогда сразу же снова начнутся дожди и пустыня зацветет, во всяком случае, так говорит шах. Конечно, для этого придется потратить сотни миллионов долларов. — Он снисходительно улыбнулся. — Компании, подобные вашей, получают огромные прибыли.

— Насколько я понимаю, вы не верите в эту теорию.

— Пустыня — это символ. Чтобы сделать ее цветущей, одного

сельского хозяйства недостаточно.

Над нами склонились несколько официантов с подносами, на которых были красиво разложены различные кушанья иранской кухни. Предварительно спросив моего разрешения, Ямин стал накладывать мне еду с разных подносов. Затем он обратился ко мне:

— Позвольте вас спросить, мистер Перкинс. Что привело к уничтожению культуры ваших коренных народов, индейцев?

Я ответил, что, на мой взгляд, тому было много причин, включая жадность, а также более совершенное оружие.

— Да. Правильно. Все это. Но

не уничтожение ли окружающей среды стало самой главной причиной? — Он стал объяснять, что уничтожение лесов и животных, например буйволов, и переселение коренных жителей в резервации приводит к распаду самих основ культуры. — Понимаете, здесь та же ситуация, — сказал он. — Пустыня — это наша окружающая среда. Проект «Цветущая пустыня» ставит под угрозу ни больше ни меньше как уничтожение основы нашей культуры. Как мы можем допустить это?

Я сказал, что, насколько я понял, сама мысль о проекте принадлежала представителям его народа, а не

кому-то извне. Скептически усмехнувшись, он ответил, что эту идею заронило в голову шаха мое родное правительство Соединенных Штатов и что шах всего лишь марионетка в руках этого правительства.

— Настоящий перс никогда не допустит подобного, — сказал он. Потом он пустился в долгие рассуждения об отношениях его народа — бедуинов — с пустыней. Он особо подчеркнул, что многие горожане проводят свой отпуск в пустыне. Они устанавливают палатки и живут в них семьями неделю или больше. — Мы, мой народ, — часть пустыни. Люди, которыми якобы

управляет шах своей железной рукой, это не просто люди из пустыни. *Мы неотъемлемая ее часть, мы — сама пустыня.*

Он рассказал мне разные истории о своих собственных взаимоотношениях с пустыней. Когда вечер закончился, он проводил меня обратно к маленькой двери в высокой стене. На улице меня ждало такси. Пожав мне руку, Ямин поблагодарил меня за проведенное с ним время. И опять он упомянул мой молодой возраст, мою открытость; по его словам, тот факт, что я занимал такую должность, позволяет ему с надеждой смотреть в будущее.

— Мне было очень приятно

провести время с таким человеком, как вы, — сказал он, не выпуская моей руки. — Я бы попросил вас еще об одном одолжении. Мне нелегко об этом просить. Я делаю это только потому, что знаю после проведенного с вами вечера, что это будет для вас важным и даст вам многое.

— Чем я могу быть полезен?

— Я бы хотел познакомить вас с моим близким другом, человеком, который может много рассказать о царе царей. Возможно, что-то при общении с ним вас шокирует, но уверяю, что вы не пожалеете о времени, потраченном на эту встречу.

Глава 19. ИСПОВЕДЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ПЫТАЛИ

Через несколько дней мы с Ямином, оставив Тегеран позади, промчавшись сквозь пыльный поселок, состоявший из нищих лачуг, двигались вдоль старого караванного пути на край пустыни. Когда за городом уже садилось солнце, мы остановились около группы маленьких глиняных хибарок, окруженных пальмами.

— Очень старый оазис, — объяснил Ямин. — Существовал за много веков до Марко Поло. — Он

повел меня к одной из лачуг.

— Человек в доме имеет докторскую степень одного из ваших наиболее престижных университетов. По причинам, о которых вы скоро узнаете, он не может раскрыть свое имя. Вы можете называть его Док.

Он постучал в деревянную дверь, изнутри донесся неясный звук. Ямин толкнул дверь и пропустил меня внутрь. В крошечной комнате не было окон; она освещалась только масляной лампой, стоящей на низком столике в углу. Когда глаза приспособились к полумраку, я заметил, что глиняный пол был покрыт персидскими коврами. Затем

стали проступать контуры человеческой фигуры. Человек сидел перед лампой так, что его лица не было видно. Я только увидел, что он был замотан в одеяла, а на голове было что-то надето. Он сидел в инвалидном кресле; кроме столика в углу, другой мебели в комнате не было. Ямин знаком попросил меня сесть на пол. Он подошел к человеку и мягко обнял его за плечи, сказал несколько слов на ухо, затем вернулся и сел рядом со мной.

— Я рассказывал вам о мистере Перкинсе, — сказал он. — Мы оба счастливы иметь честь встретиться с вами, сэр.

— Мистер Перкинс, добро

пожаловать. — Голос, практически без акцента, был хриплым и низким. Я почувствовал,' как наклоняюсь вперед, в небольшое пространство между нами, когда он сказал: — Перед вами развалина. Но я не всегда был таким. Когда-то я был сильным, как вы. Я был советником шаха, близким человеком, которому он доверял. — Последовала длительная пауза. — Шах шахов, царь царей. — Мне показалось, что голос его звучал скорее печально, чем зло. — Я лично был знаком со многими мировыми лидерами. Эйзенхауэр, Никсон, де Голль. Они хотели, чтобы я помог ввести эту страну в капиталистический лагерь. Шах

тоже доверял мне, и... — он издал звук, который мог бы быть кашлем, но я решил, что он усмехнулся, — я доверял шаху. Я поверил его риторике. Я был убежден, что Иран введет мусульманский мир в новую эпоху, что Персия выполнит свое предназначение. Это казалось нашим предназначением — шаха, моим, всех тех, кто выполнял миссию, ради которой, как нам казалось, мы были рождены.

Одеяла зашевелились; кресло с жужжанием повернулось. Я увидел человека в профиль: густая борода, и — меня как током ударило: плоский профиль! У него не было носа! Содрогнувшись, я подавил в себе

шумный вдох.

— Не очень приятное зрелище, как вы считаете, мистер Перкинс, а? Жалко, что вы не видите этого при полном свете. Это так нелепо выглядит. — И опять раздался звук, напоминавший придушенный смех. — Но, как вы наверняка знаете, я вынужден держать свое имя в тайне. Конечно, если вы сильно захотите, вы узнаете, кто я; кроме того, вы обнаружите, что я мертв. Официально меня больше не существует. И все-таки я верю, что вы не станете этого делать. Вам и вашей семье лучше не знать обо мне. У шаха и САВАК длинные руки.

Кресло опять зажужжало и

вернулось на место. Я почувствовал облегчение, как будто то, что я не видел профиль этого человека, делало недействительным насилие, совершенное над ним. В то время я не знал об этом обычае в некоторых мусульманских странах. Лицам, принесшим бесчестье и позор обществу или его руководителям, отрубали носы. Таким образом их помечали на всю жизнь — и это ясно доказывало лицо человека передо мной.

— Уверен, мистер Перкинс, вы спрашиваете себя, зачем мы вас сюда пригласили. — Не дожидаясь ответа, человек в кресле продолжал: — Видите ли, человек, называющийся

себя царем царей, на самом деле — порождение зла. Его отец был низложен вашим ЦРУ с — мне очень неприятно это говорить — моей помощью, потому что он якобы сотрудничал с фашистами. Потом это несчастье с Моссадыком. Сегодня наш шах уже вот-вот обойдет Гитлера по количеству сотворенного зла. И творит он это зло с полного одобрения вашего правительства.

— Почему? — спросил я.

— Очень просто. Он ваш единственный союзник на Ближнем Востоке. Промышленный мир крутится на нефтяной оси, а это — Ближний Восток. Да, конечно, у вас есть Израиль, но это скорее пассив,

нежели актив. И нефти у них нет. Вашим политикам приходится угождать еврейскому электорату, получать их деньги на финансирование политических кампаний. Так что с Израилем вы, боюсь, застряли. Вашим нефтяным компаниям — а они еще более могущественны, чем евреи, — нужны мы. А вам нужен наш шах, или вам кажется, что нужен: так же, как вам казались необходимыми коррумпированные руководители Южного Вьетнама.

— А вы считаете по-другому? Иран — это эквивалент Вьетнама?

— Потенциально — значительно хуже. Видите ли, этот

шах долго не продержится. Мусульманский мир ненавидит его. Не только арабы, но все мусульмане: в Индонезии, в Соединенных Штатах, но больше всего здесь — его собственный персидский народ. — Послышался глухой удар. Я понял, что он ударил кулаком в подлокотник. — Он зло! Мы, персы, ненавидим его. — Наступила тишина. Слышалось только его тяжелое дыхание, как будто это усилие утомило его.

— Док очень близок к муллам, — негромко сказал Ямин. — Среди местных религиозных групп существует очень мощное скрытое движение; оно охватило всю страну,

за исключением горстки людей, занимающихся коммерцией, которым выгоден капитализм шаха.

— Я не ставлю под сомнение ваши слова, — ответил я. — Но должен сказать, я четыре раза был у вас в стране и ни разу не видел никаких признаков такого движения. С кем бы я ни говорил, все любят шаха; все довольны экономическим ростом.

— Вы не говорите на фарси, — заметил Ямин. — Поэтому слышите только то, что говорят вам те, кто преуспевает. Получившие образование в Штатах или Англии рано или поздно начинают работать на шаха. Док — исключение. Теперь.

Он помолчал: видимо, обдумывал свои следующие слова.

— То же относится и к вашей прессе. Они беседуют только с теми, кто принадлежит к окружению шаха. Конечно, большая часть вашей прессы также контролируется нефтяным лобби. Поэтому они слышат только то, что хотят слышать, и пишут то, что их рекламодатели хотят читать.

— Почему мы вам рассказываем обо всем этом, мистер Перкинс? — Голос Дока стал еще более хриплым, как будто речь и эмоции вытягивали из него те немногие силы, которые он приберег для этой встречи. — Потому что мы хотим убедить вас

уехать отсюда и уговорить свою компанию держаться подальше от нашей страны. Мы хотим предупредить вас, что, хотя вы и думаете, что получите здесь большие деньги, это иллюзия. Это правительство долго не продержится. — Он опять ударил рукой по креслу. — А то, которое придет ему на смену, не будет испытывать никакой симпатии ни к вам, ни к вам подобным.

— Вы хотите сказать, что нам не заплатят?

Док закашлялся. Подойдя к нему, Ямин стал растирать ему спину. Когда приступ кашля прекратился, он заговорил с Доком

на фарси, затем вернулся на свое место.

— Нам пора заканчивать разговор, — сказал он. — Отвечаю на ваш вопрос: да, вам не заплатят. Вы выполните всю работу, а когда придет время получать гонорар, шаха уже не будет.

На обратном пути я спросил Ямина, почему он с Доком решил предупредить МЕЙН о грядущей финансовой катастрофе.

— Мы бы с удовольствием наблюдали за банкротством вашей компании. И все-таки для нас лучше, если вы покинете Иран. Если уйдет хотя бы лишь одна компания, такая, как ваша, это положит начало

тенденции. Мы на это надеемся. Мы не хотим устраивать кровавую баню, но шах должен уйти, и мы используем все средства, чтобы облегчить эту задачу. Так что мы молим Аллаха, что вы убедите вашего мистера Замботти убраться отсюда, пока еще есть время.

— А почему я?

— Во время нашего ужина, когда мы обсуждали проект «Цветущая пустыня», я понял, что вы открыты, вы готовы воспринять правду. Я понял, что наша информация относительно вас была правильной: вы — человек между двух миров, человек в середине.

Это заставило меня задуматься о

том, что он еще обо мне знает.

Глава 20. ПАДЕНИЕ ЦАРЯ

Однажды в 1978 году я сидел вечером в одиночестве в роскошном баре в холле отеля «Интерконтинентал» в Тегеране. Кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся: передо мной стоял коренастый иранец в темно-синем официальном костюме.

— Джон Перкинс! Не помнишь меня?

Бывший футболист изрядно набрал в весе, но голос его совсем не изменился. Это был Фархад, мой старый друг по Миддлбери. Мы не

виделись уже больше десяти лет. Мы обнялись, потом сели. Очень скоро стало ясно, что он знает все обо мне и моей работе. Было ясно и то, что он не собирается рассказывать о своей работе.

— Ладно, давай перейдем к делу, — сказал он, когда мы заказали по второй кружке пива. — Завтра я лечу в Рим. Там живут мои родители. У меня есть билет для тебя на тот же рейс. Здесь все подходит к концу. Тебе надо выбираться отсюда. — Он вручил мне билет. Я не сомневался ни минуты.

В Риме мы ужинали с родителями Фархада. Его отец, отставной иранский генерал, когда—

то своим телом заслонивший шаха от пули наемного убийцы, выразил разочарование своим бывшим боссом. Он сказал, что в последние годы шах показал истинное лицо, проявив себя заносчивым и жадным. Генерал возложил вину за ненависть, охватившую Ближний Восток, на политику Соединенных Штатов, в частности поддержку ими Израиля, коррумпированных лидеров и деспотических правительств. Он сказал, что уже через несколько месяцев шаха не будет.

— Знаете, — сказал он, — вы сами посеяли эти семена бунта в начале пятидесятых, когда сбросили Моссадыка. Тогда вы думали, что

поступаете очень умно. Я тоже так думал. Но теперь это обернулось против вас — и нас [\[46\]](#).

Его заявления меня ошеломили. Я уже слышал что-то в том же духе от Ямина и Дока, но в устах этого человека подобные речи приобретали другое значение. К этому времени всем уже было известно о существовании фундаменталистского исламского подполья, но мы убедили себя, что шах необыкновенно популярен среди большинства населения и соответственно политически непобедим. Генерал, однако, был непоколебим в своем мнении. — Запомните мои слова, — сказал он торжественно, — падение

шаха станет только началом. Это покажет, в каком направлении движется мусульманский мир. Наша ярость слишком долго тлела под спудом песка. Скоро она вырвется наружу. За ужином я много слышал об аятолле Рухолле Хомейни. Фархад и его отец ясно дали понять, что не поддерживают его фанатического шиизма, однако они явно находились под впечатлением от его нападок на шаха. Они рассказали, что этот священнослужитель, чье имя означало «вдохновленный Богом», родился в семье шиитских богословов в деревеньке недалеко от Тегерана в 1902 году.

Хомейни намеренно не

участвовал в борьбе шаха и Моссадыка в начале 1950-х, но он находился в открытой оппозиции шаху в 1960-х, выступая с яростной критикой, за что его и выслали в Турцию, а затем в священный город шиитов в Ираке Ан-Наджаф, где он стал признанным лидером оппозиции. Он слал письма, статьи, аудиозаписи, призывая иранцев подняться на борьбу с шахом, низвергнуть его и создать духовное государство. Через два дня после ужина с Фархадом и его родителями пришли сообщения из Ирана о взрывах и столкновениях. Аятолла Хомейни и муллы начали наступление, в результате которого

контроль над страной должен был перейти к ним в руки. События развивались с нарастающей быстротой. Ярость, о которой говорил отец Фархада, вылилась в грандиозное исламское восстание. Шах бежал в Египет в январе 1979 года, а затем, после того как ему поставили диагноз «рак», отправился в одну из клиник Нью-Йорка.

Последователи аятоллы Хомейни настаивали на возвращении шаха. В ноябре 1979 года воинственно настроенная толпа исламистов захватила посольство США в Тегеране с 52 заложниками и удерживала его 444 дня [\[47\]](#). Президент Картер попытался

вступить в переговоры с целью освободить заложников. В апреле 1980 года, когда переговоры провалились, он отправил группу военных для проведения спасательной операции. Все закончилось катастрофой; это был последний гвоздь в гроб президентства Картера. Огромное давление, оказанное американскими политическими и деловыми кругами, заставило больного раком шаха покинуть Соединенные Штаты. Уехав из Тегерана, он безуспешно пытался найти убежище. Его бывшие друзья отвернулись от него. Однако генерал Торрихос проявил свою обычную симпатию к гонимым и предложил

шаху убежище в Панаме, несмотря на свое личное неприятие политики шаха. Шах приехал, и его поселили на том самом курорте, где не так давно было подписано новое соглашение по Панамскому каналу.

Муллы требовали возвращения шаха в обмен на освобождение заложников, удерживавшихся в посольстве США в Тегеране. Противники подписания соглашения по каналу обвинили Торрихоса в коррупции и сговоре с шахом, а также в создании угрозы жизни гражданам США. Они настаивали, что шах должен быть выдан аятолле Хомейни. Интересно, что еще несколько недель назад многие из

них были самыми стойкими сторонниками шаха. Некогда надменный царь царей вернулся в Египет, где и умер от рака.

Предсказания Дока сбылись. МЕЙН потеряла в Иране миллионы долларов, как, прочем, и наши конкуренты. Картер лишился шансов быть избранным на новый срок. Администрация Рейгана–Буша победным маршем вошла в Вашингтон, обещая освободить заложников, сместить власть духовенства, вернуть Ирану демократию и исправить ситуацию с Панамским каналом.

На мой взгляд, преподанные нам уроки были бесспорны. Иран, вне

всяких сомнений, продемонстрировал, что Соединенные Штаты — страна, пытавшаяся изо всех сил скрыть правду о нашей роли в мире. Невозможно было понять, почему мы были настолько дезинформированы относительно шаха и ничего не знали о волне ненависти, поднимавшейся против него. Ничего не знали даже сотрудники таких фирм, как МЕЙН, имевших офисы и персонал в Иране. Я был уверен, что АНБ и ЦРУ должны были видеть то, что видел Торрихос еще во времена нашей встречи в 1972 году, но наша разведка намеренно заставила нас закрыть на это глаза.

Глава 21. КОЛУМБИЯ: ЗАМКОВЫЙ КАМЕНЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКО АРКИ

Саудовская Аравия, Иран и Панама являлись привлекательными и крайне интересными объектами изучения; однако эти страны были исключением из правила. Таковым их делали запасы нефти в первых двух и Канал в третьей. Колумбия же в этом смысле была более типичной страной. МЕЙН, в качестве конструкторский и ведущей инженерной фирмы, работала там над гигантским

гидроэнергетическим проектом.

Как-то один колумбийский профессор, писавший книгу об истории панамериканских отношений, рассказал мне, что Тедди Рузвельт очень высоко оценивал значение Колумбии. Указав на карту, президент Соединенных Штатов, командовавший во время испано-американской войны добровольческим кавалерийским полком «Суровые всадники», якобы назвал Колумбию «замковым камнем в латиноамериканской арке». Я никогда не проверял подлинность этой истории; тем не менее, при взгляде на карту кажется, что Колумбия действительно скрепляет

сверху весь континент. Она соединяет страны юга с Панамским перешейком и, соответственно, с Центральной и Северной Америками.

Отзывался так о Колумбии Рузвельт или нет, он был одним из многих президентов, которые осознавали ее ключевое расположение. В течение почти двух веков Соединенные Штаты рассматривали Колумбию в качестве краеугольного камня, или, точнее, парадного входа в Южное полушарие как с точки зрения политики, так и бизнеса.

Помимо прочего, страна наделена исключительной

природной красотой: живописные пляжи на побережье Тихого и Атлантического океанов, окаймленные пальмами, величественные горы, пампасы, соперничающие с Великими равнинами североамериканского Среднего Запада, обширные ливневые леса с разнообразной фауной. И люди здесь особенные: в них слились внешность, культура и творчество, унаследованные от многочисленных культур предков — от местных тайронов до народностей Африки, Азии, Европы и Ближнего Востока. Колумбия сыграла важнейшую роль в латиноамериканской истории и

культуре. В колониальный период здесь находилась резиденция вице-короля всех испанских территорий к северу от Перу и к югу от Коста-Рики. Огромные флотилии галеонов, груженных золотом, выходили из прибрежного города Картахена, чтобы перевозить в порты Испании бесценные сокровища из даже таких лежащих далеко к югу мест, как Чили и Аргентина. В Колумбии происходили важнейшие события эпохи войн за независимость. Например, войска под предводительством Симона Боливара одержали победу над испанскими роялистами в важнейшей битве при Бойаке в 1819 году.

В наше время Колумбия известна, в частности, тем, что дала миру блестящих писателей, художников, философов. Страной управляли правительства, которые можно назвать относительно демократическими и ответственными в смысле финансовой дисциплины. Колумбия стала моделью для программ президента Кеннеди по государственному строительству во всей Латинской Америке. В отличие от Гватемалы правительство страны не было приведено к власти ЦРУ; в отличие от Никарагуа правительство было законно избранным и представляло собой альтернативу и

диктаторам правого крыла, и коммунистам. И наконец, в отличие от многих других стран, включая могущественные Бразилию и Аргентину, Колумбия не испытывала недоверия к Соединенным Штатам. Страна воспринималась как союзник Соединенных Штатов, несмотря на запятнавшие ее репутацию наркокартели [\[48\]](#).

Славная история Колумбии омрачена, однако, ненавистью и насилием. Резиденция вице-короля одновременно была еще и престолом святой инквизиции в испанских владениях. Великолепные порты, гасиенды и города были построены на костях индейских и африканских

рабов. Сокровища, перевозившиеся на галеонах, груженных золотом, святыни и произведения искусства, переплавленные для облегчения перевозки, были с кровью вырваны у исконных обитателей этих мест. Да и сами древнейшие цивилизации пали от меча конкистадоров или болезней. В более поздние времена сомнительные президентские выборы в 1945 году закончились глубоким размежеванием политических партий и привели к периоду, известному как «Ла Виоленции», то есть «Насилие» (1948–1957), когда погибли более двухсот тысяч человек.

Несмотря на конфликты, и

Вашингтон, и Уолл-стрит всегда воспринимали Колумбию как важнейший фактор в продвижении американских политических и коммерческих интересов по всему континенту. Это определялось, помимо важного географического положения Колумбии, несколькими факторами, в частности пониманием, что лидеры в этом полушарии исконно с особым вниманием и каким-то историческим почтением взирали в сторону Боготы. Немаловажным было и то, что страна поставляла многие товары, пользующиеся спросом в США: кофе, бананы, ткани, изумруды, цветы, масло и

кокаин, а также представляла собой рынок сбыта для нашей продукции и услуг.

Одними из наиболее важных услуг, которые мы продавали Колумбии в конце XX века, были инженерные и строительные. Колумбия походила на многие страны, где мне довелось работать. Было относительно легко доказать, что страна может значительно увеличить свой внешний долг, а затем выплатить его как за счет продажи природных ресурсов, так и за счет прибылей, получаемых от реализации проектов.

Так, значительные инвестиции в энергетические системы,

автомагистрали и телекоммуникации могли помочь Колумбии начать разработку обширных запасов нефти и газа, а также освоение амазонских территорий; эти проекты, в свою очередь, принесли бы доходы, необходимые для выплаты как самого долга, так и процентов по нему.

Это было в теории. Однако на самом деле наша задача, как и во всех остальных странах, заключалась в том, чтобы подчинить себе Боготу для расширения глобальной империи. Моя работа, как и раньше, состояла в том, чтобы доказывать обоснованность непомерно больших займов. К несчастью, у Колумбии не было Торрихоса; соответственно, по

моим представлениям, у меня не было другого выбора, как выдавать дутые экономические и электроэнергетические прогнозы.

Если не считать случавшихся порой обострений чувства вины за свою работу, Колумбия стала для меня личным убежищем. Еще в начале 1970-го мы с Энн провели здесь пару месяцев и даже внесли аванс за небольшую кофейную ферму, расположенную в горах вдоль Карибского побережья. Думаю, что если что и могло залечить раны, нанесенные друг другу в предшествующие годы, так это время, проведенное тогда вместе. Но раны оказались глубже, чем я полагал. По—

настоящему же узнать страну я смог только после того, как наш брак окончательно распался.

В 1970-х годах МЕЙН получила несколько контрактов на разработку различных инфраструктурных проектов, включая гидроэлектростанции и распределительные системы для передачи электричества из джунглей в города, расположенные в высокогорье. Мне выделили офис в городе Барранкилья на побережье, и именно там в 1977 году я встретил красивую колумбийскую женщину, которой суждено было изменить мою жизнь.

У Паулы были длинные светлые

волосы и замечательные зеленые глаза — не самая обычная внешность для колумбийки. Ее родители эмигрировали из Северной Италии. В соответствии с семейными традициями она стала дизайнером одежды. Правда, она продвинулась в этой профессии, построив небольшую фабрику, на которой шили одежду по ее моделям. Эта одежда потом продавалась в дорогих бутиках в Колумбии, Панаме и Венесуэле. Паула была доброй и внимательной женщиной. Она помогла мне отчасти прийти в себя после крушения моего брака. Благодаря ей я начал потихоньку менять свои устоявшиеся стереотипы

поведения в отношении
противоположного пола. Кроме того,
она во многом помогла мне осознать,
к каким последствиям ведут
принимаемые в ходе моей работы
решения.

Как я уже говорил, жизнь
состоит из последовательности
случайных совпадений, находящихся
вне нашего контроля. Если говорить
обо мне, они заключались в том, что
я вырос в учительской семье,
воспитывался в школе для мальчиков
в деревенском Нью-Гемпшире,
встретил Энн и ее дядю Фрэнка; в
том, что тогда шла Вьетнамская
война, и в том, что я познакомился с
Эйнаром Гривом. Однако перед

лицом этих случайностей нам приходится делать выбор. И вот то, как мы поступаем, какие действия предпринимаем в этой ситуации, и определяет нас как личность. Например, то, что я стал первым учеником, женился на Энн, работал в Корпусе мира, согласился стать ЭУ, — все эти решения и привели меня на то место в жизни, которое я занимал сейчас.

Паула была еще одним случайным совпадением, и ее влияние привело к тому, что я предпринял шаги, изменившие течение моей жизни. До того как я повстречал ее, я вполне мирился с системой и шел в ее русле. Я часто

задавал себе вопрос о том, что же я делаю, иногда ощущал чувство вины, но все—таки всегда находил возможность оправдать свое пребывание в системе. Возможно, Паула оказалась в нужном месте в нужное время. Возможно, я бы сделал решительный шаг и без нее; возможно, моя работа в Саудовской Аравии, Иране и Панаме подтолкнула бы меня к каким—то действиям. Но я уверен, что так же, как Клодин сыграла важнейшую роль в моем решении вступить в ряды наемных убийц, так и другая женщина, Паула, стала именно тем катализатором, который был мне тогда нужен. Она убедила меня

заглянуть в глубь себя, и я понял, что никогда уже не смогу стать счастливым, если буду продолжать исполнять все ту же роль.

Глава 22.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

— Буду откровенна, — как-то сказала Паула, когда мы сидели с ней в кафе. — Индейцы и фермеры, живущие вдоль реки, на которой вы строите дамбу, ненавидят вас. Даже жители городов, которые строительство не затронуло напрямую, и то симпатизируют партизанам, напавшим на лагерь строителей. Ваше правительство

называет их коммунистами, террористами и наркодельцами, хотя на самом деле это просто люди, живущие со своими семьями на тех землях, которые вы уничтожаете.

Я только что рассказал ей о Мануэле Торресе. Это был инженер, нанятый МЕЙН и недавно подвергшийся нападению партизан на строительной площадке — там, где строилась плотина гидроэлектростанции. Мануэль — гражданин Колумбии, которого наняли только потому, что инструкция Госдепартамента запрещала нам посылать граждан США работать на эту стройку. Мы называли эту инструкцию «правило

использования одноразовых колумбийцев». В ней проявилось то, что я постепенно стал ненавидеть. Из-за испытываемых мной чувств в отношении такой политики мне становилось все труднее уживаться с собой.

— Мануэль сказал, что они стреляли из «АК-47» в воздух и по ногам, — говорил я Пауле. — Рассказывал он об этом спокойно, но я знаю, что он был почти в истерике. Они никого не убили. Просто передали это письмо, заставили сесть в лодки и уехать.

— Боже мой, — воскликнула Паула. — Бедняга был в ужасе.

— Еще бы. — Я рассказал ей,

что спросил у Мануэля, к какой из двух печально известных партизанских группировок Колумбии они, по его мнению, принадлежали — РАИС или М-19?

— И что?

— Он говорит, ни к тем ни к другим. Но он сказал, что верит тому, что сказано в этом письме.

Паула взяла газету, которую я принес для нее, и зачитала письмо вслух.

— «Мы, те, кто работает каждый день только ради того, чтобы просто выжить, клянемся кровью своих предков, что никогда не позволим построить плотину на наших реках. Мы простые индейцы и

метисы, но мы скорее умрем, чем будем со стороны наблюдать, как затапливают наши земли. Мы предупреждаем наших братьев-колумбийцев: прекратите работать на строительные компании». — Она положила газету.

— И что же ты сказал ему?

Я колебался, но недолго.

— У меня не было выбора. Мне же надо придерживаться линии компании. Я спросил его, мог ли крестьянин написать такое письмо.

Она внимательно смотрела на меня.

— Он просто пожал плечами. — Наши глаза встретились. — Да, Паула, я сам себе противен за то, что

вынужден играть эту роль.

— А потом что ты сделал? — продолжала она.

— Я грохнул кулаком по столу. Я хотел запугать его. Я спросил его, могут ли быть у крестьян «АК-47». Потом спросил, знает ли он, кто изобрел «АК-47».

— Он знал?

— Да. Но я еле расслышал его ответ. «Русский», — сказал он. — Конечно, я заверил его, что он прав, что изобретатель «АК» — русский коммунист Калашников, офицер Красной армии, награжденный многими орденами и медалями. Пришлось объяснить ему, что записку написали коммунисты.

— А ты сам в это веришь? —
спросила она.

Ее вопрос остановил меня. Как же на него ответить, если честно? Я вспомнил Иран: Ямин назвал меня человеком, застрявшим между двумя мирами, человеком, стоящим в середине. Мне хотелось либо находиться в лагере, подвергшемся нападению, либо самому быть партизаном. Меня охватило странное чувство: чувство зависти к Ямину, Доку и колумбийским повстанцам. У этих людей были свои убеждения. У них был настоящий мир, а не ничья территория где-то посередине.

— Я делаю свою работу, —
сказал я наконец.

Она мягко улыбнулась.

— Я ненавижу ее, — продолжал я. Я думал о людях, чьи образы так часто посещали меня в последние годы: Том Пейн и другие герои Войны за независимость, пираты и первооткрыватели Дальнего Запада. Они стояли по краям, не в середине. Нашли, сделали свой выбор и несли ответственность за свои поступки. — С каждым днем я ненавижу свою работу все больше.

Она взяла мою руку в свою.

— Свою работу?

Наши глаза встретились. Я понял вопрос.

— Самого себя.

Она сжала мою руку и медленно

кивнула. Я сразу же почувствовал облегчение.

— Что ты будешь делать, Джон?

Мне нечего было ответить.

Облегчение перешло в желание оправдаться. Я выдвинул старое объяснение: что я пытался делать добро, что я хотел найти пути изменения системы изнутри, что — старая песня, — если я уйду, мое место займет кто-то другой, еще хуже, чем я. Но, судя по ее взгляду, она не верила этим оправданиям. Более того, я и сам в них не верил. Она заставила меня понять правду: виновата была не моя работа, а я сам.

— А как насчет тебя? —

спросил я наконец. — Что ты

думаешь? Она тихонько вздохнула, выпустила мою руку и спросила:

— Что, пытаешься перевести разговор?

Я кивнул.

— Хорошо, — согласилась она, — но с одним условием. Мы вернемся к этому разговору. — Взяв ложку, она стала внимательно ее разглядывать. — Я знаю, что некоторые партизаны прошли обучение в России и Китае. — Она опустила ложку в кофе с молоком, помешала, затем медленно облизала ложку. — А что им еще остается делать? Им приходится учиться, как обращаться с современным оружием и как воевать против солдат,

прошедших обучение на ваших базах. Иногда они торгуют кокаином, чтобы получить деньги на пополнение запасов. А как еще они могут покупать оружие? Они в неравном положении. Ваш Всемирный банк не помогает им защищать себя. Фактически, наоборот, он сам заталкивает их в эту ситуацию.

Она отпила кофе.

— Думаю, что справедливость на их стороне. Электричество пойдет во благо единицам, самым состоятельным колумбийцам; тысячи людей погибнут, потому что рыба и вода будут отравлены, после того как вы построите свою плотину.

Оттого что она говорила с таким

сочувствием о людях, которые противостоят нам — мне, у меня по телу побежали мурашки. Я почувствовал, как сжались мои руки.

— Откуда ты знаешь столько о партизанах? — Уже задавая этот вопрос, я почувствовал внезапную слабость и ощущение, что я не хочу знать на него ответ.

— С некоторыми из них я училась в школе, — ответила она. Поколебавшись, она отодвинула чашку. — Мой брат участвует в этом движении.

Вот оно. Я был уничтожен. Я—то считал, что знаю о ней все, но это... Я чувствовал себя как муж, обнаруживший свою жену в постели

с другим мужчиной.

— А почему ты никогда не рассказывала мне об этом?

— Думала, что это не имеет значения. Зачем? Этим не хвастаются. — Она помолчала. — Я не видела его уже два года. Ему приходится быть очень осторожным.

— Откуда ты знаешь, что он еще жив?

— Я не знаю. Но некоторое время назад его объявили в розыск. Это хороший знак.

Я делал все, чтобы не показалось, будто бы я осуждаю или защищаюсь. Я очень надеялся, что она не почувствует моей ревности.

— А как получилось, что он

примкнул к ним? — спросил я.

К счастью, она не отводила глаз от чашки.

— Он участвовал в демонстрации перед офисом какой-то нефтяной компании, «Оксидентал» по-моему. Он и его друзья протестовали против бурения на землях коренных жителей, в лесах, где жило племя, находившееся на грани вымирания. Их атаковали военные, избили, посадили в тюрьму. Заметь, они не делали ничего противозаконного, просто стояли у здания с плакатами и пели. — Она посмотрела в окно. — Его держали в тюрьме почти шесть месяцев. Он никогда не рассказывал нам, что там

произошло, но он вернулся другим человеком.

Этот разговор был первым из многих подобных, которые потом были у нас с Паулой. Теперь я знаю, что эти беседы подготовили почву для того, что произошло потом.

Моя душа разрывалась, и все-таки мною руководили мой бумажник и те слабости характера, которые десятилетием раньше, в 1968 году, нащупало АНБ. Заставив меня понять это и противостоять тем чувствам, которые скрывались за моей симпатией к пиратам и вообще непокорным, Паула помогла мне встать на путь моего спасения.

Время, проведенное в Колумбии,

помогло мне не только обдумать свои собственные проблемы, но и осознать различие между старой американской республикой и новой глобальной империей. Республика давала надежду миру. Ее основания были скорее моральными и философскими, нежели материалистическими. Она была построена на принципе равенства и справедливости для всех. Она была не просто утопической мечтой, но живым, дышащим, благородным организмом, протягивала руку помощи обездоленным. Она давала надежду и в то же время была силой, с которой нельзя было не считаться; при необходимости она была

способна на решительные действия, как это случилось во Второй мировой войне, чтобы защитить свои принципы. Те самые институты — крупные корпорации, банки, бюрократические системы, которые представляли угрозу для республики, могли быть использованы во благо — для проведения глубочайших изменений в мире. Эти институты имеют системы коммуникаций и транспорта, необходимые для того, чтобы покончить с голодом и болезнями, даже войнами — если, конечно, убедить их взять этот курс.

Глобальная империя, напротив, это возмездие республике. Она эгоцентрична, служит во благо самой

себе, алчна и материалистична; это система, основанная на меркантилизме. Как и ранее существовавшие империи, она готова протянуть руки только для того, чтобы присвоить ресурсы, схватить все, что на виду, и набить свою ненасытную утробу. Она использует любые средства, чтобы ее правители обрели еще большую власть и богатство.

Конечно, по мере осознания этого различия я стал лучше понимать и свою собственную роль. Клодин предупреждала меня; она честно рассказала, что мне придется делать, если я соглашусь работать в МЕЙН. И все-таки мне

потребовались годы работы в таких странах, как Индонезия, Панама, Иран и Колумбия, чтобы понять глубинный смысл происходящего. И конечно, для этого понадобились терпение, любовь и беседы с такой женщиной, как Паула.

Я был лоялен по отношению к американской республике. Но с помощью новой, изощренной формы империализма мы стремились сотворить финансовый эквивалент того, чего пытались достигнуть военными действиями во Вьетнаме. Юго–Восточная Азия дала нам понять, что армии не всесильны; экономисты ответили на это созданием более подходящего плана.

Агентства по международной помощи и обслуживающие их частные подрядчики (или, точнее, обслуживаемые ими) научились успешно воплощать этот план.

В разных странах на всех континентах я видел, как люди, работающие на американские корпорации, при этом официально не входя в систему ЭУ, творили нечто значительно более пагубное, чем то, что описывает теория заговора. Как и многие инженеры МЕЙН, эти сотрудники не осознавали последствий своих действий. Они были убеждены, что потогонные конвейеры, фабрики, производившие обувь или запчасти для

американских компаний, помогают бедным выбраться из нищеты, а не порабощают их, делая похожими на крепостных Средневековья или рабов на южных плантациях. Как и их исторических предшественников, современных рабов заставили поверить, что они более счастливы, чем те несчастные, кому случилось жить на задворках, в черных дырах Европы, в джунглях Африки или на диких землях на краю Америки.

Внутренние сомнения — оставаться ли на службе в МЕЙН или уволиться — переросли в настоящую битву. Совесть безусловно повелевала убраться из МЕЙН; однако другая часть меня, которую я

предпочитал называть «выпускником школы бизнеса», не была уверена в правильности такого решения. Моя собственная империя расширялась: я все увеличивал — число подчиненных, стран и акций в своем инвестиционном портфеле — и собственное эго. К соблазнам, которые предоставляли деньги и образ жизни, к адреналину власти добавлялось предупреждение Клодин: войдя в систему, из нее уже не выйти. Конечно, у Паулы эти слова вызвали презрительную усмешку:

— Почем ей знать?

Я ответил, что Клодин оказалась права в отношении очень многих вещей.

— Это было давно. Жизнь меняется. Да и в любом случае, какая разница? Ты живешь в разладе с собой. Что может Клодин или кто бы то ни было сделать хуже этого?

Паула часто возвращалась к этому аргументу, и в конце концов я согласился. Я признался — и ей, и себе, — что все деньги, приключения и привлекательность моей нынешней жизни уже не могут оправдать стресс, чувство вины и несогласие внутри меня. Будучи партнером МЕЙН, я становился все богаче; я понимал: стоит мне чуть дольше задержаться там — я останусь в этой западне навсегда.

Однажды, когда мы

прогуливались по берегу около старого испанского форта в Картахене, месте, помнившем бесчисленные набеги пиратов, Паула нашла аргумент, который никогда раньше не приходил мне в голову.

— Что, если ты никогда не будешь рассказывать о том, что ты знаешь? — спросила она.

— Ты имеешь в виду... просто молчать?

— Совершенно верно. Не давай им поводов преследовать тебя. Наоборот, пусть у них будут все основания просто оставить тебя в покое, не мутить воду.

Это было очень разумно. Я удивился, что сам не додумался до

этого раньше. Я не стану писать книги или каким-либо другим способом раскрывать ту правду, которую мне довелось увидеть. Я не буду крестоносцем. Я стану просто человеком: буду радоваться жизни, путешествовать в свое удовольствие; может быть, обзаведусь семьей, женюсь на женщине такой, как Паула. С меня довольно; я просто хочу уйти.

— Все, чему учила тебя Клодин, — обман, — добавила Паула. — Твоя жизнь — это ложь. — Она снисходительно улыбнулась. — Ты давно читал свое резюме?

Я признался, что давно.

— Почитай, — посоветовала

она. — На днях я прочитала вариант на испанском. Если он совпадает с английским, мне кажется, тебе будет очень интересно.

Глава 23. РЕЗЮМЕ, ВВОДЯЩЕЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Когда я еще был в Колумбии, пришло известие, что Джейк Добер ушел в отставку с поста президента МЕЙН. Как и ожидалось, председатель и главный исполнительный директор Мак Холл назначил на его место Бруно. Телефонные линии между Бостоном и Барранкильей раскалились от звонков. Все предсказывали, что я тоже скоро получу повышение: в конце концов, я был одним из наиболее доверенных протеже Бруно.

Эти перемены и слухи стали для меня дополнительным поводом изменить свое положение. Еще будучи в Колумбии, я последовал совету Паулы и прочитал испанский вариант своего резюме. Оно шокировало меня. Вернувшись в Бостон, я достал английский вариант, а также номер корпоративного журнала «Мейнлайнс» за ноябрь 1978 года. В этом издании я фигурировал в статье, озаглавленной «Специалисты предлагают клиентам МЕЙН новые услуги».

Когда-то я очень гордился и своим резюме, и этой статьей. Однако теперь, после того, как я

прочитал их глазами Паулы, меня охватили одновременно злость и депрессия. Материалы, изложенные в этих документах, представляли собой намеренные искажения, если не ложь. Эти документы имели глубинный смысл, в них содержалась реальность, отражавшая наше время и самую суть движения к глобальной империи: краткое изложение стратегии отображения лишь внешней стороны с целью скрыть стоявшую за ней действительность. Станным образом они символизировали мою жизнь: нарядная обложка, прикрывавшая дешевый пластик.

Разумеется, мне не очень

приятно было осознавать, что я сам нес изрядную долю ответственности за материалы, включенные в мое резюме. Согласно должностным инструкциям, я должен был периодически обновлять как свое резюме, так и файл, содержащий служебную информацию о клиентах, с которыми я работал, и видах работ, произведенных для этих клиентов. Если менеджер по маркетингу или проектный менеджер хотел включить информацию обо мне в коммерческое предложение или каким-либо другим образом использовать мой послужной список, он перекраивал эту информацию применительно к своим задачам.

Например, ему необходимо было особо подчеркнуть мой опыт работы на Ближнем Востоке или тот факт, что я делал презентации для Всемирного банка и других международных организаций. Прежде чем поместить где-либо мое резюме в новой редакции, этот менеджер должен был получить мое согласие. Однако поскольку я, как и многие другие сотрудники МЕЙН, подолгу находился в командировках, это правило зачастую нарушалось. Так, я раньше никогда не видел то резюме, которое Паула предложила мне прочитать, как и его английскую версию, хотя информация, на которой оно было основано,

безусловно, содержалась в моем файле.

На первый взгляд резюме казалось вполне невинным.

В разделе «Опыт работы» указывалось, что я руководил крупнейшими проектами в Соединенных Штатах, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке; раздел включал список типовых проектов: планирование развития, экономическое прогнозирование, оценка потребности в электроэнергии и прочее. Раздел заканчивался описанием моей работы в Эквадоре. Однако Корпус мира напрямую в нем ни разу не упоминался; таким

образом создавалось впечатление, что я был менеджером в компании по производству строительных материалов, а вовсе не добровольцем, помогавшим маленькому кооперативу, состоявшему из неграмотных андских крестьян, делавших кирпичи.

За этим следовал длинный список клиентов. Он включал Международный банк реконструкции и развития (официальное название Всемирного банка), Азиатский банк развития, правительство Кувейта, министерство энергетики Ирана, Арабо-американскую нефтяную компанию Саудовской Аравии

(АРАМКО), панамский Институт гидроэнергоресурсов и электрификации (Instituto de Recursos Hidraulicos y Electrification), и индонезийскую «Перусахан Умум Листрик Негара» (Perusahaan Umum Listrik Negara) и многое другое. Но мое внимание привлек последний пункт: министерство финансов США, Королевство Саудовская Аравия. Я был поражен, что этот список вообще опубликовали, хотя совершенно очевидно, что он основывался на материалах из моего файла.

Джон М. Перкинс

ОПЫТ РАБОТЫ

Джон М. Перкинс является

менеджером экономического отдела
Управления систем энергетики и
окружающей среды.

За время работы в МЕЙН, г-н
Перкинс руководил крупнейшими
проектами в Соединенных Штатах,
Азии, Латинской Америке и на
Ближнем Востоке. Эта работа
включала планирование развития,
экономическое прогнозирование,
оценку потребности в
электроэнергии, маркетинговые
исследования, территориальное
размещение производств, анализ
распределения топливных ресурсов,
технико-экономические
обоснования, исследования влияния
на окружающую среду и экономику,

инвестиционное планирование и консультации в области менеджмента. Кроме того, многие проекты включали обучение клиентов пользованию технологиями, разработанными г-ном Перкинсом и его сотрудниками.

В последнее время г-н Перкинс руководил проектом по созданию пакетов программного обеспечения для:

1) оценки потребности в электроэнергии и определения количественной зависимости экономического развития и производства электроэнергии,

2) оценки социальноэкономических последствий проектов и их

воздействия на окружающую среду и
3) применения метода Маркова
и эконометрических моделей для
общенационального и регионального
планирования.

До работы в МЕЙН г-н Перкинс
работал три года в Эквадоре, где
проводил маркетинговые
исследования, а также организовал и
управлял компанией по производству
строительных материалов. Кроме
того, Он проводил исследования
возможности организации
кредитных и сберегательных
кооперативов в Эквадоре.

ОБРАЗОВАНИЕ

Бакалавр делового
администрирования, Бостонский

университет

Дополнительное образование:
Моделирование; Инженерная
экономика, Эконометрика, Методы
вероятностного анализа

Языки: Английский, испанский

ЧЛЕНСТВО

В

*ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЯХ*

Американская экономическая
ассоциация Общество
международного развития

ПУБЛИКАЦИИ

«Применение процесса Маркова
в прогнозировании потребности в
электроэнергии»

«Макроэкономический подход к
прогнозированию в энергетике»

«Модель для описания прямых и косвенных взаимозависимостей между экономикой и окружающей средой»

«Электроэнергия из взаимосвязанных систем»

«Применение метода Маркова в планировании»

ПОЛНОМОЧИЯ

Исследования прогнозирования
Маркетинговые исследования

Технико—экономическое обоснование Решения в области территориального размещения

Исследования воздействия на экономику Планирование

инвестиций Исследования запасов топлива Планирование

экономического развития
Программы обучения Управление
проектами Планирование
ассигнований Консультирование по
вопросам управления

КЛИЕНТЫ

— Арабо–американская
нефтяная компания, Саудовская
Аравия

— Азиатский банк развития

— Корпорация «Бойс Каскейд»

— Корпорация «Сити сервис»

— «Дейтон пауэр энд лайт
компани»

— «Дженерал электрик
компани»

— Правительство Кувейта

— Института де рекурсос

гидрауликос и эклектрификасион,
Панама

— Межамериканский банк
развития

— Международный банк
реконструкции и развития

— Министерство энергетики,
Иран

— «Нью-Йорк таймс»

— Управление энергетики штата
Нью-Йорк

— Перусахаан Умум Листрик
Негара, Индонезия

— «Электрик энд гэз компани»,
Южная Каролина

— Техническая ассоциация
целлюлозно-бумажной
промышленности

— «Юнион кемп корпорейшн»

— Министерство финансов

США, Королевство Саудовская

Аравия

Отложив резюме, я обратился к статье в «Мейнлайнс». Я отчетливо помнил свое интервью автору этой статьи, талантливой молодой женщине, полной самых лучших намерений. Она прислала его мне на предварительное согласование. Я помню, что нарисованный ею не без лести портрет доставил мне удовольствие, и я сразу же дал согласие на публикацию. И опять ответственность ложилась на мои плечи.

Статья начиналась так:

«Глядя на лица людей, сидящих за письменными столами, нетрудно догадаться, что экономика и региональное планирование — одно из недавно возникших и динамично развивающихся направлений в МЕЙН...»

Специалисты предлагают клиентам МЕЙН новые услуги

Глядя на лица людей, сидящих за письменными столами, нетрудно догадаться, что экономика и региональное планирование — одно из недавно возникших и динамично развивающихся направлений в МЕЙН
Сегодня в группе работают около двадцати специалистов — коллектив, который формировался в

течение семи лет. Сюда входят не только экономисты, но и планировщики городского развития, демографы, маркетологи и первый в МЕЙН социолог.

Хотя группа создавалась решением нескольких руководителей, она существует прежде всего благодаря усилиям одного человека, Джона Перкинса, который сейчас ее и возглавляет. Начав работу в январе 1971 года в качестве помощника главного прогнозиста нагрузок, Джон в то время был одним из немногих экономистов в МЕЙН. В составе группы из одиннадцати специалистов он был послан в Индонезию для изучения

потребностей в электроэнергии. «Они хотели посмотреть, смогу ли я выжить там в течение трех месяцев», — со смехом говорит Джон, вспоминая то время. Но, учитывая его прошлое, у него не было проблем с «выживанием». Незадолго до этого он вернулся из Эквадора, где в течение трех лет работал в кооперативе по производству строительных материалов, помогая индейцам кечуа, прямым потомкам инков. Джон рассказал, что индейцев, делавших кирпичи, эксплуатировали, и поэтому одно из государственных ведомств Эквадора обратилось с просьбой организовать кооператив.

Он арендовал грузовик, чтобы они могли доставлять кирпичи заказчикам напрямую. В результате прибыль очень скоро выросла на 60%. Она распределялась между членами кооператива. После двух с половиной лет работы кооператив насчитывал 200 семей

Именно тогда Джон познакомился с Эйнарсом Гривом (бывшим сотрудником), который работал в городке Пауте в Эквадоре на гидроэнергетическом проекте МЕЙН. Они подружились, и после продолжительной переписки Джону предложили должность в МЕЙН.

Спустя год Джон стал главным прогнозистом нагрузок, а поскольку

спрос со стороны клиентов и таких организаций, как Всемирный банк, возростал, он понял, что МЕЙН нужно больше сотрудников—экономистов. «Хотя МЕЙН — это инженерная фирма, — сказал он, — клиенты говорили нам, что они ждут от нас большего». Чтобы соответствовать запросам клиентов, в 1973 году он нанял нескольких экономистов, и в результате сформировал целое направление, что и позволило ему стать главным экономистом. Последний проект Джона связан с развитием сельского хозяйства Панамы, откуда он недавно вернулся после месячной командировки.

Именно в Панама МЕЙН усилиями Марты Хайес, первого социолога компании, провела свои первые социологические исследования. В течение полутора месяцев, проведенных в Панама, Марта изучала влияние проекта на людей и социокультурные условия их существования. Для этого исследования были также приглашены специалисты по сельскому хозяйству и смежным областям.

Группа экономики и регионального планирования развивается очень быстро. Джон считает, что ему повезло в том, что все приглашенные им

специалисты отличаются высоким профессионализмом и трудолюбием. Восхищает то, как Джон интересуется делами своих сотрудников и поддерживает их, — этого было невозможно не заметить в ходе нашей беседы.

Полин Куэллетг,

Ноябрь, 1978

В статье коротко упоминалось о моей предыдущей работе, описывалось, как я «провел три года в Эквадоре», а затем шло следующее:

«Именно тогда Джон познакомился с Эйнарсом Гривом (бывшим сотрудником), который работал в городке Пауте в Эквадоре на гидроэнергетическом проекте

МЕЙН. Они подружились, и после продолжительной переписки Джону предложили должность в МЕЙН.

Спустя год Джон стал главным прогнозистом нагрузок, а поскольку спрос со стороны клиентов и таких организаций, как Всемирный банк, возрастал, он понял, что МЕЙН нужно больше сотрудников—экономистов».

Ни одно из положений в обоих документах не было откровенно лживым — факты, лежавшие в их основе, содержались в моем файле. Однако они создавали образ, который сейчас мне кажется искаженным и подчищенным. А учитывая, что наше общество

поклоняется официальным документам, они делали нечто еще более страшное. Откровенную ложь можно оспорить. Эти же документы не могли быть оспорены, во—первых, потому что они основывались на крупницах правды, а не на явном обмане, а во—вторых, потому что были созданы в корпорации, которой верили другие корпорации, международные банки и правительства. Особенно это касалось резюме, поскольку это был официальный документ, в отличие от статьи, представлявшей собой авторское переложение интервью в журнале. Логотип МЕЙН на резюме и на обложках всех коммерческих

предложений и отчетов, в которые могло быть включено это резюме, имел огромный вес в международном бизнесе; это была печать подлинности, которая внушала такое же доверие, как печати на дипломах и сертификатах, развешанных на стенах в кабинетах докторов и юристов.

Эти документы представляли меня как весьма компетентного экономиста, главу отдела престижной консалтинговой фирмы, разъезжающего по миру и ведущего широкий круг исследований, в результате которых этот мир станет более цивилизованным и процветающим. Обман заключался

не в том, что было сказано, а в том, чего не было сказано. Если посмотреть со стороны — то есть объективно, — приходилось признать, что эти умолчания вызывали много вопросов.

Например, нигде не упоминалось о том, что меня отобрали для работы в АНБ; о связях Эйнара Грива с армией; о его роли в качестве контакта АНБ. Естественно, не обсуждался тот факт, что на меня оказывали сильнейшее давление, чтобы получить дутые экономические прогнозы; не говорилось о том, что значительная часть моей работы была связана с обоснованием целесообразности

огромных кредитов, которые такие страны, как Индонезия и Панама, не были в состоянии вернуть. Не было сказано ни одного доброго слова о честности и самодостаточности моего предшественника, Говарда Паркера. Ничто не свидетельствовало о том, что я стал главным прогнозистом нагрузок, потому что был готов предоставить заказные отчеты, которых ждали от меня мои боссы, а не сказать, как Говард, что я думаю на самом деле, и быть уволенным в результате.

Самой загадочной была последняя строка в списке моих клиентов: министерство финансов США, Королевство Саудовская

Аравия. Я постоянно возвращался к этой строке, пытаюсь понять, как ее могут воспринять читающие. Они вполне могли спросить: а какая существует связь между министерством финансов США и Саудовской Аравией? Может, кто-то посчитает это типографским браком: две строки ошибочно слиты в одну? Однако большинство читателей никогда не узнает правды: это было сделано с конкретной целью. Это было сделано для того, чтобы находящиеся во внутреннем круге того мира, в котором я действовал, поняли, что я входил в команду, которая провернула сделку века, сделку, изменившую ход мировой

истории, не попав при этом в газеты. Я участвовал в заключении договора, который гарантировал непрерывные поставки нефти в Америку, обеспечивал незыблемость правления дома Сауда, содействовал финансированию Усамы бен-Ладена и осуществлял защиту таких международных преступников, как правитель Уганды Иди Амин.

Эта строка моего резюме была адресована посвященным. Она означала: главный экономист МЕЙН — это человек, который знает, как успешно добиться результата.

Последний абзац статьи в «Мейнлайнс», представлявший собой личные наблюдения автора, просто

бил по нервам. «Группа экономики и регионального планирования развивается очень быстро. Джон считает, что ему повезло в том, что все приглашенные им специалисты отличаются высоким профессионализмом и трудолюбием. Восхищает то, как Джон интересуется делами своих сотрудников и поддерживает их — этого было невозможно не заметить в ходе нашей беседы».

На самом деле я никогда не считал себя настоящим экономистом. Я имел степень бакалавра делового администрирования Бостонского университета, специализация — маркетинг. Мне всегда с трудом

давались математика и статистика. В Миддлбери я изучал американскую литературу; мне нравилось писать. Мое звание главного экономиста и должность менеджера отдела экономики и регионального планирования были получены отнюдь не благодаря моим талантам в экономике и планировании; скорее они явились результатом моей готовности выдавать те отчеты и заключения, которые хотело видеть мое руководство, в сочетании с данной природой способностью убеждать других посредством написанного слова. Кроме того, у меня хватило ума, чтобы взять на работу высококвалифицированных

специалистов, многие из которых имели степень магистра, а некоторые — доктора, PhD. Поэтому мои сотрудники знали значительно больше о тонкостях моей работы, чем я сам. Неудивительно, что автор статьи заключила: «Джон интересуется делами своих сотрудников и поддерживает их — этого было невозможно не заметить в ходе нашей беседы».

Я хранил эти два документа и еще несколько аналогичных в верхнем ящике стола и часто обращался к ним. Иногда я бродил между столами своих сотрудников, испытывая чувство вины за то, что сделал с ними, за ту роль, которую

мы вместе играли, в расширении пропасти между бедностью и богатством. Я думал о людях, которые каждый день недоедали, в то время как мои сотрудники и я останавливались в пятизвездочных отелях, питались в лучших ресторанах и наращивали свои портфели ценных бумаг. Я думал о том, что люди, обученные мною, теперь вступили в ряды ЭУ. Я привел их туда. Я отобрал и обучил их. Но теперь все было не так, как в то время, когда я стал ЭУ. Мир изменился; корпоратократия совершенствовалась. Мы стали лучше, то есть еще более разрушительными. Люди,

работавшие на меня, принадлежали к другой породе. В их жизни не было полиграфов АНБ или Клодин. Никто не объяснял им, что они должны сделать для того, чтобы глобальная империя простиралась все шире. Они никогда не слышали выражения «экономический убийца», или ЭУ; никто никогда не говорил им, что они «в игре» на всю жизнь. Просто они обучались на моем примере, а также на моей системе наград и наказаний. Они знали, что от них ожидали исследований и результатов, которые хотел увидеть я. Их зарплаты, рождественские премии, сама их работа зависела от того, насколько они мне угодили.

Конечно, я делал все, что мог, чтобы облегчить их ношу. Я составлял документы, читал лекции и пользовался любой возможностью, чтобы убедить их в важности оптимистичных прогнозов, огромных займов, капитальных вложений, которые подтолкнут рост ВВП и сделают мир лучше. Потребовалось менее десяти лет, чтобы достичь этой точки — точки, в которой искушение и принуждение приняли значительно более изощренные формы, что-то вроде промывания мозгов, но без ершика. Теперь эти люди, сидевшие за столами рядом с моим кабинетом, с окнами на Бостонский залив, должны были

выйти в мир, чтобы продвигать глобальную империю. Я сам сотворил их, как Эйнар и Клодин сотворили меня. Но, в отличие от меня, они были слепы. Много бессонных ночей провел я в мучительных размышлениях об этих вещах. Упомянутое Паулой резюме открыло ящик Пандоры. Я часто завидовал наивности своих коллег. Я намеренно обманывал их, и этим обманом я защищал их от нападок совести. Им не надо было бороться с моральными соображениями, которые преследовали меня.

Я также много размышлял о сохранении собственного «я» в бизнесе, о «внешней обертке» в

противопоставлении к сущностному содержанию. Конечно, говорил я себе, люди обманывали друг друга со дня Сотворения мира. Существует много легенд и рассказов об извращенной правде, о мошеннических сделках: жулики—купцы, торговавшие коврами; алчные ростовщики; портные, убеждавшие короля, что только он один не видит своих нарядов.

Однако как бы мне ни хотелось убедить себя, что ничто не изменилось в этом мире, что внешняя сторона моего резюме и стоявшая за ней действительность являются просто отражением природы человека, — в душе я знал,

что это не так. Мир изменился. Теперь я понимал, что мы достигли нового уровня обмана — обмана, который приведет нас к самоуничтожению, не только моральному, но и физическому, как культуры, если мы немедленно не изменим ситуацию.

Пример организованной преступности дает нам подходящую аналогию. Главари мафии часто начинали как уличные головорезы. Но со временем пробившиеся к вершинам внешне меняются. Они носят безупречные костюмы и владеют законным бизнесом — рядятся в мантию высшего света. Они оказывают поддержку местным

благотворительным организациям; они уважаемы в своих сообществах. Они не задумываясь одалживают деньги попавшим в нужду. Как тот самый Джон Перкинс в резюме, эти люди кажутся образцовыми гражданами. Однако за этой позолотой проступает кровь. Если должник не в состоянии вернуть долг, в дело вступают вышибалы, требующие взамен пресловутый фунт живой плоти. Если они ее не получают, подключаются шакалы с бейсбольными битами. И наконец, как последний аргумент, на свет извлекается оружие.

Я понимал, что глянцевая внешность главного экономиста,

начальника отдела экономического и регионального планирования не имела ничего общего с мошенником—торговцем; это не то, чего должен остерегаться покупатель. Это часть страшной системы, нацеленной не на объегоривание ничего не подозревающего покупателя, а на продвижение наиболее изощренной и эффективной формы империализма из всех известных миру. У каждого из моих сотрудников было звание — финансовый аналитик, социолог, экономист, ведущий экономист, эконометрист, эксперт по теневым расценкам и так далее. И ни одно из этих званий не выдавало то, что каждый из них был

своего рода ЭУ, что каждый из них служил интересам глобальной империи. Эти звания ничего не говорили о том, что мы были только верхушкой айсберга. Любая крупная международная компания — от продавцов обуви и спортивных товаров до производителей тяжелого оборудования — имела свои собственные эквиваленты ЭУ. Начавшийся марш уверенной поступью шагает по планете. Уличные громилы скинули свои кожаные куртки и облачились в костюмы, обретя респектабельный вид. Мужчины и женщины выходят из штаб-квартир своих корпораций в Нью-Йорке, Чикаго, Сан—

Франциско, Лондоне и Токио, устремляясь на все континенты, чтобы убедить коррумпированных политиков разрешить заковать их страны в кандалы корпоратократии и заставить отчаявшихся людей продать свои тела для потогонных конвейеров и сборочных линий.

Тревожно было осознавать, что недосказанные детали, скрывавшиеся за формулировками моего резюме и журнальной статьи, рисовали мир химер и отображений, предназначенных для того, чтобы приковать нас к отвратительной и в конечном итоге саморазрушительной системе. Заставив меня читать между строк, Паула подтолкнула меня к

следующему шагу на пути, ведущем к изменению всей моей жизни.

Глава 24. ПРЕЗИДЕНТ ЭКВАДОРА ПРОТИВ БОЛЬШОЙ НЕФТИ

Работа в Колумбии и Панаме давала мне возможность не прерывать контактов и периодически навещать страну, которая стала моим первым домом вдали от дома. Эквадор страдал от сменявшихся диктаторов и олигархов правого крыла, которыми манипулировали США в своих политических и финансовых интересах. В каком-то смысле Эквадор был образцовой банановой республикой, и корпоратократия уже совершила туда

свои опустошительные набеги.

Серьезная разработка нефтяных месторождений в бассейне Амазонки на территории Эквадора началась в конце 1960-х. Ее результатом стал покупательский бум, в котором горстка семей, управлявших Эквадором, сыграла на руку международным банкам. Они обременили свою страну огромным долгом в обмен на обещанные нефтяные доходы. Магистрали и технопарки, плотины гидроэлектростанций, системы передачи и распределения электроэнергии — все это строилось по всей стране. Международные инженерные и строительные

компании в очередной раз сорвали куш.

Один человек, чья звезда еще всходила над этой андской страной, был исключением из правила: он не запятнал себя политической коррупцией и сотрудничеством с корпоратократией. Хайме Ролдос был профессором и адвокатом. У нас было несколько случайных встреч. Чуть меньше сорока, обаятельный и харизматический. Как-то я сказал ему, что готов в любое время по его просьбе прилететь в Кито для проведения бесплатных консультаций. Это было не просто жестом с моей стороны: я с радостью бы сделал это в свое

свободное время. Он мне нравился, и, как я не замедлил ему сообщить, я был рад использовать любую возможность, чтобы еще раз посетить его страну. Посмеявшись, он сделал ответный жест: он сказал, что, если мне понадобится обсудить расценки на нефть, я могу рассчитывать на его помощь. Он приобрел репутацию популиста и национально ориентированного лидера, твердо верившего в права бедных. Он считал, что политики несут ответственность за то, чтобы природные ресурсы страны использовались во благо нации. Начав свою президентскую кампанию в 1978 году, он сразу же

привлек внимание
соотечественников и людей в тех
странах, где работали иностранные
нефтяные компании или где люди
жаждали независимости от
могущественных внешних сил.
Ролдос был одним из редких сейчас
политиков, кто не боялся выступать
за изменение существующего
порядка вещей. Он бросил вызов
нефтяным компаниям и всей
системе, обеспечивающей их
поддержку. Например, он обвинил
Летний институт лингвистики
(ЛИЛ), евангелическую
миссионерскую группу из США, в
сговоре с нефтяными компаниями. Я
знал о ЛИЛ еще со времени сво-ей

работы в Корпусе мира. Эта организация проникла в Эквадор, как и во многие другие страны, якобы для изучения и записи языков местного населения.

ЛИЛ много работал среди народа гуарани, жившего в бассейне Амазонки в те годы, когда там только начиналась промышленная добыча нефти. Именно в этот период обозначилась закономерность, вызывавшая беспокойство. Как только геологоразведка докладывала в головной офис фирмы, что на какой-то территории высока вероятность залегания нефти, там немедленно появлялся ЛИЛ, уговаривая местное население

перебраться с их земель в резервации миссии. Там они получают бесплатную еду, крышу над головой, одежду, медицинское обслуживание и образование в школе миссии. Условием проживания в резервации была передача земель нефтяным компаниям.

Ходили упорные слухи, что миссионеры ЛИЛ использовали недостойные методы, чтобы убедить местные племена уйти с их земель в резервации миссии. Часто рассказывали о том, что они раздавали продукты, напичканные слабительным, а затем предлагали лекарства для лечения эпидемии диареи. На территорию гуарани ЛИЛ

с воздуха сбрасывал контейнеры с продовольствием, в которые были вмонтированы крошечные передатчики. Радиоприемные устройства, настроенные на эти передатчики, обслуживались американскими военными на американской же военной базе в Шелле. Если кого-то из племени укусила змея или кто-то серьезно заболел, там сразу же появлялся представитель ЛИЛ с противоядием или необходимым лекарством — зачастую на вертолете, принадлежавшем нефтяной компании.

Еще когда геологоразведочные работы только начинались, были

найжены тела пяти миссионеров ЛИЛ, проткнутые копьями гуарани. Потом гуарани объяснили, что это было предупреждением ЛИЛ, чтобы тот держался подальше. Однако предупреждение не было услышано. Более того, оно имело обратный эффект. Рейчел Сейнт, сестра одного из убитых миссионеров, поехала в Соединенные Штаты, где выступила по национальному телевидению с призывом собрать деньги для поддержки ЛИЛ и нефтяных компаний, которые, как она выразилась, помогали этим «дикарям» вступить на путь цивилизации и просвещения.

ЛИЛ получил дотации от

благотворительных организаций Рокфеллера. Хайме Ролдос заявил, что связь с Рокфеллером лишний раз доказывает, что ЛИЛ на самом деле был ширмой для кражи индейских земель и продвижения интересов нефтяных компаний: наследник семьи Джон Д. Рокфеллер основал «Стандарт ойл», из которой впоследствии выросли крупнейшие фирмы «Шеврон», «Эксон» и «Мобил» [\[49\]](#).

Мне пришло в голову, что Ролдос шел дорогой, проложенной Торрихосом. Оба встали на пути самой неодолимой силы в мире. Торрихос хотел вернуть Канал; позиция Ролдоса в отношении нефти

ставила под угрозу интересы наиболее влиятельных компаний мира. Как и Торрихос, Ролдос не был коммунистом, но выступал за право своей страны самой распоряжаться собственной судьбой. И как это было с Торрихосом, эксперты предсказывали, что большой бизнес и Вашингтон не потерпят Ролдоса в кресле президента; если он будет избран, его постигнет участь Арбенса в Гватемале или Альенде в Чили.

Мне казалось, что эти два человека могли положить начало новому направлению в латиноамериканской политике. Такое направление могло бы стать

основанием для перемен, которые коснулись бы каждой страны на планете. Эти люди не были Кастро или Каддафи. Они не ассоциировались с Россией, Китаем или, как в случае с Альенде, с международным социалистическим движением. Это были популярные, умные, харизматичные лидеры, прагматичные, а не догматичные. Они выступали за защиту интересов своей страны, но не против Америки. Если корпоратократия покоится на трех столпах — сверхкрупных корпорациях, международных банках и вступивших с ними в сговор правительствах, то Ролдос и Торрихос олицетворяли собой

возможность того, что столп вступившего в сговор правительства может быть выбит.

Значительной частью платформы Ролдоса была так называемая политика в области углеводородов. Она основывалась на предпосылке, что крупнейшим ресурсом Эквадора является нефть, и она должна быть использована таким образом, чтобы в выигрыше оказалось большинство населения. Ролдос был убежден, что государство обязано помогать бедным и обездоленным. Он выражал надежду, что политика в области углеводородов могла бы стать инструментом для начала

социальной реформы. Однако ему приходилось быть осторожным: он знал, что в Эквадоре, как и во многих других странах, он не мог быть избранным без поддержки хотя бы части влиятельных семей страны, и, даже если он победит без такой поддержки, он никогда не сможет осуществить свои программы без их участия. Меня успокаивало то, что в это поистине судьбоносное время президентом США был Картер. Несмотря на давление со стороны «Тексако» и других нефтяных компаний, Вашингтон активно не вмешивался в происходящее. Я знал, что это было бы невозможно при любой другой администрации —

будь то республиканцы или демократы.

Думаю, что именно политика в области углеводородов убедила эквадорцев впустить Хайме Ролдоса в президентский дворец в Кито. Это был их первый демократически избранный президент после череды диктаторов. Он обозначил принципы своей политики в инаугурационной речи 10 августа 1979 года: «Мы должны предпринять все меры, чтобы защитить энергетические ресурсы страны. Государство [должно] содействовать расширению экспорта и не терять своей экономической независимости... Наши решения будут определяться

исключительно национальными интересами и неограниченной защитой наших суверенных прав» [\[50\]](#).

Став президентом, Ролдос был вынужден сосредоточить свое внимание на «Тексако», поскольку к тому времени эта компания стала основным участником игры за эквадорскую нефть. Это были очень сложные взаимоотношения. Нефтяной гигант не доверял новому президенту и ни в коем случае не желал быть составной частью политики, устанавливавшей новые прецеденты. Они прекрасно понимали, что такая политика может послужить примером для других стран.

Речь, произнесенная главным советником Ролдоса, Хосе Карвахалем, суммировала основные подходы новой политики администрации следующим образом:

«Если партнер [«Тексако»] не желает принимать на себя риски, инвестировать в геологоразведочные работы или разрабатывать участки нефтяной концессии, другой партнер имеет право сделать такие инвестиции и затем перенять права владельца...

Мы считаем, что наши отношения с иностранными компаниями должны быть справедливыми; нам надо быть твердыми в этой борьбе; мы должны

быть готовы ко всякого рода давлению, но мы не должны обнаруживать страх или комплекс неполноценности в переговорах с этими иностранцами» [\[51\]](#).

В 1980 г., накануне новогодних праздников я принял решение. Начиналось новое десятилетие. Через двадцать восемь дней мне должно было исполниться тридцать пять лет. Я решил, что в наступающем году я коренным образом изменю свою жизнь и что буду теперь строить свою жизнь по образу героев современности, таких, как Хайме Ролдос и Омар Торрихос.

А потом случилось нечто невероятное. С точки зрения

прибыльности фирмы Бруно был самым успешным президентом за всю историю МЕЙН. Несмотря на это, Мак Холл уволил его — внезапно и без уведомления.

Глава 25. Я УВОЛЬНЯЮСЬ

Увольнение Бруно произвело в МЕЙН эффект разорвавшейся бомбы. Компания гудела от споров и слухов. Само собой разумеется, у Бруно были свои враги, но даже они пришли в смятение. Для многих сотрудников было ясно, что основной причиной увольнения была зависть. В беседах за обеденным столом или за кофе они признавались, что, по их мнению, Холл почувствовал угрозу, исходящую от этого человека,

который был на двадцать с лишним лет моложе его и вывел прибыли фирмы на новую высоту.

— Холл не мог позволить, чтобы Бруно выглядел таким молодцом, — сказал кто-то. — Он не мог не знать, что Бруно займет его место и что старика отпустят на подножный корм — это был всего лишь вопрос времени.

Как будто в доказательство этой версии Холл назначил новым президентом Пола Придди. Пол много лет занимал должность вице-президента. Это был дружелюбный человек, знающий инженер. Правда, на мой взгляд, это был вялый соглашатель, не знающий слова

«нет». Он всегда прогнется перед боссом и уж не станет грозить ему взлетевшими прибылями.

Для меня увольнение Бруно было сокрушительным ударом. Он был моим наставником и играл решающую роль в наших международных проектах. Придди, напротив, занимался только внутренними проектами и знал очень мало, если вообще что-то знал, о настоящем содержании нашей работы за рубежом. Я не мог представить, в каком направлении будет двигаться компания. Позвонив Бруно домой, я нашел его пребывающим в философском настроении.

— Да, Джон, он же знал, что у него нет никаких причин уволить меня, — сказал он о Холле. — Поэтому я настоял на очень выгодном выходном пособии — и получил его. Мак контролирует значительную часть голосующих акций, и, раз он принял такое решение, я уже ничего не мог сделать. — Бруно сообщил, что получил несколько предложений на руководящие посты в транснациональных банках, которые были нашими клиентами.

Я спросил его, что, по его мнению, мне следует делать.

— Будь осторожным, — посоветовал он. — Мак Холл потерял

связь с действительностью. Но этого ему никто не скажет — особенно теперь, после того, что он сделал со мной.

В конце марта 1980 года, все еще под впечатлением от этого увольнения, получив отпуск, я отправился на яхте на Виргинские острова. Со мной была Мэри — сотрудница МЕЙН. Хотя, выбирая место для путешествия, я не задумывался над этим, но сейчас я понимаю, что прошлое тех мест сыграло свою роль в принятии решения, положившего начало исполнению моего новогоднего желания. Первый намек появился, когда мы, обогнув остров Сент—

Джон, взяли курс на пролив Сэра Фрэнсиса Дрейка, отделяющий Американские Виргинские острова от Британских. Канал носил имя англичанина, грозы испанского флота. Это напомнило мне о моих частых размышлениях о пиратах и других исторических личностях, таких, как Дрейк и сэр Генри Морган, которые грабили и воровали и все-таки были удостоены похвал — и даже посвящены в рыцари — за свои дела. Я часто спрашивал себя, почему, учитывая, что я воспитывался в уважении к этим людям, я все-таки испытывал угрызения совести при мысли об эксплуатации таких стран, как

Индонезия, Панама, Колумбия и Эквадор. Многие из моих героев: Этан Аллеи, Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон, Дэниел Бун, Дэйви Крокет, Льюис и Кларк — назову всего лишь несколько имен, — эксплуатировали индейцев, рабов, захватывали не принадлежавшие им земли. Я цеплялся за эти примеры, чтобы облегчить свое чувство вины. Теперь, взяв курс на пролив Сэра Фрэнсиса Дрейка, я осознал глупость моих прошлых оправданий.

Я вспомнил некоторые вещи, на которые долгое время не обращал внимания. Этан Аллен провел несколько месяцев в тесных вонючих британских «плавающих тюрьмах»,

большую часть времени закованный в тридцатифунтовые кандалы, а затем был заключен в тюремный каземат в Англии. Он попал в плен в 1775 году в битве при Монреале, борясь за такие же идеалы, за какие сейчас боролись Хайме Ролдос и Омар Торрихос. Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон и другие отцы-основатели рисковали своими жизнями за эти же идеи. Революция могла и не победить; они понимали, что, если проиграют, их повесят как предателей. Дэниел Бун, Дэйви Крокет, Льюис и Кларк тоже пережили немало и многое принесли в жертву. А Дрейк и Морган? Я не очень уверенно ориентировался в

этом периоде истории, но помнил, что протестантская Англия считала, что ей смертельно угрожает католическая Испания. Вполне возможно, Дрейк и Морган занялись пиратством не из тщеславия, а чтобы ударить прямо в сердце Испанской империи — в корабли с грузом золота — и защитить святую Англию и ее веру.

Эти мысли не покидали меня, пока мы шли по проливу, постоянно меняя галс, чтобы поймать ветер, медленно подходя к горным вершинам, выступающим из воды, — остров Грейт-Тэтч к северу и Сент-Джон к югу. Мэри принесла мне пиво и включила песню Джимми

Баффетта погромче. И все-таки, несмотря на окружавшую меня красоту и чувство свободы, которое возникает, когда идешь под парусом, я чувствовал злость. Я пытался стряхнуть это ощущение. Я с трудом проглотил пиво. Однако злость не отступала. Меня злили эти голоса из прошлого и то, что я использовал их, чтобы оправдать свою жадность. Я был зол на моих родителей, на Тилтон — за то, что они нагрозили меня этими историческими знаниями. Я открыл еще пива. Я готов был убить Мака Холла за то, что он сделал с Бруно. Мимо нас прошел деревянный парусник под флагом всех цветов радуги со

вздымавшимися от ветра парусами по обеим сторонам. Поймав ветер, он шел по проливу. С борта нам махали человек шесть молодых мужчин и женщин — хиппи. На них были яркие саронги. На передней палубе возлежала совершенно голая парочка. И парусник, и вид этих молодых людей говорил о том, что они жили на борту яхты коммуной — современные пираты, свободные, наслаждавшиеся полной свободой.

Я попытался помахать им в ответ, но рука не слушалась меня. Я почувствовал, как меня захлестнула зависть. Стоя на палубе, Мэри наблюдала за ними, пока парусник не исчез из виду.

— Тебе бы понравилась такая жизнь? — спросила она.

И тогда я понял. Это не имело отношения к моим родителям, школе Тилтон или Маку Холлу — я ненавидел свою жизнь. Свою. Ответственность за все нес я сам.

Мэри что-то прокричала, показывая рукой перед собой. Она подошла поближе ко мне.

— Лейнстер-Бэй, — сказала она. — Сегодняшняя стоянка.

Вот она. Маленькая бухточка в береговой линии острова Сент-Джон, в которой пиратские корабли поджидали свою добычу — галеоны с золотом, проходившие мимо них по вот этому самому месту. Я подошел

ближе, затем передал румпель Мэри и направился на переднюю палубу. Пока она направляла нашу яхту в красивый залив и обходила банку Уотермелон, я наклонил и зачехлил кливер и вытащил якорь из якорного отсека. Она ловко опустила основной парус. Я столкнул якорь; цепь с грохотом упала в кристально чистую воду, и яхта остановилась. Когда мы устроились, Мэри искупалась и пошла вздремнуть. Оставив ей записку, я на небольшой лодке на веслах добрался до берега и причалил как раз под развалинами стены старой сахарной плантации.

Я долго сидел у воды, пытаюсь ни о чем не думать, отбросить все

чувства. Но ничего не получалось. Поздно днем, поднявшись по крутому холму, я обнаружил, что стою на раскрошившейся стене старинной плантации, глядя вниз на наш парусник. Я наблюдал, как солнце двигалось к закату по направлению к Карибскому морю. Картина казалась идиллической, но я знал, что лежавшая вокруг меня плантация была средоточием невысказанного страдания. Здесь погибли сотни африканских рабов, которые под ружейным прицелом строили роскошный особняк, убирали сахарный тростник, управляли приспособлениями, которые превращали сахар-сырец в

ром. За спокойствием этого места пряталось прошлое, полное жестокости, так же как за ним пряталась ярость, бродившая внутри меня. Солнце исчезло за гористым островом. Широкая ярко—красная арка перекинулась через небо. Море стало темнеть.

Мне стало вдруг предельно ясно, что я тоже являлся таким же работоторговцем, что моя работа в МЕЙН не ограничивалась только вовлечением бедных стран в глобальную империю с помощью огромных займов. Мои дутые прогнозы не были просто средством гарантировать, что, когда моей стране была нужна нефть, она могла

востребовать свой фунт живой плоти. Мое положение партнера вовсе не ограничивалось увеличением прибыльности фирмы. Моя работа затрагивала людей и их семьи; людей сродни умершим на строительстве стены, на которой я сейчас сидел; людей, которых я эксплуатировал.

В течение десяти лет я был последователем работоторговцев, которые приходили в африканские джунгли, хватали мужчин и женщин и тащили на поджидавшие их корабли. Мой подход был, конечно, посовременней и потише — мне не приходилось видеть умирающих людей, чувствовать запах разлагающейся плоти или слышать

крики агонии. Но то, что я делал, было не менее страшно. И то, что я мог дистанцироваться от всего этого, что я мог не думать в своей работе о живых людях: о телах, о плоти, о предсмертных криках — в конечном итоге делало меня еще большим грешником. Я опять посмотрел на яхту, борющуюся с отливом. Мэри отдыхала на палубе, наверное, потягивала «Маргариту» и поджидала меня, чтобы вручить и мне бокал. И в этот момент, видя ее там в последнем свете уходящего дня, такую расслабленную, доверчивую, я почувствовал угрызения совести: что же я делаю с ней и со всеми моими сотрудниками, которых я превращал

в ЭУ. Я делал с ними то же, что Клодин сделала со мной, но только без прямоты Клодин.

Я убеждал их стать работоторговцами, соблазняя повышением зарплаты и продвижением по службе. При этом они, как и я, сами были прикованы к системе. Они тоже были рабами. Я повернулся спиной к морю, заливу, ярко-красному небу. Я закрыл глаза, чтобы не видеть стены, построенные рабами, оторванными от своих домов в Африке. Я хотел выбросить все из головы. Открыв глаза, я увидел огромную сучковатую палку, толщиной с бейсбольную биту, но раза в два длиннее. Я вскочил,

схватил палку и начал колотить ею по каменным стенам. Я колотил по ним до тех пор, пока не упал в изнеможении. После этого я повалился в траву и лежал, наблюдая за плывущими надо мной облаками.

Наконец я побрел обратно к лодке. Я стоял на берегу, смотрел на яхту, застывшую на якоре на лазурной воде, и я знал, что мне надо сделать. Я знал, что, если я снова вернусь к своей прежней жизни, к МЕЙН и всему тому, что она представляла, я буду потерян навеки. Повышения зарплаты, пенсии, страховка, привилегии, акции... Чем дольше я буду оставаться, тем труднее будет выбраться оттуда. Я стал рабом. Я

мог продолжать самобичевание, я мог бы бить себя так, как колотил эту каменную стену, или я мог бежать.

Через два дня я вернулся в Бостон. 1 апреля 1980 года я вошел в кабинет Пола Придди и положил перед ним заявление об уходе.

ЧАСТЬ IV: 1981 — по настоящее время

Глава 26. СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА ЭКВАДОРА

Уйти из МЕЙН было не так-то просто. Пол Придди не поверил мне. «С первым апреля!» — подмигнул он.

Я заверил его, что все было абсолютно серьезно. Вспомнив совет Паулы, что я не должен ни с кем портить отношений или дать повод подозревать, что собираюсь рассказывать о своей работе, об ЭУ, я подчеркнул, что благодарен МЕЙН за все, что она сделала для меня, но мне нужно двигаться дальше. Я всегда мечтал написать о людях, с которыми

познакомился за время работы в МЕЙН. Я сообщил, что собираюсь писать статьи для «Нэшнл джеогрэфик» и других журналов и продолжить свои путешествия. Я заверил в своей преданности к МЕЙН и поклялся, что буду восхвалять их при любой возможности.

Наконец, Пол сдался. Все остальные тоже пытались отговорить меня от этого поступка. Мне постоянно напоминали, как успешно я продвигался по службе, и даже прозрачно намекали мне, что я не совсем в себе. Я понял, что никто не хотел примириться с тем, что я уходил добровольно, во всяком

случае отчасти, потому что это заставляло их взглянуть на себя. Если я не был сумасшедшим, добровольно уходя из МЕЙН, значит, они должны были быть не в себе, оставаясь в ней. Проще было считать меня сумасшедшим. Особенно неприятной для меня была реакция моих подчиненных. Они считали, что я бросаю их на произвол судьбы: ведь очевидного преемника не было. Однако я уже принял решение. После стольких лет метаний я был намерен все изменить.

К сожалению, все получилось не совсем так, как хотелось. Да, у меня больше не было постоянной работы, но, поскольку я был отнюдь не

полным партнером, принадлежавшая мне доля акций не могла обеспечить меня достаточными средствами для безболезненного ухода на пенсию. Останься я в МЕЙН еще на несколько лет, я мог бы стать сорокалетним миллионером, как когда-то мне виделось; однако в тридцать пять до этого было еще далеко. Да, холодный и унылый апрель выдался в тот год в Бостоне.

А потом позвонил Пол Придди. Он умолял меня зайти к нему. «Один из наших клиентов грозитя уйти от нас, — сказал он. — Они обратились к нам, потому что хотели, чтобы именно ты был экспертом—свидетелем, представляющим их в

суде».

Я долго раздумывал над этим предложением, и, когда я сел за стол напротив Пола, решение уже было принято. Я назвал свою цену: агентское соглашение, более чем в три раза превышающее мою зарплату в МЕЙН. К моему удивлению, он согласился, и с этого момента начался новый этап моей карьеры.

В течение следующих нескольких лет я работал высокооплачиваемым экспертом—свидетелем. Моими клиентами были преимущественно американские электроэнергетические компании, которые хотели построить новые электростанции, для чего им надо

было получить разрешение от комиссии по коммунальному хозяйству. Одним из моих клиентов стала «Паблик сервис компани» из Нью-Гемпшира. Моя работа заключалась в том, чтобы под присягой подтвердить экономическую осуществимость весьма спорного проекта — ядерной электростанции в Сибруке.

Хотя я уже не был напрямую связан с Латинской Америкой, я продолжал следить за развитием событий там. Поскольку я был экспертом-свидетелем, у меня было полно времени в промежутках между выступлениями в суде. Я поддерживал отношения с Паулой и

возобновил мои старые знакомства со времен службы в Корпусе мира в Эквадоре — стране, которая внезапно оказалась в фокусе мировой нефтяной политики.

Хайме Ролдос действовал. Выполняя свои предвыборные обещания, он начал широкомасштабное наступление на нефтяные компании. Похоже, он ясно видел то, чего не замечали по обе стороны Панамского канала, либо упускали из виду, либо намеренно не замечали. Он улавливал подводные течения, которые грозили обратить мир в глобальную империю и низвести граждан его страны до уровня рабов. Читая о нем в газетах,

я видел не только его приверженность своему делу, но и его способность улавливать глубинные явления. А эти глубинные явления все больше указывали на то, что мировая политика вступает в новую эпоху.

В ноябре 1980 года Картер проиграл на выборах Рональду Рейгану. Наиболее значительными факторами, оказавшими влияние на исход выборов, были соглашение по Каналу, достигнутое Картером с Торрихосом, и провал операции по спасению заложников в американском посольстве в Иране. Однако происходило и нечто не столь явное. Вместо президента, чьей

величайшей целью было достижение мира во всем мире, стремившегося уменьшить зависимость США от нефти, пришел человек, веривший в то, что законное место США — быть на вершине мировой пирамиды, опираясь при этом на военную силу, и что контроль США над нефтяными месторождениями, где бы они ни находились, является частью Замысла Провидения. Президента, установившего солнечные батареи на крыше Белого дома, заменил человек, который, едва вселившись в Овальный кабинет, их демонтировал.

Возможно, Картер не был успешным политиком, но его видение Америки совпадало с тем,

что было определено нашей Декларацией независимости. Сейчас, по прошествии времени, он представляется наивно старомодным, отголоском идеалов, на которых строилась наша страна и которые влекли наших дедов к ее берегам. В сравнении со своими ближайшими предшественниками и преемниками Картер представляется аномалией. Его понимание мира коренным образом отличалось от понимания ЭУ. Рейган, напротив, совершенно очевидно был строителем глобальной империи, слугой корпоратократии. Еще во время выборов я подумал, что его актерское прошлое вполне соответствовало ситуации: это был

человек, подчинявшийся указаниям
свыше, знавший, что значит
действовать по указке. Он будет
прислуживать людям,
перемещавшимся из кабинетов
генеральных директоров в правления
банков и залы правительства. Он
будет прислуживать людям, которые,
на первый взгляд, прислуживают ему,
но на самом деле руководят
правительством — таким людям, как
вице-президент Джордж Х.У.Буш,
госсекретарь Джордж Шульц,
министр обороны Каспар
Уайнбергер, Ричард Чейни, Ричард
Хелмс и Роберт Макнамара. Он будет
защищать то, чего хотят эти люди:
Америку, контролирующую весь мир

и все его природные ресурсы; мир, подчиняющийся ее приказам; американских военных, насаждающих порядки, придуманные Америкой; международную коммерческую и банковскую систему, обеспечивающую поддержку Америки как генерального директора глобальной империи.

Когда я задумывался о будущем, мне казалось, что мы вступаем в удачный для ЭУ период. И в том, что я вышел из игры именно в это время, опять сказалась прихоть судьбы. Чем больше я размышлял обо всем этом, тем лучше я себя чувствовал. Я знал, что выбрал правильное время.

Однако у меня не было ясного представления о том, что же все это означает в долгосрочной перспективе. Из истории я знал, что империи не живут вечно и что маятник раскачивается в обе стороны. Я возлагал надежды на таких людей, как Ролдос. Я был уверен, что президент Эквадора понимал все тонкости происходящего. Я знал, что он восхищался Торрихосом, что он одобрял позицию Картера в отношении Панамского канала. Я был уверен, что Ролдос не споткнется и будет решительным в своих действиях. Я мог только надеяться, что его стойкость

вдохновит руководителей других стран, нуждавшихся в примере, которым стали он и Торрихос.

В начале 1981 года администрация Ролдоса представила конгрессу Эквадора новый закон об углеводородах. Воплощенный в жизнь, он привел бы к реформированию отношений государства с нефтяными компаниями. Он считался во многих отношениях революционным и даже радикальным. Его последствия сказались бы далеко за пределами Эквадора: во многих странах Латинской Америки и всего мира [\[52\]](#).

Реакция нефтяных компаний была предсказуема: они

задействовали все средства. Их специалисты по пиару делали все, чтобы скомпрометировать Хайме Ролдоса; их лоббисты появились в Кито и Вашингтоне с портфелями, полными угроз и взяток. Они пытались изобразить первого демократически избранного президента Эквадора еще одним Кастро. Но это не устрасило Ролдоса. Его ответным действием было разоблачение заговора между политиками и нефтяными компаниями — и религиозными организациями. Он открыто обвинил Летний институт лингвистики в сотрудничестве с нефтяными компаниями и решительно —

возможно, опрометчиво — приказал ЛИЛ убратъся из страны [\[53\]](#).

Через несколько недель после представления пакета законов конгрессу и высылки миссионеров ЛИЛ он предубедил все работавшие в стране иностранные компании, включая нефтяные, что, если их действия не будут направлены на улучшение жизни народа Эквадора, они будут вынуждены покинуть страну. Выступив с программной речью на олимпийском стадионе Атахуальпа в Кито, он направился в небольшую общину на юге Эквадора. Там он и погиб в авиакатастрофе 24 мая 1981 года при крушении вертолета [\[54\]](#).

Мир был потрясен. Латиноамериканцы пришли в ярость. Все газеты полушария пестрели заголовками: «Убит ЦРУ!» Помимо того что он вызывал ненависть у Вашингтона и нефтяных компаний, многие обстоятельства его гибели говорили в пользу этих обвинений; вновь открывшиеся факты усиливали эти подозрения. Хотя ничего не удалось доказать, но свидетели утверждают, что Ролдос, предупрежденный о готовящемся на него покушении, предпринял некоторые меры предосторожности. В частности, для поездок ему готовили два вертолета. В последний момент один из офицеров

безопасности убедил его воспользоваться запасным вертолетом. Вертолет был взорван. Несмотря на бурную реакцию в мире, американские средства массовой информации практически не уделили внимания этому событию.

Новым президентом Эквадора стал Освальдо Уртадо. Он вернул в страну ЛИЛ и его нефтяных спонсоров. К концу года он начал амбициозную программу, предусматривавшую увеличение числа нефтяных скважин «Тексако» и других нефтяных компаний в заливе Гуаякиль и бассейне Амазонки [\[55\]](#). Омар Торрихос, высоко ценивший

Ролдоса, называл его братом. Он признавался, что по ночам ему мерещатся кошмары, будто его самого убивают; он видел себя падающим с неба в гигантском огненном шаре. Эти сны оказались вещими.

Глава 27. ПАНАМА: ЕЩЕ ОДНА СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Я был ошеломлен смертью Ролдоса, но, возможно, мне—то как раз удивляться не надо было. Что бы то ни было, а наивным меня нельзя было назвать. Я знал об Арбенсе, Моссадыке, Альенде и о многих других, чьи имена не появились в газетах и учебниках истории, но чьи жизни были разрушены и даже прерваны, потому что они осмелились выступить против корпоратократии. И тем не менее, я был потрясен. Все было сделано

настолько прямолинейно и незатейливо.

После нашего феноменального успеха в Саудовской Аравии я считал, что подобные бесстыдно неприкрытые действия ушли в прошлое. Я думал, что шакалов отправили в зоопарки. Теперь я убедился, что был не прав. Я не сомневался, что гибель Ролдоса — это не просто несчастный случай. Здесь были налицо все признаки умышленного устранения, организованного ЦРУ. Я понимал, что жестокость этого убийства была преднамеренной: это было предупреждение. Администрация Рейгана, вкупе со сразу же

приобретенным Рейганом имиджем голливудского ковбоя, сначала стреляющего, потом думающего, была идеальным средством для передачи этого предупреждения. Шакалы вернулись, и они хотели, чтобы об этом знали Омар Торрихос и все остальные, которые могли бы присоединиться к крестовому походу против корпоратократии.

Но Торрихос был тверд. Как и Ролдос, он не испугался. Он тоже изгнал из страны Летний Институт Лингвистики и категорически отверг настойчивые требования администрации Рейгана пересмотреть соглашение по Каналу. Через два месяца после смерти

Ролдоса ночной кошмар Торрихоса стал явью: он погиб в авиакатастрофе. Это случилось 31 июля 1981 года.

Латинская Америка и весь мир гудели. Торрихос пользовался известностью в мире; его уважали как человека, заставившего Соединенные Штаты вернуть Панамский канал его законным владельцам; его уважали за то, что он продолжал противостоять Рональду Рейгану. Это был борец за права человека; глава государства, открывшего свои двери изгоям всех политических режимов, вне зависимости от идеологической окраски, включая шаха Ирана;

харизматический борец за социальную справедливость; многие считали, что он будет выдвинут на получение Нобелевской премии мира. Теперь он был мертв. И опять в газетах появились заголовки «Убит ЦРУ». Книга Грэма Грина «Знакомство с генералом», материал для которой он собирал в той поездке, когда мы встретились с ним в отеле «Панама», начинается так:

«В августе 1981 года, когда я уже собрал чемодан для своей пятой поездки в Панаму, мне сообщили по телефону о смерти генерала Омара Торрихоса Эрреры, моего друга и гостеприимного хозяина. Небольшой самолет, в котором он летел в свой

домик в Коклесито в горах Панамы, разбился. Все пассажиры погибли. Через несколько дней я услышал в телефонной трубке голос сотрудника службы его охраны, сержанта Чучу — так называли Хосе де Хесус Мартинеса, бывшего профессора марксистской философии Панамского университета, профессора математики и поэта. Он сказал мне: «В самолете была бомба. Я знаю, что там была бомба, но по телефону не могу сказать почему» [\[56\]](#). Повсюду люди скорбели по поводу смерти этого человека, который завоевал репутацию защитников бедных и обездоленных; от Вашингтона требовали начать

расследование деятельности ЦРУ. Однако этому не суждено было случиться. У Торрихоса были враги, ненавидевшие его; в их число входили люди, имевшие огромную власть. При жизни он находился в открытой конфронтации с президентом Рейганом, вице-президентом Бушем, министром обороны США Уайнбергером, с Объединенным командованием штабов — американским генштабом, а также с руководителями многих влиятельных корпораций.

Особенно приводили в ярость военное руководство положения договора Торрихоса–Картера, предусматривавшие закрытие Школы

обеих Америк и Центра Южного командования армии США по обучению ведению военных действий в тропиках. Новый договор ставил перед военными серьезные проблемы. Либо им необходимо было найти способы обойти эти положения, либо найти другую страну, готовую разместить у себя эти центры, — маловероятная перспектива в последние десятилетия XX века. Конечно, был и другой вариант: избавиться от Торрихоса и пересмотреть договор с его преемником.

Среди врагов Торрихоса были крупные международные корпорации. Большинство из них

имели тесные связи с американскими политиками; они использовали латиноамериканский наемный труд и природные ресурсы — нефть, лес, олово, медь, бокситы, сельскохозяйственные угодья. Это были фирмы, представлявшие обрабатывающую промышленность, телекоммуникационные компании, транспортно-перевозочные конгломераты, включая судоходные компании, инжиниринговые и прочие корпорации, работающие в области техники и использования новых технологий.

«Бектел груп, инк.» была наиболее ярким примером удобных отношений между частными

компаниями и правительством США. Я хорошо был знаком с «Бектел»: мы в МЕЙН близко сотрудничали с этой компанией; ее главный архитектор стал моим другом. «Бектел» была одной из наиболее влиятельных инженерных и конструкторских фирм в Соединенных Штатах. Ее президентами и руководящими сотрудниками были Джордж Шульц и Каспар Уайнбергер, которые ненавидели Торрихоса за то, что тот имел дерзость предпочесть японский план замены существующего канала новым, более экономически эффективным [\[57\]](#). Такой ход не просто передавал владение каналом от Соединенных Штатов Панаме, но

и исключал «Бектел» из участия в самом захватывающем и потенциально очень прибыльном инженерном проекте века.

Торрихос не побоялся встать на пути у этих людей. Он сделал это вежливо, с обаянием и изрядным чувством юмора. А теперь он был мертв, и его заменил подмастерье — Мануэль Норьега, человек, не обладавший умом, харизмой и знаниями Торрихоса, — человек, который, как многие подозревали, не имел никаких шансов против рейганов, бушей и «бектел» мира.

Лично меня эта трагедия внутренне опустошила. Много часов провел я, вспоминая наши разговоры

с Торрихосом. Как-то ночью я долго сидел, уставившись в его фотографию в журнале, вспоминая свой первый вечер в Панаме, поездку в такси под дождем, гигантский плакат на улице. «Идеал Омара — свобода; еще не изобретена та ракета, которая может убить идею». Воспоминание об этом лозунге сейчас заставило меня передернуться — точно так же, как и в ту дождливую ночь.

Тогда я не мог знать, что Торрихос добьется от Картера возвращения Панамского канала людям, которые должны были им владеть по праву; что эта победа, равно как и его попытки примирить

латиноамериканских социалистов и диктаторов, приведет в ярость администрацию Рейгана–Буша до такой степени, что они посчитают необходимым устранить его [\[58\]](#). Я не мог знать, что однажды ночью его убьют во время самого обычного полета в его самолете марки «Twin Otter» и что у большинства людей за пределами США не будет и тени сомнения в том, что смерть пятидесятидвухлетнего Торрихоса была очередным заказным убийством ЦРУ.

Если бы Торрихос остался жив, он бы нашел способ успокоить нараставшее насилие, охватившее многие страны Центральной и

Латинской Америки. Учитывая то, что он успел сделать, мы можем предположить, что он бы смог сдержать разорение международными нефтяными компаниями амазонских регионов Эквадора, Колумбии и Перу. И одним из результатов этого шага стало бы сокращение числа ужасных конфликтов, которые Вашингтон называет нарковойнами и терроризмом, а Торрихос расценил бы как действия, предпринятые отчаявшимися людьми для защиты своих домов и семей. И что еще более важно, я уверен — он бы стал примером для новых поколений лидеров в обеих Америках, Африке и

Азии — вот этого ЦРУ, АНБ и ЭУ не могли допустить.

Глава 28. МОЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ, «ЭНРОН» И ДЖОРДЖ БУШ

К моменту смерти Торрихоса я не виделся с Паулой уже несколько месяцев. Я встречался с другими женщинами, в частности, с Уинифред Грант, молодой сотрудницей, работавшей в должности специалиста по планированию окружающей среды, с которой я познакомился в МЕЙН. Ее отец был главным архитектором в «Бектел». Паула встречалась с колумбийским журналистом. Мы

остались друзьями, но договорились прервать наши романтические отношения.

Я сражался со своей работой эксперта—свидетеля, в частности обосновывая необходимость ядерной электростанции в Сибруке. Часто мне казалось, что я снова продался, попросту вернулся к старому только из—за денег. Уинифред мне очень помогла в этот период. Она была до мозга костей сторонницей защиты окружающей среды, но при этом понимала и практическую сторону вопроса — что потребность в электроэнергии постоянно возрастает. Она выросла в районе Беркли в Сан—Франциско—Ист—Бэй и

закончила Калифорнийский университет Беркли. Это была свободомыслящая девушка, и ее взгляды контрастировали с пуританскими взглядами моих родителей и Энн.

Осенью—зимой 1981–1982 года Уинифред взяла отпуск в МЕЙН. Мы отправились на яхте вдоль Атлантического побережья на юг, к Флориде. Мы не торопились и часто подолгу останавливались в различных портах: я вылетал в другие города, чтобы выступать в судах в качестве эксперта—свидетеля. В конце концов мы добрались до Уэст—Палм—Бич во Флориде и сняли там квартиру. Мы поженились, 17

мая 1982 года у нас родилась дочь, Джессика. Мне было тридцать шесть. Я был значительно старше остальных мужчин, посещавших занятия для будущих отцов.

В мою работу по делу Сибрука входила, в частности, задача убедить комиссию по коммунальным услугам Нью-Гемпшира в том, что получение электричества на основе ядерной энергии было лучшим и наиболее экономичным решением для штата. К сожалению, чем глубже я изучал этот вопрос, тем больше я начинал сомневаться в правоте своих аргументов. В научной литературе того времени не было единого взгляда: появлялись все новые

исследования на эту тему, и все больше их свидетельствовало в пользу того, что многие альтернативные методы получения энергии превосходят атомную энергетику в техническом и экономическом отношении.

Кроме того, постепенно ученые отходили от старой точки зрения на безопасность атомной энергии. Возникли серьезные вопросы о надежности систем поддержки, об обучении операторов, о том, что людям свойственно время от времени совершать ошибки, об устаревании оборудования, о сложности утилизации ядерных отходов. Лично меня беспокоила та

позиция, которую я должен был защищать — или, точнее, получал деньги за то, чтобы ее защищать — под присягой в суде. В то же время я убеждался, что новые технологии предлагали методы получения электричества, которые могли бы улучшить окружающую среду. В частности, это относилось к получению электроэнергии из субстанций, которые ранее считались отходами.

В один прекрасный день я уведомил руководство электроэнергетической компании Нью-Гемпшира, что я больше не могу свидетельствовать в суде от их имени. Я отказался от этой весьма

прибыльной работы и решил создать компанию, которая будет продвигать новые технологии, переводя их с чертежных досок в область практического применения. Уинифред поддержала меня в этом, несмотря на неясную перспективу этого предприятия и тот факт, что она впервые вступала в семейную жизнь.

Через несколько месяцев после рождения Джессики, в 1982 году я основал «Индепендент пауэр системе», «Ай-пи-эс» — «Независимые энергосистемы» — компанию, в задачу которой входила разработка электростанций, дружественных к окружающей среде,

а также популяризация самой идеи таких станций. Это был исключительно рискованный бизнес, и большинство наших конкурентов в конце концов потерпели неудачу. Однако опять на выручку пришли «случайные совпадения». Я был уверен, что помощь, которая вдруг откуда-то появлялась, на самом деле была наградой за мои былые заслуги и мой обет молчания. Бруно Замботти занял высокую должность в Межамериканском банке развития. Он согласился стать членом правления «Ай-пи-эс» и помочь с финансированием молодой компании. Мы получили поддержку от «Бэнкерс траст»; «И-эс-ай

энерджи», «Пруденшиал иншурэнс компани», «Чедборн энд Парк» (крупнейшая юридическая фирма Уолл-стрит, партнером в которой был бывший сенатор, кандидат в президенты и госсекретарь Эд Маски); от «Райли Стоукер корпорейшн» (инжиниринговая фирма, которой владела «Эшланд ойл компани», разрабатывавшая и производившая сложные агрегаты для электростанций). Нас поддержал даже конгресс: он освободил нас от уплаты некоторых налогов и в последующем отдавал нам предпочтение перед нашими конкурентами.

В 1986 году «Ай-пи-эс» и

«Бектел» одновременно, но независимо друг от друга начали строительство электростанций, использовавших новейшую, по последнему слову науки технологию сжигания отработанной угольной породы без образования кислотных дождей. К концу десятилетия эти две электростанции революционизировали отрасль и внесли значительный вклад в принятие федеральных законов об охране окружающей среды, доказав раз и навсегда, что многие так называемые отходы могут быть преобразованы в электроэнергию и что уголь можно сжигать без образования веществ, вызывающих

кислотные дожди, таким образом опровергнув традиционные уверения электроэнергетических компаний в обратном. Наша электростанция также доказала, что неопробованные современные технологии могут финансироваться небольшой независимой компанией, через Уолл-стрит и другими традиционными методами [\[59\]](#). Дополнительным преимуществом было то, что наша станция передавала так называемую сбросную теплоту для обогрева трех с половиной акров гидропонных теплиц, а не в охлаждающие бассейны и башни.

Должность президента «Ай-пи-эс» давала мне возможность

получить представление об энергетической промышленности изнутри. Я имел дело с самыми влиятельными людьми в этой области: юристами, лоббистами, банкирами и руководителями крупнейших фирм. Кроме того, на моей стороне было еще одно преимущество. Мой тесть проработал в «Бектел» более тридцати лет, достиг должности главного архитектора, а теперь руководил строительством города в Саудовской Аравии — прямое следствие моей работы в начале 1970-х, во время операции по отмыванию денег Саудовской Аравии. Уинифред выросла в Сан-

Франциско, где расположен головной офис фирмы, и тоже была членом «корпоративной семьи»: после окончания отделения Калифорнийского университета в Беркли она работала в «Бектел».

Энергетика претерпевала значительную реструктуризацию. Крупные инженерные фирмы стремились вытеснить энергетические компании, которые до сих пор пользовались преимуществами местных монополистов, — или хотя бы стать конкурентами энергетиков. Свертывание государственного участия и регулирования стало лозунгом момента; правила

стремительно менялись. Для
амбициозных людей появилось
множество возможностей
воспользоваться преимуществами
ситуации, которая ставила в тупик
суды и конгресс. Воротилы бизнеса
назвали происходящее «освоением
Дикого Запада эры энергетики».

Одной из жертв этого процесса
стала МЕЙН. Как и предсказывал
Бруно, Мак Холл потерял связь с
реальностью, и никто не
осмеливался указать ему на это. Полу
Придди так и не удалось установить
контроль над фирмой, и руководство
МЕЙН не только не воспользовалось
кардинальными переменами в
промышленности, но и допустило

несколько роковых ошибок. Всего через несколько лет после того, как Бруно добился рекордных прибылей, МЕЙН оказалась в исключительно тяжелой финансовой ситуации. Партнеры решили продать МЕЙН одной из крупнейших инженерно-строительных компаний, которая сумела сориентироваться в ситуации.

В 1980 году я получил почти по тридцать долларов за акцию; четыре года спустя другим партнерам пришлось довольствоваться меньше чем половиной этой суммы. Так сто лет гордого существования фирмы закончились унижением. Мне грустно было наблюдать закат фирмы, но это доказало, что я

поступил правильно, уйдя тогда, когда ушел. Фирма еще некоторое время просуществовала под своим именем, но затем и имя поменяли. Некогда столь весомое во всем мире название ушло в забвение. МЕЙН — это пример компании, которая не смогла выжить в атмосфере перемен в индустрии. Полной противоположностью ей оказалась компания «Энрон», за взлетом которой мы, знающие эту отрасль изнутри, следили как зачарованные. Одна из наиболее быстро растущих фирм в отрасли, она, возникнув, как казалось, ниоткуда, немедленно начала проворачивать гигантские сделки. Обычно любому заседанию

предшествуют несколько минут общих разговоров, пока участники рассаживаются, наливают кофе, раскладывают бумаги. Тогда все разговоры крутились вокруг «Энрон». Непосвященные не могли понять, как удастся «Энрон» творить подобные чудеса. Посвященные же только улыбались и молчали. Иногда, в ответ на настойчивые расспросы, они говорили о новых методах в управлении, о «творческом подходе к финансированию», о том, что компания берет на работу людей, знающих, как пройти коридорами власти во всех столицах мира.

Мне все это очень напоминало новый вариант старой технологии

ЭУ. Глобальная империя наступала
победным маршем. Те из нас, кто
интересовался нефтяной
промышленностью и
международными событиями,
частенько обсуждали и другую тему:
сына вице-президента, Джорджа
У.Буша. Его первая энергетическая
компания, «Арбусто» (в переводе с
испанского — «куст»), оказалась
несостоятельной и в 1984 году
спаслась слиянием со «Спектрум-7».
Затем сам «Спектрум-7» оказался на
границе банкротства и в 1986 году был
куплен «Харкен энерджи
корпорейшн», в которой Дж. У. Буш
остался членом правления и
консультантом с зарплатой сто

двадцать тысяч долларов в год [\[60\]](#).

Мы все считали, что решающим фактором в таком назначении было вице–президентство его отца, поскольку послужной список Буша–младшего в нефтяной сфере никак не оправдывал подобного выбора. И конечно, было совсем неслучайным, что «Харкен» использовала ситуацию и вышла на международный рынок впервые за всю историю своего существования, начав активные поиски возможностей для нефтяных инвестиций на Ближнем Востоке. Журнал «Вэнити фэйр» писал: «Как только Буш занял место в правлении, с «Харкен» стали происходить

чудесные вещи: новые инвестиции, неожиданные источники финансирования, удачно полученные права на бурение» [\[61\]](#).

В 1989 году «Амоко» вела переговоры с правительством Бахрейна о получении прав на офшорное бурение. В это время вице-президент Буш был избран президентом. Вскоре после этого Майкл Амин, консультант Госдепартамента, в обязанности которого входило проинструктировать вновь назначенного посла США в Бахрейне, Чарльза Хостлера, организовал серию встреч правительства Бахрейна и «Харкен

энерджи». Неожиданно «Амоко» поменяли на «Харкен». И хотя «Харкен» раньше занималась бурением только на юго-востоке США и никогда не производила офшорного бурения, она получала эксклюзивные права на офшорное бурение в Бахрейне — случай беспрецедентный в арабском мире. В течение следующих недель цены на акции «Харкен энерджи» повысились больше чем на двадцать процентов — с четырех с половиной долларов до пяти с половиной за акцию [\[62\]](#).

Даже бывалые работники отрасли были шокированы произошедшим в Бахрейне.

«Надеюсь, Дж.У. не задумал ничего такого, за что придется расплачиваться его отцу, — сказал мой друг-юрист, работавший в энергетике, ярый сторонник республиканцев. Мы наслаждались коктейлем в баре на углу Уолл-стрит, на самом верху здания Всемирного торгового центра. Он был в смятении. — Неужели это действительно стоит того, — продолжал он, печально покачивая головой. — Стоит ли рисковать должностью президента ради карьеры сына?»

Я был меньше удивлен, чем мои знакомые: у меня был свой угол зрения. Я работал на правительства

Кувейта, Саудовской Аравии, Египта и Ирана, я был знаком с современной политикой на Ближнем Востоке, и я знал, что Буш, как и руководство «Энрон», был частью того, что создал я сам и мои коллеги ЭУ; все они были феодалами и плантаторами [\[63\]](#).

Глава 29. Я БЕРУ ВЗЯТКУ

В тот период моей жизни я пришел к пониманию, что мы вступили в новую эру экономики. То, чему положил начало Роберт Макнамара — человек, служивший мне примером, — в свою бытность секретарем по вопросам обороны и президентом Всемирного банка, обострилось свыше моих самых мрачных опасений. Подход Макнамары к экономике, основанный на кейнсианском учении, его пропаганда агрессивного руководства стала широко распространяться. Понятие ЭУ было расширено и стало включать все

типы руководителей в самых разнообразных сферах. Возможно, их не всегда отбирало и проверяло АНБ, но они выполняли сходные функции.

Теперь единственное различие заключалось в том, что у корпоративных руководителей — ЭУ не всегда была необходимость использовать средства международного банковского сообщества. В то время как старая, то есть моя ветка продолжала разрастаться, молодая поросль на ней становилась все более ядовитой. Молодые мужчины и женщины, выросшие из среднего руководящего звена в 1980-х годах в твердой уверенности, что цель оправдывает

средства. Глобальная империя представляла собой просто путь к повышению прибылей.

В той сфере, где я работал, появились новые тенденции. «Акт о предприятиях коммунальной сферы» (PURPA) был принят конгрессом в 1978 году, прошел через несколько юридических инстанций и в конце концов стал законом в 1982 году. Конгресс первоначально предполагал, что закон будет поощрять небольшие независимые компании, как моя, в их разработке альтернативного топлива и других новаторских подходов в производстве электроэнергии. Этот закон обязывал крупные электрические компании

покупать энергию, произведенную маленькими компаниями, по разумным ценам. Такая политика была результатом стремления Картера снизить зависимость США от нефти — любой нефти, не только импортируемой. Изначально закон принимался для того, чтобы поощрить разработку альтернативных источников энергии и одновременно развитие независимых компаний, которые отражали предпринимательский дух Америки. Однако на деле все обернулось иначе.

В 1980-х и начале 1990-х упор стали делать не на предпринимательство, а на

дерегулирование. Я наблюдал, как большая часть других мелких независимых компаний проглатывается большими инженерными и строительными фирмами и самими предприятиями коммунального хозяйства. Последние нашли лазейку в законе, позволявшую им создавать холдинговые компании, которые могли владеть и регулируемыми государством коммунальными предприятиями, и нерегулируемыми независимыми корпорациями — производителями энергии. Многие из них развернули агрессивные программы, направленные на приведение независимых фирм к

банкротству для последующей их покупки. Другие просто создали свои аналоги независимых компаний с нуля.

Идея уменьшения нашей зависимости от нефти умерла сама собой. Рейган был в глубоком долгу у нефтяных компаний; Буш сделал себе состояние на нефти. Большинство ключевых игроков и членов кабинета в обеих администрациях либо участвовали в нефтяном бизнесе, либо в строительных и инженерных компаниях, тесно связанных с этим бизнесом. Да и в конечном итоге нефть и строительство не были делом только одной партии: с ними работали и от них получали деньги и

многие демократы.

«Ай—пи—эс» продолжала выступать за энергию, безопасную для окружающей среды. Мы были привержены целям Р1ЖРА, и жизнь наша складывалась неплохо. Мы были одной из немногих независимых компаний, которые не только выжили, но и процветали. Я не сомневаюсь, что основной причиной тому была моя прошлая служба корпоратократии.

То, что происходило в энергетике, отражало тенденцию, захлестнувшую весь мир. Забота о социальном благополучии, об окружающей среде и других аспектах качества жизни уступила место

жадности. Особое значение придавалось развитию частных фирм. Поначалу это обосновывалось теоретически; в частности, тем, что капитализм превосходит социализм и должен победить его. Однако потом выяснилось, что в таком обосновании нет нужды. Просто было принято априори, что, если проект финансируется состоятельными частными инвесторами, он изначально лучше, чем тот, который финансируется правительством. Международные организации, такие, как Всемирный банк, немедленно стали сторонниками таких взглядов и начали выступать за прекращение

госрегулирования и приватизацию систем водоснабжения, канализации и водоочистки, коммуникации и связи, энергетических систем и других, ранее находившихся в ведении правительства.

В результате стало возможным распространить концепцию ЭУ в более широкие сообщества, посылать сотрудников из разнообразных фирм для выполнения задач, которые ранее считались прерогативой избранных — членов эксклюзивного клуба. Эти сотрудники разлетелись по планете. Они выискивали самую дешевую рабочую силу, легкодоступные ресурсы, крупнейшие рынки. Они были беспощадны. Как и их

предшественники — ЭУ вроде меня в Индонезии, Панаме, Колумбии, — они нашли способы обосновать свои неблагоприятные действия. Как и мы, они заманивали в свои сети целые общества и страны. Они обещали богатство: страны могли выбраться из долгов с помощью частного сектора. Они строили школы и автодороги, дарили телефоны и телевизоры, предоставляли бесплатные медицинские услуги. Однако если они открывали источник более дешевой рабочей силы и доступные ресурсы в другом месте, они тут же сворачивались. Когда они покидали сообщество, в котором поселили надежду,

последствия были самые ужасные, но они делали это без тени сомнения, не чувствуя ни малейших укоров совести.

Иногда я думал: а влияет ли это каким-то образом на их психику? Чувствуют ли они временами сомнения, как это было со мной? Стояли ли они когда-нибудь на берегу загаженного канала, наблюдая, как в нем купается молодая женщина, в то время как выше по течению испражняется старик? Неужели больше не осталось говардов паркеров, способных задать неудобные вопросы?

Хотя меня радовал успех «Ай-пи-эс» и я наслаждался семейной

жизнью, временами я испытывал жесточайшую депрессию. Я был отцом маленькой девочки, и меня беспокоило, какое будущее мы оставим ей в наследство. Меня подавляло чувство вины за ту роль, которую я когда-то играл.

Оглядываясь назад, я не мог не видеть пугающей исторической тенденции.

Современная международная финансовая система была создана в конце Второй мировой войны, на встрече лидеров многочисленных стран, проходившей в Бреттон-Вудс, в Нью-Гемпшире — моем родном штате. Всемирный банк и Международный валютный фонд были созданы для реконструкции

разоренной Европы, и они достигли замечательных успехов. Система быстро расширялась и вскоре была официально одобрена всеми крупнейшими союзниками Соединенных Штатов и провозглашена панацеей от угнетения. Мы были уверены, что она спасет нас от смертельных когтей коммунизма.

Но я не мог не задумываться о том, к чему нас все это может привести. К концу 1980-х годов, после развала Советского Союза и международного коммунистического движения, стало очевидным, что победа над коммунизмом не могла быть самоцелью; настолько же

очевидным было и то, что глобальная империя, выросшая из капитализма, теперь будет свободно править. Джим Гаррисон, президент форума «Ситуация в мире» (State of the World), пишет:

«Если посмотреть на процесс в целом, интеграция мира, особенно в терминах экономической глобализации и мифических качеств «свободного рыночного» капитализма, представляет собой не что иное, как своего рода «империю»... Ни одна страна на земле не смогла устоять перед неодолимым магнетизмом глобализации. Единицам удалось избежать «структурной адаптации» и

«обусловленности» Всемирного банка, Международного валютного фонда или Всемирной торговой организации. Эти международные финансовые учреждения, как бы несовершенны они ни были, по-прежнему определяют, что значит экономическая глобализация, каковы правила, кого следует поощрить за послушание, а кого наказать за нарушения. Сила глобализации такова, что еще при нашей жизни мы станем свидетелями интеграции (пусть и не в равной степени) всех национальных экономик в мире в единую глобальную рыночную систему» [\[64\]](#).

Размышляя над всем этим, я

решил, что пришло время возобновить работу над моей книгой откровений, «Совесть экономического убийцы». Я не делал ни малейшей попытки держать эту работу в тайне. Даже и сегодня я не принадлежу к тем писателям, которые могут работать в одиночестве. Мне необходимо обсуждать с кем-то мою работу. Я получаю вдохновение от общения с людьми; я обращаюсь к ним, чтобы они помогли мне вспомнить и правильно выстроить события прошлого. Я люблю зачитывать отрывки друзьям, чтобы услышать их мнение. Я понимаю, что это может быть рискованным, но я не знаю

другого способа писать. Поэтому не стало секретом то, что я пишу книгу о своей работе в МЕЙН.

Однажды днем мне позвонил бывший партнер МЕЙН и предложил очень выгодную работу: должность консультанта в «Стоун энд Уэбстер инджиниринг корпорейшн» («SWEC»). В то время это была одна из крупнейших инженерных и строительных компаний; она пыталась захватить ведущие позиции в меняющемся мире энергетики. Мой бывший сослуживец объяснил, что я буду работать в их новом подразделении, созданном по образу таких компаний, как моя собственная «Ай-пи-эс». Я с

облегчением узнал, что мне не придется участвовать ни в каких международных или связанных с деятельностью ЭУ проектах.

По его словам, от меня вообще много не требовалось. Я был одним из немногих, кто основал и руководил процветающей независимой энергетической компанией; у меня была превосходная репутация в отрасли. Главным интересом «SWECS» было использовать мое резюме и иметь меня в списке своих советников, что было абсолютно законно и являлось обычной практикой в отрасли. Это предложение было особенно привлекательным для меня,

поскольку вследствие некоторых обстоятельств я подумывал о продаже «Ай–пи–эс». Стабильная работа в «SWEC» с очень высокой зарплатой была как нельзя кстати.

В тот же день, когда меня приняли на работу, генеральный директор «SWEC » пригласил меня пообедать. Некоторое время мы болтали о разном, и я вдруг понял, что какая–то часть меня стремилась вернуться в консультанты: забыть об ответственности, которую влекло за собой управление сложной энергетической компанией; об ответственности за сотню людей, работавших на строительстве электростанции, об обязательствах,

налагаемых строительством и управлением энергетическими предприятиями. Я уже знал, как потратить ту немалую зарплату, которую он собирался мне предложить. Я решил использовать ее, в частности, на создание неприбыльной организации.

За десертом он заговорил о моей книге «Без стресса», которая к тому времени была уже опубликована. Он рассказал, что слышал о ней много хорошего. А потом он посмотрел мне прямо в глаза.

— А вы собираетесь писать еще какие-нибудь книги?

Мои внутренности сжались. Я понял, в чем было дело. Я не

колебался ни минуты.

— Нет, — сказал я. — В настоящее время я не собираюсь писать никаких книг.

— Рад это слышать, — сказал он. — Наша компания дорожит своими секретами. Как и МЕЙН.

— Я понимаю.

Он откинулся на спинку стула, улыбнулся и, похоже, расслабился. — Конечно, такие книги, как ваша последняя, о стрессе и подобных вещах, вполне допустимы. Иногда они даже помогают в карьере. Будучи консультантом в «SWEC », вы свободно можете публиковать подобные работы. — Он посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Приятно слышать.

— Да, вы можете писать такие книги абсолютно свободно. Однако нет необходимости говорить, что вы не должны никогда упоминать в своих книгах имени нашей фирмы и что вы не можете писать о чем бы то ни было, имеющем отношение к природе нашего бизнеса, а также о вашей работе в МЕЙН. Вы не будете писать о политике, об отношениях с международными банками, о проектах по развитию. — Он впился в меня взглядом.

— Это обычный вопрос конфиденциальности.

— Само собой разумеется, — заверил я.

Мне показалось, что на какое-то мгновение мое сердце остановилось. Вернулось знакомое ощущение, напоминавшее то, которое я испытывал, общаясь с Говардом Паркером в Индонезии, или путешествуя по столице Панамы с Фиделем, или сидя в колумбийском кафе с Паулой. Я опять продавался — опять. Это не была взятка в юридическом смысле; для компании было абсолютно законным платить за включение моего имени в списки своих сотрудников, за мои советы, за то, что я время от времени появляюсь на заседаниях; однако я понимал действительную причину, по которой меня взяли на работу.

Он предложил мне оклад, равный окладу руководящего сотрудника фирмы.

Вечером того же дня я сидел в аэропорту, оглушенный, ожидая своего рейса во Флориду. Я чувствовал себя проституткой. Даже хуже: я чувствовал, что предал свою дочь, свою семью, свою страну. И все же, говорил я себе, у меня не было выбора. Я знал, что, если не приму эту взятку, за ней последует кое-что более опасное.

Глава 30.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВТОРГАЮТСЯ В ПАНАМУ

Торрихос погиб, но Панама продолжала занимать особое место в моем сердце. Живя в Южной Флориде, я имел возможность пользоваться разнообразными источниками информации о текущих событиях в Центральной Америке. Дело Торрихоса продолжало жить, хотя оно и воплощалось в жизнь людьми, не наделенными в такой же степени состраданием и силой характера. Попытки сгладить

противоречия в Западном полушарии продолжались и после его смерти. Панама была намерена заставить Соединенные Штаты жить в соответствии с условиями Панамского соглашения.

Преемник Торрихоса, Мануэль Норьега поначалу казался преисполненным желания следовать путем своего наставника. Я не был знаком с Норьегой лично, но, судя по всему, сначала он пытался поддерживать бедных и угнетенных Латинской Америки. Одним из его важнейших проектов оставалось продолжение исследования возможности строительства нового канала. Предполагалось, что

финансирование и само строительство будет осуществляться японцами. Естественно, он встретил сильное сопротивление со стороны Вашингтона и частных американских компаний. Сам Норьега писал:

«Госсекретарь Шульц в прошлом был одним из руководителей международной компании «Бектел»; министр обороны Каспар Уайнбергер был вице-президентом «Бектел». «Бектел» из всех сил стремилась заполучить миллионные прибыли от строительства канала. Администрация Рейгана и Буша боялась, что проект получит Япония; дело было не только в якобы заботе о

безопасности; речь шла о конкуренции в бизнесе. Американские компании могли потерять миллиарды долларов» [\[65\]](#).

Но Норьега был не Торрихос. В нем не было харизмы и прямоты, которыми обладал его бывший руководитель. Со временем он приобрел нехорошую репутацию человека, связанного с коррупцией и наркоторговлей. Его даже подозревали в организации убийства своего политического соперника, Уго Спадафоры. Норьега приобрел известность во время пребывания на посту руководителя группы «С-2» Вооруженных сил Панамы. Это была группа военной разведки,

взаимодействовавшая с ЦРУ. В этом качестве он установил близкие отношения с директором ЦРУ Уильямом Дж. Кейси. ЦРУ использовало эту связь для продвижения своих интересов в Карибском регионе и в Центральной и Южной Америках. Например, когда администрации Рейгана понадобилось в 1983 году предупредить Кастро о готовящемся вторжении США в Гренаду, Кейси обратился к Норьега, попросив его передать это сообщение. Полковник помогал ЦРУ внедриться в колумбийские и другие наркокартели.

К 1984 году Норьега занял пост

главнокомандующего Вооруженными силами Панама. Говорят, что Кейси, приземлившись в том году в аэропорту Панама и будучи встреченным шефом местного отдела ЦРУ, воскликнул: «Где мой мальчик? Где Норьега?» Когда генерал приезжал в Вашингтон, он не раз бывал дома у Кейси в гостях. Много лет спустя Норьега признавался, что благодаря его тесной связи с Кейси он чувствовал себя неуязвимым. Он считал, что ЦРУ, как и «С-2», была сильнейшей правительственной организацией. Норьега был убежден, что Кейси защитит его, несмотря на его позицию в отношении Панамского соглашения и военных

баз в зоне Канала [\[66\]](#).

Торрихос был символом справедливости и равенства не только для панамцев, Норьега стал символом коррупции и упадка. Это еще раз подтвердилось 12 июня 1986 года, когда газета «Нью-Йорк тайме» опубликовала на первой полосе статью с заголовком «Сильный человек Панама замешан в торговле наркотиками и отмывании денег». Эта разоблачительная статья, написанная журналистом — лауреатом Пулитцеровской премии, утверждала, что генерал тайно и незаконно сотрудничал с частными компаниями Латинской Америки; что он занимался шпионажем в

пользу и Соединенных Штатов, и Кубы, то есть, по существу, был двойным агентом; что «С-2» по его указанию обезглавила Уго Спадафору, что Норьега лично управлял крупнейшим наркосиндикатом в Панаме. В дополнение к статье газета поместила портрет генерала, отнюдь не льстивший ему. На следующий день, в развитие темы, последовало еще больше подробностей [\[67\]](#).

Помимо внутренних проблем, у Норьеги появились и проблемы с президентом США, который усиленно старался подправить свой имидж. Журналисты объясняли происходящее «фактором

слабохарактерного человека» [\[68\]](#). Это приобрело особое значение, когда Норьега твердо отказался от того, чтобы оставить Школу двух Америк на своей территории еще на пятнадцать лет. Интересно об этом пишет сам генерал:

«Мы были намерены продолжать дело Торрихоса, но Соединенные Штаты стремились не допустить этого. Они хотели либо продлить пребывание Школы двух Америк, либо пересмотреть соглашение с целью оставить ее в Панаме, указывая на ее необходимость в связи с растущими военными приготовлениями в Центральной Америке. Но Школа

двух Америк мешала нам. Мы не хотели иметь на нашей земле тренировочный лагерь для эскадронов смерти и военные силы правой ориентации» [\[69\]](#).

Возможно, поэтому последовавшие события не должны были стать неожиданностью, однако мир был потрясен, когда 20 декабря 1989 года Соединенные Штаты атаковали Панаму. Это была крупнейшая воздушно—десантная операция со времен Второй мировой войны [\[70\]](#). Ничем не оправданное нападение на мирное население. Панама и ее граждане не представляли абсолютно никакой угрозы ни для Соединенных Штатов,

ни для других стран. Политики, правительства и пресса во всем мире объявили односторонние действия США явным нарушением норм международного права.

Если бы эта военная операция была направлена на страну, в которой совершались массовые убийства или другие преступления против прав человека, — скажем, на Чили во времена Пиночета, на Парагвай при Стресснере, Никарагуа при Сомосе, Сальвадор при Д'Обьюиссоне, Ирак при Саддаме, — мир, возможно, понял бы эти акции. Но Панама не делала ничего подобного: она всего лишь осмелилась сказать «нет» горстке влиятельных политиков и

руководителей корпораций. Она настаивала на том, чтобы соглашение по Каналу уважалось; она вела дискуссии и обсуждения с теми, кто хотел реформировать общество; она изучала возможность строительства нового канала с помощью японских инвестиционных и строительных компаний. И в результате она столкнулась с ужасающими последствиями. Как пишет Норвега:

«Я хотел, чтобы всем было предельно ясно: кампания по дестабилизации, начатая Соединенными Штатами в 1986 году и закончившаяся вторжением в Панаму, была результатом отказа от любого сценария, при котором

Панамский канал находился бы в руках независимой, суверенной Панама, поддерживаемой Японией... Тем временем Шульц и Уайнбергер, прикрываясь положением официальных лиц, действующих в интересах общества, и пользуясь неосведомленностью о влиятельных экономических интересах, которые они представляли, наращивали пропагандистскую кампанию, направленную на мое уничтожение» [\[71\]](#).

Официальное объяснение Вашингтона по поводу нападения на Панаму сводилось к одному человеку. Единственной причиной, по которой

Соединенные Штаты послали своих молодых мужчин и женщин рисковать своими жизнями и совестью, убивая невинных, включая так никогда и не посчитанных детей, и сожгли половину панамской столицы, — был Норьега. Его называли порождением зла, врагом народа, наркодельцом, и в этом качестве он представлял собой достаточное основание для массового вторжения в страну с двумя миллионами жителей, — которая при этом случайно оказалась расположенной на одном из самых дорогих участков земли в мире.

Меня настолько взволновало вторжение, что я впал в депрессию,

которая продолжалась много дней. Я знал, что у Норьеги есть телохранители, и все-таки я не мог удержаться от мысли, что шакалы смогут дотянуться до него, как смогли они дотянуться до Ролдоса и Торрихоса. Большинство его телохранителей наверняка обучались у американских военных. Возможно, им заплатят за то, что они в нужный момент отвернутся или попросту сами устранят генерала.

Чем больше я думал и читал о вторжении, тем яснее мне становилось, что оно доказывало следующее. Политика Соединенных Штатов вернулась к старым методам строительства империй;

администрация Буша была намерена пойти еще дальше, чем администрация Рейгана, и продемонстрировать миру, что она не колеблясь использует любые силы для достижения своих целей. Кроме того, было ясно, что целью акции в Панаме, помимо замены последователей Торрихоса марионеточным правительством, действовавшим в интересах США, было напугать такие страны, как Ирак, добившись таким образом их подчинения.

Дэвид Харрис, редактор «Нью-Йорк тайме мэгэзин» и автор многочисленных книг, делится интересными наблюдениями. В

своей книге «Стреляя в луну», изданной в 2001 году, он пишет: «Из многих тысяч правителей, властителей, сильных личностей, хунт и военных диктаторов, с которыми американцам приходилось иметь дело в различных уголках мира, генерал Мануэль Антонио Норьега — это единственный, за кем американцы пришли таким образом. Впервые за все 225 лет своего существования Соединенные Штаты вторглись в чужую страну и вывезли ее правителя в Соединенные Штаты, чтобы предать суду и заключить в тюрьму за нарушение американских законов, совершенное правителем на своей родной земле» [\[72\]](#).

После бомбежек Соединенные Штаты внезапно оказались в деликатной ситуации. Какое-то время было ощущение, что сейчас начнется ответный огонь. Администрация Буша могла сколько угодно исправлять имидж «слабохарактерного», но теперь они стояли перед проблемой легитимности, перед обвинением в террористическом акте. Выяснилось, что военные запретили журналистам, Красному Кресту и другим независимым наблюдателям в течение трех дней появляться там, где были бомбардировки, пока солдаты сжигали или закапывали жертвы. В газетах звучали вопросы о

том, сколько доказательств преступного и вообще недостойного поведения было уничтожено; о количестве погибших в результате того, что помощь не была оказана своевременно; но на эти вопросы никто так и не ответил.

Мы никогда не узнаем всей правды о вторжении, никогда не узнаем истинных масштабов бойни. Министр обороны Ричард Чейни сообщил о пятистах–шестистах погибших; независимые группы наблюдателей за соблюдением прав человека называют цифру от трех до пяти тысяч погибших, при этом еще двадцать пять тысяч остались без крыши над головой [\[73\]](#). Норъегу

арестовали, вывезли в Майами и приговорили к сорока годам заключения; на тот момент он был единственным в США человеком, официально числящимся военнопленным [\[74\]](#).

Мир был разъярен этим нарушением международного права, бессмысленным уничтожением беззащитных людей наиболее могущественными вооруженными силами на планете. Но в самих Соединенных Штатах почти никто не знал ни об этой ярости, ни о преступлениях, совершенных Вашингтоном. Пресса очень мало писала об этих событиях. Этому способствовало многое, в том числе

политика правительства по этому вопросу, звонки из Белого дома издателям и телевизионному начальству, конгрессмены, которые не осмелились возражать, чтобы «фактор слабохарактерного человека» не стал проблемой и для них. И журналисты, которые считали, что публике нужны скорее герои, чем правда. Исключением стал Питер Эйснер, редактор «Ньюсдэй», репортер Ассошиэйтед пресс, который писал о панамских событиях и потом в течение многих лет продолжал заниматься их анализом. В книге «Мемуары Мануэля Норьеги — американского пленного», опубликованной в 1997

году, Эйснер пишет:

«Смерть, разрушение и несправедливость, сопряженные с борьбой против Норьегу; ложь, окружавшая эти события, стали угрозой основным американским принципам демократии... Солдатам было приказано убивать в Панаме — и они убивали, потому что им сказали, что они спасают страну от лап жестокого диктатора; и, когда они начали действовать, люди в их стране (США) пошли с ним нога в ногу» [\[75\]](#).

После длительного изучения материала, включая беседы с Норьегой в его тюремной камере в Майами, Эйснер приходит к выводу:

«Что касается главного, я не думаю, что предъявленные доказательства подтверждают обвинения, выдвинутые против него. Я не думаю, что его действия как руководителя вооруженных сил другой страны или главы суверенного государства оправдывают вторжение в Панаму или что он представлял угрозу национальной безопасности США» [\[76\]](#).

Эйснер заключает:

«Мой анализ политической ситуации и мои статьи из Панамы до, во время и после вторжения приводят к заключению, что американское вторжение в Панаму было ужасным злоупотреблением

властью. Это вторжение служило интересам самонадеянных американских политиков и их союзников в Панаме, путем ужасающего кровопролития» [\[77\]](#). Было восстановлено правление семей Ариас и олигархов, правивших до Торрихоса, — бывших американскими марионетками еще с тех времен, когда Панаму оторвали от Колумбии, и до тех пор, как власть взял Торрихос. Много споров вызвало новое соглашение по Каналу. По сути, Вашингтон снова контролировал водный путь, вопреки тому, что говорили официальные документы.

Размышляя о случившемся и о

том, что я испытал, работая в МЕЙН, я поймал себя на том, что задаю себе снова и снова одни и те же вопросы. Сколько решений, включая решения величайшего исторического значения, затрагивающих интересы миллионов людей, — принимаются на самом деле кем-то в своих корыстных интересах, а вовсе не из желания сделать что-то правильное и полезное. Сколько чиновников правительственного уровня руководствуются в своих решениях собственной жадностью, а не интересами государства. Сколько войн начинается потому, что президент боится показаться избирателям слабохарактерным

человеком.

Вопреки моим обещаниям президенту «SWEC», мое чувство разочарования и бессилия по поводу вторжения в Панаму подтолкнуло меня к возобновлению работы над книгой; правда, на этот раз я решил сосредоточиться на Торрихосе. Рассказывая о нем, я хотел поведать о несправедливости, воцаряющейся в нашем мире, — и избавиться от чувства собственной вины. И я был намерен молчать о том, что делаю, а не обращаться за советом к друзьям и бывшим коллегам.

Работая над книгой, я был ошеломлен масштабом деятельности ЭУ в разных точках планеты. Я

пытался сконцентрироваться на нескольких особо ярких примерах, но список мест, в которых я работал и положение в которых после этого ухудшилось, поражал воображение. Меня ужасала и степень моей собственной коррумпированности. В своей жизни я очень часто пытался разобраться в себе и теперь понимаю, что, уже находясь на полпути, я был настолько погружен в свои каждодневные дела, что не воспринимал картину в общем. Например, когда я был в Индонезии, меня заставили задуматься наши беседы с Говардом Паркером и то, о чем говорили друзья Рейси. Меня глубоко взволновали впечатления от

увиденного во время нашей с Фиделем поездки в трущобы, в зону Канала и на дискотеке. В Иране мое спокойствие было надолго нарушено нашими беседами с Ямином и Доком. Сейчас же работа над книгой дала мне возможность взглянуть на все это в целом. Я понял, как легко я приспособился не видеть общей картины и соответственно не осознавать истинный смысл моей работы.

Каким же простым все это кажется теперь, каким самоочевидным, и при этом насколько же не проста сущность этих событий! Это похоже на то, что происходит с солдатом. Поначалу он

наивен. Он может сомневаться в моральной стороне убийства, но прежде всего ему приходится думать о себе, о собственном страхе, о том, чтобы выжить самому. После того как он убивает первого врага, его захлестывают эмоции. Он думает о семье убитого, он испытывает угрызения совести. Но чем больше он воюет, чем больше убивает, тем более жестким он становится. И тогда он превращается в профессионального солдата.

Я стал профессиональным солдатом. Это сравнение дает возможность разобраться в том, как совершаются преступления и строятся империи. Теперь я мог

понять, почему так много людей совершают ужасающие деяния: как, например, славные, обожающие свои семьи иранцы могли работать в известной своей жестокостью тайной полиции шаха; как хорошие немцы могли исполнять приказы Гитлера; как добропорядочные американские мужчины и женщины могли бомбить столицу Панамы.

Будучи ЭУ, я не получил ни единого пенса от АНБ или какого-либо другого государственного учреждения; мне платила зарплату МЕЙН. Я был гражданин, работающий на частную фирму. Это понимание помогло мне более четко увидеть нарождающийся тип

служащего корпорации — ЭУ. На мировой сцене появлялся новый тип солдата, и эти люди становились некритичными и нечувствительными к своим собственным поступкам. В своей книге я писал:

«Сегодня мужчины и женщины едут в Таиланд, на Филиппины, в Ботсвану, Боливию и другие страны, где они ожидают увидеть людей, жаждущих работы. Они едут в эти страны с четкой целью: эксплуатировать несчастных людей, чьи дети не получают качественного питания или даже голодают; людей, живущих в трущобах и потерявших надежду на лучшую жизнь; людей, которые даже не мечтают о другой

жизни. Из своих шикарных офисов на Манхэттене или в Сан-Франциско и Чикаго эти мужчины и женщины разлетаются по континентам в роскошных самолетах, останавливаются в первоклассных отелях, ужинают в лучших местных ресторанах. А потом они отправляются на поиски отчаявшихся людей.

Сегодня у нас по-прежнему существуют работорговцы. Им уже нет необходимости забираться в леса Африки, чтобы отобрать лучших особей, за которых дадут высшую цену на аукционах в Чарльстоне, Картахене и Гаване. Они просто набирают отчаявшихся людей и

строят фабрику, производящую пиджаки, или джинсы, или кроссовки, или автомобильные и компьютерные комплектующие и многое другое, что они могут продать на рынках, выбранных по своему усмотрению. Им даже не обязательно самим владеть фабрикой: они могут нанять местного бизнесмена, который будет делать всю черную работу за них.

Эти мужчины и женщины считают себя честными и порядочными. Они привозят домой фотографии живописных мест и античных руин, чтобы показать их своим детям. На семинарах они похлопывают друг друга по плечу и

обмениваются советами, как обходиться со странностями таможни в дальних странах. Их боссы нанимают адвокатов, чтобы заверить их, что их деятельность совершенно законна. В их распоряжении — психотерапевты и другие специалисты, убеждающие их в том, что они помогают этим бедным, отчаявшимся людям.

Работорговец прошлого говорил себе, что он имеет дело с особями, не являющимися вполне людьми; что он предлагает им возможность стать христианами. Кроме того, он понимал, что рабы — это залог выживания его общества, основа экономики. Современные

работоторговцы уверяют себя, что отчаявшимся людям лучше получить один доллар в день, чем вообще ничего, при этом они интегрируются в мировое сообщество. Они также понимают, что эти отчаявшиеся люди — залог выживания его (ее) компании, основа его (ее) собственного образа жизни. Они ни на минуту не задумываются о более отдаленных последствиях того, что они сами, их образ жизни и вся стоящая за ними экономическая система делает с миром — или о том, как в конечном итоге все это влияет на будущее их детей.»

Глава 31. ПРОВАЛ ЭУ В ИРАКЕ

Должность президента «Ай-пи-эс» в 1980-х и консультанта в «SWEC» в конце 1980-х и 1990-х годах давала мне возможность получать информацию об Ираке, недоступную для большинства людей. Действительно, в 1980-х годах большинство американцев очень мало знали об этой стране. Она просто не находилась в поле их зрения. Однако я был заинтригован происходящим там.

Я поддерживал отношения со старыми друзьями, сотрудниками

Всемирного банка, USAID, Международного валютного фонда, с другими финансовыми организациями, а также с сотрудниками «Бектел» (включая моего тестя), «Халлибертон» и других крупнейших инженерных и строительных компаний. Многие инженеры, работавшие на субподрядчиков «Ай-пи-эс», также имели отношение к проектам на Ближнем Востоке.

Я прекрасно знал, что ЭУ усердно работали в Ираке. Администрация Рейгана и Буша была намерена превратить Ирак в еще одну Саудовскую Аравию. У Саддама Хусейна было много веских причин

следовать примеру дома Сауда. Ему приходилось довольствоваться лишь созерцанием тех выгод, которые саудовцам принесла операция по отмыванию денег. С момента подписания сделки в саудовских пустынях выросли современные города, пожирающие мусор козы Эр-Рияда уступили место чистеньким грузовикам, а саудовцы наслаждались плодами самых передовых технологий в мире: современными опреснительными заводами, системами очистки сточных вод, системами связи, энергетическими системами.

Несомненно, Саддам Хусейн знал и о том, что к саудовцам было

особое отношение и в вопросах международного права. Их хорошие друзья в Вашингтоне закрывали глаза на многие деяния саудовцев, включая финансирование фанатически настроенных группировок, многие из которых в мире считались радикальными и чуть ли не террористическими, а также укрывание международных преступников. Фактически, Соединенные Штаты активно добивались от Саудовской Аравии финансовой поддержки для Усамы бен-Ладена в его войне против Советского Союза в Афганистане и получили ее. Администрация Рейгана и Буша не просто поддержи—

вала саудовцев в этом отношении; она оказывала давление и на другие страны с тем, чтобы они поступали так же или, по меньшей мере, смотрели на происходящее сквозь пальцы.

В 1980-х в Багдаде было много ЭУ. Они полагали, что Саддам в конце концов поймет, что от него требуется; я был вполне согласен с этим предположением. В конечном итоге, если бы Ирак достиг с Вашингтоном таких же договоренностей, как саудовцы, Саддам мог бы остаться вполне самостоятельным в управлении страной и даже расширить сферу своего влияния в этой части света.

И даже не имело значения, что он — патологический тиран, что на его совести — массовые убийства, что своими манерами и жестокостью он напоминает Гитлера. Соединенные Штаты не раз мирились и даже поддерживали подобные личности и раньше. Мы были бы счастливы предложить ему государственные ценные бумаги в обмен на нефтедоллары, на гарантии нефтяных поставок, на сделку, по которой получаемый доход от ценных бумаг шел бы на оплату американских подрядчиков, развивавших инфраструктуру Ирака, строивших новые города, превращавших пустыни в оазисы. Мы

готовы были продавать ему танки и истребители, строить химические заводы и атомные реакторы, как это делалось во многих других странах, даже если эти технологии, как нетрудно было догадаться, могли быть использованы для производства современных систем вооружения.

Ирак был исключительно важен для нас, значительно более важен, чем это может показаться на первый взгляд. Вопреки расхожему мнению, Ирак — это не только нефть. Это вода и геополитика. Реки Тигр и Евфрат протекают через Ирак. Таким образом, Ирак — единственная страна в регионе, контролирующая важнейшие источники воды,

потребность в которой все больше возрастает. В 1980-х годах значение воды — и в политическом, и в экономическом отношении — стало очевидным для тех из нас, кто работал в энергетике и в инженерно-строительном бизнесе. В приватизационной гонке многие крупные компании, положившие глаз на небольшие независимые энергетические компании, теперь задумались о приватизации водных систем в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Помимо нефти и воды, стратегическую ценность представляет и само местоположение Ирака. Он граничит

с Ираном, Кувейтом, Саудовской Аравией, Иорданией, Сирией, Турцией; ему принадлежит часть береговой линии Персидского залива. Расстояние до Израиля и до бывшего Советского Союза легко может быть преодолено ракетами. Военные стратеги приравнивают Ирак к долине реки Гудзон в период войн с французами и индейцами и в период Американской революции. В XVIII веке французы, англичане и американцы знали: кто контролирует долину Гудзона, тот контролирует континент. Сегодня всем известно: кто контролирует Ирак, тот держит ключ к контролю над Ближним Востоком.

В дополнение ко всему, Ирак представляет собой обширный рынок для американских технологий и инженерии. Тот факт, что в его недрах находится одно из крупнейших нефтяных месторождений в мире (по некоторым оценкам, крупнее, чем в Саудовской Аравии), гарантировал бы возможность финансирования Ираком гигантских программ индустриализации и развития инфраструктуры. Все крупнейшие игроки — инженерные и строительные компании; поставщики компьютерных систем, производители самолетов, ракет и танков; фармацевтические и

химические компании — все сосредоточили внимание на Ираке.

Однако к концу 1980-х стало ясно, что Саддам не купился на сценарий ЭУ. Это вызвало огромное разочарование и замешательство у администрации Буша. Как и Панама, Ирак внес свой вклад в создание имиджа Х.У.Буша как слабовольного человека. Буш искал выход; Саддам сам помог ему. В августе 1990 года он вторгся в богатый нефтью соседний эмират Кувейт. Ответом Буша было осуждение Саддама за нарушение международного права, хотя еще и года не прошло со времени незаконного и одностороннего вторжения в Панаму,

организованного им самим. Неудивительно, что президент в конце концов пошел на решительную военную атаку. Американские части численностью пятьсот тысяч человек были посланы в страну в составе международной группировки. В начале 1991 года военные и гражданские объекты в Ираке подверглись бомбардировке с воздуха. За ней последовала сточасовая атака на земле, в результате которой войска Ирака, значительно уступающие в численности и вооружении, стремительно отступили. Кувейт был спасен. Настоящий деспот понес наказание, хотя и не попал в руки

правосудия. Рейтинг популярности Буша у американцев подскочил до 90 процентов. Во время вторжения в Ирак я был на заседаниях в Бостоне — это был один из немногих случаев, когда меня попросили действительно что-то сделать для «SWEC». Я ясно помню, с каким энтузиазмом было встречено решение Буша. Естественно, сотрудники «Стоун энд Уэбстер» были взволнованы, но не только потому, что мы дали отпор диктатору-убийце. Для них победа США в Ираке означала увеличение объема работы, огромные прибыли, продвижение по службе, повышение зарплаты. Но радовались не только те, кому война напрямую приносила

выгоду. Люди во всей стране жаждали увидеть доказательства военной силы государства. Думаю, для таких ожиданий было много причин, включая перемену в философии властей, которая произошла, когда Рейган одержал победу над Картером на выборах; были освобождены заложники в Иране и Рейган объявил о своем намерении пересмотреть соглашение о Панамском канале. Вторжение Буша в Панаму раздуло затухавшее пламя.

Думаю, однако, что за патриотической риторикой и призывами к действию крылись значительно более тонкие перемены

в том, как американские корпорации — и соответственно все люди, работавшие на них, — оценивали мир. Марш по направлению к глобальной империи, участником которого стали многие страны, был реальностью. Идеи глобализации и приватизации глубоко внедрялись в наше сознание.

По большому счету это касалось не только Соединенных Штатов. Глобальная империя наконец стала самой собой, перешагнув все границы. Ранее считавшиеся американскими корпорации стали по-настоящему международными, даже с юридической точки зрения. Многие из них были

зарегистрированы или открыли свои филиалы в разных странах. Теперь они могли работать по тем правилам и предписаниям, которые сами выбирали из множества, а огромное количество международных торговых организаций и соглашений еще больше упрощали такую деятельность. Слова «демократия», «социализм» и «капитализм» почти что вышли из употребления, стали ненужными. Корпоратократия стала реальностью, и она прилагала все больше усилий, чтобы стать единственным фактором, влияющим на мировую экономику и политику.

Так получилось, что я уступил корпоратократии, когда в ноябре

1990 года продал «Ай–пи–эс». Для меня и моих партнеров это была выгодная сделка, однако основной причиной было то, что «Эшлэнд ойл компани» стала оказывать на нас сильное давление. Мой опыт подсказывал, что борьба с ними потребует очень больших затрат, тогда как продажа компании обогатит нас. По иронии судьбы нефтяная компания становилась владельцем моей фирмы, производившей альтернативную энергию, — в чем-то я чувствовал себя предателем.

Работа в «SWEC» почти не отнимала времени. Иногда меня просили прилететь в Бостон для

участия в заседаниях или помочь подготовить деловое предложение. Иногда меня посылали в такие места, как Рио-де-Жанейро, чтобы пообщаться там с местными воротилами. Однажды мне пришлось лететь в Гватемалу на частном самолете. Я часто звонил проектным менеджерам, чтобы напомнить, что я получаю зарплату и готов к работе. Я испытывал угрызения совести, потому что, получая такие деньги, почти ничего не делал. Я хорошо знал бизнес и стремился быть полезным. Но этого просто не требовалось. Меня преследовал образ человека, про каких обычно говорят «ни нашим, ни вашим». Я

хотел делать что-то, что оправдывало бы мое существование и обернуло все негативные стороны моего прошлого в нечто позитивное. Я продолжал тайком — и урывками — работать над «Совестью экономического убийцы», хотя и не обманывал себя надеждой, что она когда-нибудь увидит свет.

В 1991 году я начал сопровождать небольшие группы людей в Амазонию, где они общались с шуарами и учились у них. Шуары были готовы поделиться своими знаниями о взаимодействии с природой и о древних методах лечения. В течение следующих лет спрос на такие поездки резко возрос;

в результате сформировалась некоммерческая организация «Дрим чейндж коалишн». Пытаясь изменить взгляд людей из промышленно развитых стран на нашу землю и взаимоотношения с ней, «Дрим чейндж» обрела последователей в мире и помогла создать организации с аналогичными задачами во многих странах. Журнал «Тайм» назвал ее в числе тринадцати организаций, чьи сайты в Интернете наилучшим образом отражают идеалы и задачи Дня земли [\[78\]](#).

На протяжении 1990–х я все больше втягивался в мир некоммерческих организаций: одни помогал создавать, в других состоял

членом правления. Многие из них стали результатом самозабвенной работы сотрудников «Дрим чейндж». Они работали с местными племенами в Латинской Америке — шуарами и ачуарами в Амазонии, кечуа в Андах, майя в Гватемале — или рассказы-вали людям в Соединенных Штатах и Европе об этих культурах. «SWEC» одобряла эту филантропическую деятельность; она была в русле приверженности самой «SWEC» идеям «Юнайтед уэй». Кроме того, я писал книги о туземных культурах, избегая любых упоминаний о моей деятельности в качестве ЭУ. Помимо того что эта работа скрашивала мою скуку, она

давала мне возможность поддерживать связь с Латинской Америкой, а также быть в курсе политических событий, которые меня всегда интересовали. Но как я ни старался убедить себя в том, что моя некоммерческая деятельность и писательский труд уравнивают чаши весов, что я в чем-то искупаю вину за свою деятельность в прошлом, мне приходилось все труднее. В глубине души я понимал, что перекладываю ответственность на свою дочь. Джессика унаследует мир, в котором миллионы детей уже рождаются должниками, и они никогда не смогут выплатить этот долг.

И ответственность за это нес я.

Мои книги становились популярными, особенно одна: «Мир таков, каким ты его хочешь видеть». Успех этой книги привел к тому, что меня стали все чаще приглашать для проведения семинаров и чтения лекций. Иногда, стоя перед аудиторией в Бостоне, Нью-Йорке или Милане, я удивлялся иронии ситуации: если мир таков, каким ты хочешь его видеть, то почему я хотел видеть его именно таким? Как я мог играть такую активную роль в претворении в жизнь этого кошмара?

В 1997 году «Омега институт» пригласил меня провести недельный семинар на Карибах, на острове

Сент-Джон. Я прилетел поздно вечером. Проснувшись утром, я вышел на маленький балкончик и обнаружил, что смотрю на тот самый залив, где семнадцать лет назад я принял решение уйти из МЕЙН.

Я повалился на стул и разрыдался.

Всю неделю я проводил большую часть свободного времени на этом балконе, глядя на залив и пытаясь разобраться в своих чувствах. Я понял, что, хотя я и уволился из МЕЙН, я не сделал следующего шага и что мое решение оставаться «ни нашим, ни вашим» ежедневно и настоятельно требовало расплаты. К концу недели я пришел к

заклучению, что мир вокруг меня быш не таким, каким я хотел бы его видеть, и что мне необходимо сделать в точности то, чему учил своих студентов: изменить свои мечты таким образом, чтобы они отражали то, чего я действительно хотел в своей жизни.

Вернувшись домой, я отказался от своей должности консультанта. Президент «SWEC», принимавший меня на работу, к тому времени уже вышел на пенсию. Его место занял новый человек. Он был моложе меня, и, по всей видимости, его не волновали мои откровения. Он начал программу снижения расходов и был очень доволен, что ему больше не

придется платить мне мою
заоблачную зарплату.

Я решил закончить книгу, над которой работал так долго, и уже само это решение принесло мне чувство облегчения. Я поделился соображениями о книге со своими близкими друзьями, в основном из некоммерческого мира, которые занимались туземными культурами и сохранением ливневых лесов. К моему удивлению, они пришли в ужас. Они опасались, что мои откровения поставят под угрозу и мою преподавательскую деятельность, и некоммерческие организации, которые я поддерживал. Многие из нас

помогали амазонским племенам защищать свои земли от нефтяных компаний; твои признания, говорили мне, подорвут доверие к тебе и помешают всему движению. И опять я прекратил работу над книгой. Вместо этого я стал сопровождать людей в дебри Амазонки, показывая им места и племена, еще не тронутые цивилизацией. Там я и был 11 сентября 2001 года.

Глава 32. 11 СЕНТЯБРЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ

10 сентября 2001 года я находился в Эквадоре. Вместе с Шакаймом Чумпи, моим соавтором по книге «Дух шуаров», мы спускались по течению одной из рек в бассейне Амазонки. Мы сопровождали группу из шестнадцати североамериканцев в его общину, жившую в дебрях ливневых лесов. Эти люди приехали, чтобы узнать о его народе и помочь им в сохранении драгоценных лесов.

Незадолго до этого Шакайм с

оружием в руках участвовал в конфликте между Эквадором и Перу. Большинство людей в крупнейших странах, потребляющих нефть, никогда не слышали об этой войне, хотя она велась прежде всего за то, чтобы их продолжали бесперебойно обеспечивать нефтью. Давний пограничный спор между соседями потребовал немедленного разрешения. Срочность объяснялась тем, что нефтяным компаниям необходимо было знать, с какой страной вести переговоры о нефтяных концессиях на определенные участки нефтеносных земель. Необходимо было четко определить границы. Шуары стали

первой линией обороны Эквадора. Они всегда были беспощадными воинами, способными противостоять превосходящему по численности и вооружению противнику. Шуары ничего не знали о политической подоплеке этой войны и о том, что исход войны откроет двери нефтяным компаниям. Они сражались, потому что их предки были воинами и потому что они не собирались допускать иностранных солдат на свои земли.

Пока мы продвигались на лодке по реке, наблюдая за раскричавшимися над нашими головами попугаями, я спросил Шакайма, соблюдается ли все еще

перемирие.

— Да, — ответил он, — но боюсь, я должен сказать, что теперь мы готовимся к войне с вами. — Он стал объяснять, что, конечно, не имел в виду меня лично или людей из группы. — Вы наши друзья, — заверил он меня.

По его словам, он имел в виду наши нефтяные компании и военных, которые придут в джунгли, чтобы охранять нефтяников.

— Мы видели, что они сделали с племенем гуарани. Они уничтожили их леса, загрязнили реки, убили много людей, и даже детей. Сегодня гуарани уже практически не существуют как народ. Мы не

допустим, чтобы такое случилось с нами. Мы не допустим на наши земли ни нефтяные компании, ни перуанцев. Мы все поклялись бороться до последнего человека [\[79\]](#).

В тот вечер наша группа сидела вокруг костра в красивом шуарском традиционном длинном Доме племени, построенном из расщепленного бамбука, воткнутого в землю и накрытого соломенной крышей. Я рассказал им о своем разговоре с Шакаймом. Мы все подивились, как много людей в мире испытывали сходные чувства по отношению к нефтяным компаниям и нашей стране. Сколько людей, подобно шуарам, ужасались при

мысли, что мы войдем в их жизнь и уничтожим их культуру и их земли? Сколько ненавидели нас?

На следующее утро я пошел в маленький офис, где находилась рация. Мне нужно было договориться с пилотами, чтобы нас забрали через несколько дней. Я разговаривал с ними по рации, когда услышал крик.

— Боже мой! — закричал мой собеседник по сеансу радиосвязи. — Атака на Нью-Йорк! — Он включил погромче работавший у него другой радиоприемник, который до этого тихо играл музыку, чтобы мне было его слышно. В течение получаса мы слушали репортаж о событиях, разворачивающихся в Соединенных

Штатах. Это время я, как и все другие, никогда не забуду. Вернувшись во Флориду, я решил посетить «Граунд Зеро» — место, где раньше находились башни Всемирного торгового центра. Я прилетел в Нью-Йорк днем и зарегистрировался в отеле. Стоял солнечный ноябрьский день, воздух был насыщен ароматами. Полный энтузиазма, я шел вдоль Центрального парка, а затем направился к той части города, где когда-то проводил много времени, — к тому месту около Уолл-стрит, которое теперь называлось «Граунд Зеро».

По мере приближения к этому

месту мой энтузиазм сменялся ужасом. Виды и запахи подавляли: это были немыслимые разрушения. Искореженные, оплавленные остовы когда-то величественных зданий; обломки; тошнотворный запах дыма, обуглившихся развалин, горелой плоти. Я видел это по телевизору, но находиться здесь — это было совершенно другое.

Я не был к этому готов, и особенно — увидеть людей. Прошло два месяца, а они все стояли вокруг, те, кто жил или работал неподалеку, те, кому удалось выжить. Перед своей обувной мастерской сидел египтянин. Он покачивал головой, все еще не в силах поверить в то, что

произошло.

— Не могу к этому привыкнуть,
— пробормотал он. — Я потерял
многих клиентов, многих друзей.
Мой племянник там погиб. — Он
показал на небо. — По-моему, я
видел, как он прыгнул. Я не знаю...
Так много людей прыгали. Они
махали руками, как будто могли
летать.

Удивляло то, как люди
разговаривали друг с другом. В Нью-
Йорке. Я говорю не о словах. Они
встречались глазами. Лица были
хмурые, но люди обменивались
взглядами, полными сострадания,
печальными полу-улыбками,
которые говорили больше, чем

МИЛЛИОН СЛОВ.

Но было и еще что-то необычное в самом месте. Сначала я не мог понять, что это. Потом понял: солнечный свет. В те времена, когда я совершал поездки в эту часть города, чтобы организовать финансирование для «Ай-пи-эс», когда я обговаривал стратегию с инвестиционными банкирами за ужином в ресторане «С видом на мир» на башне торгового центра, нижний Манхэттен был похож на темное ущелье. Если кому-то хотелось видеть лучи солнца, ему приходилось подниматься на вершину Всемирного торгового центра. А теперь свет достигал даже уровня первого этажа. Ущелье

разверзлось, и нас, стоявших на улице рядом с развалинами, согревало солнце. Я не мог удержаться от мысли: не вид ли неба, не свет ли помогали людям открыть свои души? Но уже само то, что я думал об этом, порождало чувство вины.

Я повернул за угол церкви Святой Троицы и пошел вниз по Уолл-стрит. Обратно в старый Нью-Йорк, погруженный в тень. Ни неба, ни света. Люди спешили по своим делам, не замечая друг друга. Полицейский что-то кричал водителю заглохшей машины.

Я присел на первую же попавшуюся лестницу. Это был дом

номер четырнадцать. Откуда-то доносился шум гигантских вентиляторов, перекрывавший все остальное. Похоже, он шел от массивной каменной стены здания Нью-Йоркской фондовой биржи. Я наблюдал за людьми. Они спешили по своим делам, шли с работы, торопились домой или направлялись в бар или ресторан на деловой ужин. Некоторые шли по двое, болтая друг с другом, хотя большинство шли поодиночке. Я пытался встретиться с кем-нибудь взглядом — мне не удалось.

Вой сработавшей автомобильной сигнализации прервал ход моих мыслей и заставил

посмотреть в глубь улицы. Я взглянул в направлении звука. Из дверей офисного здания выскочил человек, направил пульт дистанционного управления в сторону машины — завывания прекратились. Я молча сидел на ступенях еще несколько минут. Затем достал из кармана аккуратно сложенный лист бумаги, исписанный цифрами.

А потом я увидел его. Он шел шаркающей походкой, глядя под ноги. У него была жидкая седая борода; одет он был в грязный плащ, который выглядел совершенно неуместно в этот теплый день на Уолл-стрит. Я понял, что передо мной афганец. Он взглянул на меня. Затем, после

секундного колебания, стал подниматься по лестнице. Вежливо кивнув, он присел в ярде от меня. Поэтому, как он держался, я понял, что он не против, если я с ним заговорю.

— Чудесный день.

— Красивый. — У него был сильный акцент. — В такие времена нам нужен солнечный свет.

— Вы имеете в виду, из-за Всемирного торгового центра?

Он кивнул.

— Вы из Афганистана?

Он пристально посмотрел на меня.

— Это так заметно?

— Я много путешествовал. Недавно я был в Гималаях, в

Кашмире.

— Кашмир. — Он потянул себя за бороду. — Война.

— Да, Индия и Пакистан, индуисты и мусульмане. Заставляет задуматься о роли религии, не правда ли?

Наши взгляды встретились. У него были темно-коричневые, почти черные глаза. В них была мудрость и печаль. Он повернулся к зданию Нью-Йоркской фондовой биржи. Длинным искривленным пальцем он указал на здание.

— А может быть, — согласился я, — это из-за экономики, не религии.

— Вы были солдатом?

Я не смог удержаться от смешка.

— Нет. Экономическим

консультантом. — Я вручил ему лист с цифрами. — Вот мое оружие.

Он взял листок.

— Цифры.

— Международная статистика.

Он какое-то время рассматривал цифры, потом рассмеялся:

— Я не умею читать. — С этими словами он вернул мне листок.

— Цифры говорят нам о том, что двадцать четыре тысячи человек умирают каждый день от голода.

Он тихо присвистнул, затем, немного подумав, вздохнул.

— Я чуть было не стал одним из них. У меня была маленькая

гранатовая ферма недалеко от Кандагара. Пришли русские; моджахеды попрятались за моими деревьями и в арыках. — Он изобразил, как солдаты целились из винтовки. — Прятались в засаде. — Он опустил руки. — Все мои деревья и арыки были уничтожены.

— И что вы сделали после этого?

Он кивнул на листок у меня в руках.

— Здесь говорится что-нибудь о нищих?

Там не было этих цифр, но я их помнил.

— По-моему, около восьмидесяти миллионов в мире.

— Я стал одним из них. — Он в задумчивости покачал головой. Несколько минут мы молчали, потом он заговорил снова: — Мне не нравилось просить милостыню. Мой ребенок умирал. Я стал выращивать мак.

— Опиум?

Он пожал плечами:

— Воды нет, деревьев нет. Это единственный способ прокормить наши семьи.

Я почувствовал комок в горле; чувство печали во мне смешивалось с чувством вины.

— По нашим понятиям, выращивание опийного мака — преступление, хотя многие из наших

богачей обязаны своим состоянием торговле наркотиками.

И опять наши глаза встретились. Казалось, его взгляд проникает мне в душу.

— Ты был солдат, — сказал он, кивнув головой, как будто подтверждая этот простой факт.

Затем он медленно поднялся и, хромая, стал спускаться по ступеням. Я хотел задержать его, но не смог произнести ни слова. Я поднялся и поспешил за ним. Внизу мое внимание привлекла табличка. На ней было изображено здание, на ступенях которого я только что сидел. Надпись уведомляла прохожих, что здание было возведено

«Херитэдж трэйлз оф Нью-Йорк». На табличке было написано:

«Дом 14 по Уолл-стрит спроектирован так, словно разработчики желали водрузить Галикарнасский Мавзолей на колокольню Святого Марка в Венеции и поместить эту конструкцию на пересечении Уолл-стрит и Бродвея. В небоскребе высотой 539 футов, бывшем одно время самым высоким банковском зданием, первоначально располагался головной офис «Бэнкерс траст», одного из самых влиятельных финансовых учреждений страны».

В благоговейном трепете я

взирал на это здание. В начале прошлого века дом 14 по Уолл-стрит играл ту же роль, которую впоследствии стал играть Всемирный торговый центр; это был символ власти и экономического господства. В нем располагался «Бэнкерс траст» — организация, финансирувавшая мою энергетическую компанию. Это было существенной частью моего наследия — наследия солдата, по меткому выражению афганского старика.

То, что день завершился беседой со стариком именно здесь, казалось странным совпадением. Случайным совпадением. Эти слова привлекли

мое внимание. Я размышлял о том, как наши реакции на случайности влияют на нашу жизнь. Как мне реагировать на эту?

Я шел по улице, вглядываясь в лица прохожих. Но старик исчез. Рядом со следующим зданием стояла огромная статуя, закутанная в голубую пленку. Надпись на каменном фасаде здания сообщала о том, что здесь был «Federal Hall», знаменитый зал Федерального собрания в старой нью-йоркской мэрии, дом 26 по Уолл-стрит, где 30 апреля 1789 года Джордж Вашингтон принес присягу, вступая в должность президента — первого президента Соединенных Штатов. На этом

самом месте принес присягу первый человек, которому доверили ответственность за жизнь, свободу, возможность счастья для всех людей. Так близко к «Граунд Зеро»; так близко к Уолл-стрит.

Обогнув квартал, я вышел к Пайн-стрит, где уткнулся в здание, в котором располагался головной офис основанного Дэвидом Рокфеллером «Чейз-банка», взошедшего на нефтяных деньгах, урожаи которого пожинали такие люди, как я. Этот банк, обслуживавший ЭУ и умело продвигавший глобальную империю, во многих отношениях был символом корпоратократии.

Я читал, что Дэвид Рокфеллер

начал строить Всемирный торговый центр в 1960-х и что сейчас этот комплекс считался устаревшим. Оснащенный неудобной и дорогостоящей системой лифтов, он не вписывался в современный мир оптоволоконна и Интернета. Когда-то башни получили прозвища «Дэвид» и «Нельсон». Теперь зданий не было.

Я медленно, почти с неохотой, брел по улице. Несмотря на теплый день, я чувствовал озноб. Я испытывал странную тревогу; мною овладело нехорошее предчувствие. Не в состоянии понять источник этой тревоги, я попытался стряхнуть ее, возобновив свой путь. И вот опять я смотрел на эту обугленную дыру,

искореженный металл — страшный шрам на теле земли. Опершись на стену соседнего, уцелевшего здания, я стал смотреть в яму. Я пытался представить себе, как метались люди, предпринимая отчаянные попытки выбраться из разваливавшегося здания, как врывались в здание пожарники, чтобы помочь им. Я пытался думать о людях, которые прыгали из окон, какое отчаяние они чувствовали. Но эти мысли не достигали моего сознания. Вместо этого я видел, как Усама бен-Ладен получает деньги и оружие на миллионы долларов от сотрудника консалтинговой фирмы, имеющей контракт с правительством

США. А потом я увидел себя, сидящего перед пустым экраном компьютера.

Я посмотрел в сторону, противоположную «Граунд Зеро» — на улицы Нью-Йорка, не тронутые огнем. Они возвращались к своей обычной жизни. Что думали люди, спешившие сегодня по улице, обо всем этом — не просто о разрушенных башнях, а об уничтоженных гранатовых фермах, о тех двадцати четырех тысячах, ежедневно в страданиях умирающих от голода. Задумываются ли люди об этом вообще? В состоянии ли они оторваться от своей работы, от своих пожирающих бензин машин, от

процентных выплат — оторваться от всего этого, чтобы задуматься о собственном вкладе в тот мир, который мы передаем своим детям. Что они знали об Афганистане — не о том, который они видят по телевизору, — заставленном палатками и танками американских военных, а об Афганистане того старика? Что думают те двадцать четыре тысячи людей, каждый день умирающие от голода?

А потом я опять увидел себя, сидящего перед пустым экраном компьютера.

Я заставил себя снова взглянуть на «Граунд Зеро». Сейчас ясно было только одно: моя страна намерена

мстить — и все зло собирается выместить на таких странах, как Афганистан. Я думал о других местах в мире, где люди ненавидят наши компании, наших военных, нашу политику и нашу твердую поступь строителей новой глобальной империи.

А что Панама, Эквадор, Индонезия, Иран, Гватемала, большая часть Африки? — думал я.

Оторвавшись от стены, я возобновил свой путь. Невысокий смуглый человек, размахивая газетой, что-то кричал по-испански. Я остановился.

— Венесуэла на грани революции! — кричал он, пытаясь

перекрыть шум моторов, гудки машин, гомон толпы. Купив у него газету, я несколько минут изучал передовую статью. Она была посвящена Уго Чавесу, демократически избранному президенту, известному антиамериканскими настроениями. Кроме того, в ней говорилось о волне ненависти, которую вызывала политика США в Латинской Америке.

А что же Венесуэла?

Глава 33. ВЕНЕСУЭЛА: СПАСЕННАЯ САДДАМОМ

Я следил за Венесуэлой много лет. Это был классический пример страны, поднявшейся из ничего за счет нефти. Пример того, какую кашу могут заварить нефтяные деньги. Это была страна состояний, возникших на нефти, страна контрастов между богатыми и бедными, страна, бессовестно эксплуатируемая корпоратократией. Она могла бы послужить образцом того места, где старомодные ЭУ вроде меня работали рука об руку со своими

коллегами нового образца — корпоративными ЭУ.

События, о которых я прочитал в тот день в газете, стоя у «Граунд Зеро», стали прямым результатом выборов 1998 года, когда бедные и обездоленные в Венесуэле подавляющим большинством голосов избрали Уго Чавеса своим президентом [\[80\]](#). Он немедленно ввел драконовские меры, установив контроль над судами и другими учреждениями и распустив конгресс Венесуэлы. Он обвинил Соединенные Штаты в «бесстыдном империализме», яростно выступал против глобализации и ввел закон об углеводородах, напоминая, даже

названием, разработанный Хайме Ролдосом в Эквадоре незадолго до крушения его вертолета. Закон предусматривал двойное увеличение сборов с иностранных нефтяных компаний. Затем Чавес поставил под сомнение традиционную независимость государственной нефтяной компании «Петролеос де Венесуэла», заменив ее руководство своими людьми [\[81\]](#).

Нефть Венесуэлы имеет первостепенное значение для многих стран в мире. В 2002 году Венесуэла была четвертым по величине экспортером нефти и третьим поставщиком нефти в США [\[82\]](#). «Петролеос де Венесуэла», имея

сорок тысяч сотрудников и продавая ежегодно нефти на 50 миллиардов долларов, обеспечивает 80% экспортных доходов страны. Сегодня она остается важнейшим фактором экономики Венесуэлы [\[83\]](#). Установив контроль над нефтяной промышленностью страны, Чавес стал важным игроком на международной арене.

Многие венесуэльцы поняли это как исполнение предначертанного ранее, как завершение процесса, который начался восемьдесят лет назад. 14 декабря 1922 года огромный фонтан вырвался из-под земли около Маракайбо. В течение последующих трех дней в воздух

ежедневно выбрасывалось сто тысяч баррелей сырой нефти, и это геологическое событие изменило Венесуэлу навсегда. К 1930 году Венесуэла была крупнейшим экспортером нефти в мире. Венесуэльцы смотрели на нефть как на решение всех своих проблем.

Доходы от продажи нефти позволили Венесуэле, одной из беднейших стран в мире, превратиться в одно из самых богатых государств Латинской Америки. Все важнейшие статистические показатели экономики начали улучшаться: здравоохранение, образование, занятость, продолжительность

жизни, снизился уровень детской смертности. Бизнес расцвел.

Во время нефтяного эмбарго ОПЕК 1973 года цены на нефть взмыли, и бюджет Венесуэлы вырос вчетверо. На дело вышли ЭУ. Международные банки наводнили страну кредитами на модернизацию инфраструктуры, промышленные проекты, высочайшие небоскребы на континенте. Затем, в 1980-х, появились корпоративные ЭУ. Для них это была прекрасная возможность поточить прорезавшиеся зубы. Средний класс Венесуэлы значительно увеличился, представляя собой готовый рынок для широкого спектра товаров, хотя

все еще оставалась значительная доля беднейшего населения, из которого можно было черпать трудовые ресурсы для потогонных линий и фабрик.

А потом произошел обвал цен на нефть, и Венесуэла оказалась не в состоянии выплачивать долги. В 1989 году МВФ потребовал введения жестких мер экономии и оказал давление на Каракас по ряду направлений в целях поддержки корпоратократии. Венесуэльцы ответили яростным протестом: в столкновениях погибли более двухсот человек. Иллюзия о неисчерпаемом нефтяном ресурсе была развеяна. В период между 1978-м и 2003 годами

доход на душу населения упал на 40 процентов [\[84\]](#). С ростом нищеты росло и недовольство. В обществе углубилась поляризация; при этом средний класс оказался противопоставленным беднякам. Как это часто бывает в странах, где экономика зависит от нефти, радикально изменились демографические показатели. Ухудшение положения дел в экономике сказалось на среднем классе; многие оказались вытолкнуты в категорию бедняков.

Новая социально-демографическая ситуация подготовила приход Чавеса — и конфликт с Вашингтоном. Придя во

власть, Чавес предпринял действия, которые бросали вызов администрации Буша. Как раз перед 11 сентября Вашингтон обдумывал дальнейшие действия. ЭУ потерпели неудачу; не пора ли выпускать шакалов?

Но 11 сентября изменило приоритеты. Президент Буш и его союзники были заняты тем, что убеждали мировое сообщество поддержать действия США в Афганистане и вторжение в Ирак. К тому же экономика США находилась на спаде. Венесуэла отошла на задний план. Однако было ясно, что в какой-то момент Буш и Чавес снова столкнутся. Поскольку

нефтяные поставки из Ирака и других ближневосточных стран находились под угрозой, Вашингтон не мог себе позволить надолго забыть о Венесуэле.

Мое посещение «Граунд Зеро» и прогулка по Уолл-стрит, встреча с афганским стариком, статья о Венесуэле Чавеса подвели меня к той черте, которую я в течение многих лет пытался не переходить, и заставили прямо взглянуть на последствия того, что я делал в последние три десятилетия. Я не мог отрицать ни ту роль, которую сыграл, ни тот факт, что моя работа в качестве ЭУ теперь оказывает самое негативное влияние на поколение

моей дочери. Я знал, что больше уже не могу откладывать свои действия, направленные на искупление моей вины. Мне нужно было очиститься от своей жизни, очиститься таким образом, чтобы помочь людям пробудиться, узнать о существовании корпоратократии и понять, почему столько людей в мире ненавидят нас.

Я снова начал писать, но по мере написания книги я стал понимать, что моя история слишком стара. Мне надо было как-то увязать ее с современностью. Я подумывал, не поехать ли в Афганистан, Ирак и Венесуэлу, чтобы написать современный комментарий об этих трех странах. Похоже, они воплощали

всю иронию современной обстановки в мире: все они прошли через болезненные политические потрясения; сейчас их возглавляли лидеры, оставлявшие желать много лучшего (жестокие и деспотичные талибы, психопат Саддам, экономический неумейка Чавес), и все-таки ни в одном случае корпоратократия не пыталась разрешить более глубокие проблемы этих стран. Вместо этого ее действия сводились лишь к попыткам подорвать положение лидеров, вставших на пути нефтяных компаний. Во многих отношениях Венесуэла таила в себе интригу. Военное вторжение в Афганистан

уже произошло, а в Ираке вот-вот должно было начаться. Действия же администрации в отношении Чавеса оставались загадкой. На мой взгляд, вопрос заключался не в том, был ли Чавес хорошим руководителем; дело было в реакции Вашингтона на лидера, который встал на пути продвижения корпоратократии к глобальной империи. Однако еще до того, как у меня появилось время для организации такой поездки, опять вмешались обстоятельства. По делам некоммерческой организации я несколько раз приезжал в Латинскую Америку. В одной из поездок я путешествовал вместе с венесуэльской семьей. Их фирмы

обанкротились в период правления Чавеса. Мы подружились; я увидел ситуацию их глазами. Я также познакомился с латиноамериканцами, находившимися на противоположном краю экономического спектра. Они считали Чавеса спасителем. События, разворачивавшиеся в Каракасе, были симптоматичны для мира, созданного нами, ЭУ.

К декабрю 2002 года ситуация в Венесуэле и Ираке достигла критической точки. Эти две страны представляли собой противоположности. В Ираке все усилия как ЭУ, так и шакалов принудить Саддама к послушанию

провалились. Теперь мы готовились к последнему средству — к вторжению. В Венесуэле администрация Буша готовилась ввести в игру модель Кермита Рузвельта в Иране. «Нью-Йорк тайме» писала:

«Сотни тысяч венесуэльцев сегодня заполнили улицы, чтобы заявить о своей поддержке всеобщей забастовки, идущей уже 28 дней, требованием которой является отставка президента Уго Чавеса.

Забастовка, в которой участвуют около тридцати тысяч рабочих—нефтяников, грозит посеять хаос в этой стране, пятом по величине поставщике нефти в мире, на долгие

месяцы...

В настоящее время ситуация зашла в тупик. Чавес использует не участвующих в забастовке рабочих, чтобы нормализовать работу государственной нефтяной компании. Однако его оппоненты, возглавляемые коалицией бизнесменов и профсоюзных лидеров, утверждают, что их забастовка приведет компанию и, соответственно, правительство Чавеса, к краху [\[85\]](#)».

Именно таким образом ЦРУ свергло Моссадыка и вернуло власть шаху. Прослеживалась совершенно четкая аналогия. Казалось, история опять повторяется пятьдесят лет

спустя. Прошло пять десятилетий, а нефть по-прежнему оставалась движущей силой. 4 января 2003 года произошли столкновения сторонников Чавеса и его оппонентов. Двое скончались от огнестрельных ранений, десятки были ранены. На следующий день я беседовал со своим старым другом, который в течение многих лет работал с шакалами. Как и я, он никогда не состоял на зарплате у государственных организаций, однако проводил тайные операции во многих странах. Он рассказал мне, что к нему обращалось частное лицо, пытаясь нанять его для организации забастовок в Каракасе и подкупа

военных (многие из которых прошли обучение в Школе двух Америк) с целью обратить их против законно избранного президента. Он отклонил предложение, но, по его выражению, «человек, который взялся за эту работу, знает, что делает» [\[86\]](#).

В тот же месяц цены на нефть поднялись, и американские запасы упали до уровня двадцатилетней давности. Учитывая ситуацию на Ближнем Востоке, я знал, что администрация Буша задействует все средства, чтобы низложить Чавеса.

Вскоре пришло сообщение, что они преуспели в этом: Чавеса сбросили. «Нью-Йорк тайме»,

описывая события в Венесуэле, дала читателям небольшой экскурс в историю, а также сообщила, кто играл роль Кермита Рузвельта в сегодняшней Венесуэле:

«В ходе «холодной войны» и после ее окончания Соединенные Штаты... поддерживали авторитарные режимы в Центральной и Южной Америке, обеспечивая защиту своих экономических и политических интересов.

В небольшой Гватемале Центральное разведывательное управление в 1954 году организовало путч, в результате которого демократически избранное

правительство было низвергнуто; ЦРУ поддерживало и пришедшие на смену правительства правой ориентации в их борьбе против левых повстанческих групп в течение четырех десятилетий. Примерно 200 000 гражданских лиц погибли.

В Чили путч, поддержанный ЦРУ, привел к власти генерала Пиночета, правившего страной с 1973 года по 1990-й. В Перу еще неустойчивое демократическое правительство все еще расследует роль ЦРУ, которое почти десять лет поддерживало отстраненного от власти и скомпрометировавшего себя президента Альберто К. Фухимори и пользующегося сомнительной

репутацией главу его разведки
Влаими́ро Л. Монте́синоса.

В 1989 году Соединенным
Штатам пришлось вторгнуться в
Панаму, чтобы убрать ее
наркодиктатора, Мануэля А. Норьегу,
который в течение почти двадцати
лет был ценным информатором для
американской разведки. А попытки в
1980-х годах любыми средствами
(включая продажу оружия Ирану с
целью получения денег) развернуть
невооруженную оппозицию в
Никарагуа, где в это время у власти
были левые, привели к тому, что под
судом оказались
высокопоставленные сотрудники
администрации Рейгана.

Среди тех, в отношении кого проводились расследования, — Отто Рейч, ветеран латиноамериканских сражений. Ему не были предъявлены обвинения. Впоследствии он стал послом США в Венесуэле, а сейчас служит помощником госсекретаря по межамериканским делам. Это назначение было сделано президентом. Падение Чавеса — еще один охотничий трофей Рейча» [\[87\]](#).

Если мистер Рейч и администрация Буша отмечали свержение Чавеса, то вечеринку им пришлось свернуть. События приняли неожиданный оборот: Чавес собрал силы и одержал победу. Меньше чем через двадцать два часа

он снова был у власти. В отличие Моссадыка в Иране Чавесу удалось удержать военных на своей стороне, несмотря на все попытки настроить руководство армии против него. Кроме того, на его стороне была мощная нефтяная компания. «Петролеос де Венесуэла» не обратила внимания на тысячи бастующих рабочих и вернулась на сторону Чавеса. Когда пыль осела, Чавес взял под жесткий государственный контроль служащих нефтяной компании, избавился от нескольких нелояльных военных, предавших его, и заставил ряд своих противников покинуть страну. Он потребовал двадцати лет тюремного

заклучения для двух ключевых лидеров оппозиции, которые совместно с шакалами руководили общенациональной забастовкой [\[88\]](#).

В конечном итоге вся последовательность событий обернулась для администрации Буша дополнительной головной болью. «Лос-Анджелес тайме» писала: «Чиновники администрации Буша признали во вторник, что в течение нескольких месяцев они проводили переговоры с военными и гражданскими лидерами Венесуэлы о свержении президента Венесуэлы Уго Чавеса... Действия администрации в связи с провалившимся путчем изучаются

особенно внимательно» [\[89\]](#).

Было очевидно, что потерпели поражение не только ЭУ, но и шакалы. Венесуэла 2003 года очень сильно отличалась от Ирана 1953 года. Я думал о том, предвещало ли это какие-то изменения или было просто аномалией и каков будет следующий шаг Вашингтона.

Я думаю, что, по крайней мере, на какое-то время в Венесуэле был предотвращен серьезный кризис и Чавес был спасен Саддамом Хусейном. Администрация Буша не могла одновременно заниматься Афганистаном, Ираком и Венесуэлой. В тот момент она не обладала ни достаточной военной

силой, ни политической поддержкой для этого. Однако я знал, что столь благоприятное для Чавеса стечение обстоятельств может быстро измениться и что венесуэльскому президенту наверняка придется столкнуться с сильнейшей оппозицией в ближайшем будущем. Тем не менее, Венесуэла была напоминанием о том, что немного изменилось за последние пятьдесят лет — кроме результата.

Глава 34. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭКВАДОР

Венесуэла была классическим случаем. Однако, наблюдая за разворачивающимися там событиями, я вдруг понял, что главная линия фронта проходит все-таки в другой стране. Главная не в смысле денег или человеческих жизней, но потому, что она касалась того, что шло куда дальше материальных задач, характерных обычно для империй. Она простиралась дальше, чем армии банкиров, сотрудников фирм и политиков, — она доходила до души

современной цивилизации. И происходило это в стране, которую я знал и любил, где я впервые начал работать как доброволец Корпуса мира: в Эквадоре.

За годы, прошедшие с моего первого приезда туда в 1968 году, эта небольшая страна превратилась в показательный пример жертвы корпоратократии. Моим коллегам того времени, мне самому, а также нашим современным корпоративным эквивалентам, удалось довести страну буквально до банкротства. Мы давали ей миллиардные кредиты, чтобы она нанимала наши инженерные и строительные фирмы для работы над проектами, которые

шли во благо только богатейшим семьям страны. В результате за эти три десятилетия официальный уровень бедности вырос с 50 до 70 процентов, безработица и неполная занятость подскочили с 15 до 70 процентов, государственный долг увеличился с 240 миллионов долларов до 16 миллиардов, а доля доходов от национальных ресурсов, выделяемая на нужды беднейших слоев населения, снизилась с 20 до 6 процентов. Сегодня Эквадор вынужден тратить около 50 процентов своего национального бюджета только на выплату долгов, вместо того чтобы помогать миллионам своих граждан, которых

национальная статистика относит к категории «крайне нуждающихся» [\[90\]](#).

Ситуация в Эквадоре четко показывает, что это не было результатом заговора; это происходило во время правления и демократов, и республиканцев — процесс, в котором участвовали все крупнейшие многонациональные банки, многие корпорации, зарубежные благотворительные миссии и агентства по оказанию технического содействия из множества стран мира. Соединенные Штаты играли ведущую роль, но мы действовали не в одиночку.

В течение этих трех десятилетий

тысячи людей участвовали в доведении Эквадора до той тяжелой ситуации, в которой он оказался в начале тысячелетия. Некоторые из них, как и я, осознавали, что они делали, но большая часть просто работала так, как их учили в школах бизнеса, инженерных и юридических институтах, или просто следовали примеру своих боссов, которые на собственном примере демонстрировали, как работает система, и посредством мер поощрения и наказаний рассчитывали сохранить ее. Такие участники оценивали свою роль как вполне благородную — в худшем случае; оптимисты же считали, что

они помогают бедной стране.

Будучи обманутыми, находясь в неведении, часто — в самообмане, эти соучастники не входили ни в какой тайный сговор; скорее, они были продуктами системы, которая продвигает наиболее изощренную и эффективную форму империализма из всех, когда-либо виденных миром. Не было необходимости искать людей, которым можно давать взятки или угрожать, — их уже приняли на работу в компании, банки и государственные учреждения. Взятками были зарплаты, премии, пенсии, страховки; угрозы, по сути, основывались на социальных пакетах, давлении однокашников и

молчаливом вопросе о будущем образовании детей.

Система действовала превосходно. К началу нового тысячелетия Эквадор был полностью в западне. Он был у нас в руках: так держит мафиозный босс в руках человека, которому он дает деньги на организацию и выживание бизнеса или на свадьбу дочери.

Как настоящие мафиози, мы выжидали. Мы могли себе позволить быть терпеливыми, зная, что под ливневыми лесами Эквадора залегает море нефти, зная, что наш день обязательно наступит.

Этот день уже пришел к тому времени, когда я, в начале 2003 года,

ехал в своем «Субару» из Кито в затерянный в джунглях городок Шелл. Чавес снова правил Венесуэлой. Он не покорился Джорджу У. Бушу и выиграл. Саддам стоял на своем — и в его страну готовилось вторжение. Запасы нефти упали до самой низкой отметки за последние тридцать лет, а перспективы получить больше нефти от других поставщиков были не слишком надежными — и, соответственно, так же выглядели и балансы корпоратократии. Нужно было доставать из рукава припрятанного туза. Пора было отрезать фунт живой плоти у Эквадора.

Проезжая мимо чудовищной дамбы на реке Пастаса, я понял, что разворачивавшаяся битва здесь, в Эквадоре, была не просто классическим противостоянием между богатыми и бедными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Эти линии фронта в конечном итоге определяют, что мы представляем собой как цивилизация. Мы были готовы заставить эту маленькую страну отдать свои ливневые леса нефтяным компаниям. И опустошения, которые они произведут, будут неизмеримы.

Если мы настояим на выплате долга, последствия будут непредсказуемыми. Дело не только в

уничтожении местных культур, человеческих жизней, сотен тысяч видов животных, рептилий, рыб, насекомых и растений, которые могли бы стать основой для лекарств от множества болезней. Дело не только в том, что ливневые леса поглощают смертельные парниковые газы нашей промышленности, дают нам необходимый для поддержания жизни кислород и образуют облака, которые в конечном итоге обеспечивают значительный процент пресной воды в мире. Последствия, не укладываясь в стандартные аргументы экологов в защиту подобных мест, затрагивают глубины нашей души.

Если мы используем эту стратегию, мы продолжаем империалистическую модель, появившуюся еще задолго до Римской империи. Мы осуждаем рабство, но наша глобальная империя порабощает больше людей, чем римляне и все колониальные системы до нас. Я удивлялся, как могли мы проводить столь близорукую политику в Эквадоре и при этом жить в согласии со своей коллективной совестью.

Глядя из окна «Субару» на голые склоны Альп — те места, которые в пору моей работы в Корпусе мира были покрыты пышной тропической растительностью, я удивился еще

одному открытию. Я вдруг подумал, что взгляд на Эквадор как на линию фронта был исключительно личным, что фактически любая страна, где я работал, любая страна с ресурсами, которых домогается империя, настолько же важна. У меня было свое, особое отношение к этой стране, с тех пор как здесь в конце 1960-х я потерял невинность.

Однако это была субъективная, моя точка притяжения. Хотя эквадорские ливневые леса бесценны, так же как и местные племена, их населяющие, нельзя сказать, что они представляют большую или меньшую ценность, нежели пустыни Ирана, или

бедуины, которые для Ямина составляют его культурное наследие, или же горы Явы, моря, омывающие Филиппины, степи Азии, саванны Африки, леса Северной Америки, ледовые шапки Арктики, — сотни других мест, находящихся под угрозой. Каждое из них представляет собой линию фронта, и каждое заставляет нас искать свою собственную и коллективную душу.

Мне на память пришли статистические данные, которые подытожили бы мои слова. Соотношение доходов $1/5$ части населения в наиболее развитых странах к доходам $1/5$ в беднейших странах увеличилось от 30 к 1 в 1960

году до 74 к 1 в 1995 [\[91\]](#). А Всемирный банк, Агентство США по международному развитию, МВФ и банки, корпорации и правительства, занимающиеся международной «помощью», продолжают говорить нам, что они делают свою работу и что прогресс налицо.

И вот я снова в Эквадоре, стране, через которую проходит одна из многочисленных линий фронта и которая занимает особое место в моей душе. Шел 2003 год. Тридцать пять лет прошло с тех пор, как я впервые приехал сюда как сотрудник американской организации, включившей слово «мир» в свое название.

На этот раз я приехал, чтобы предотвратить войну, которую три десятилетия назад сам помог спровоцировать.

Казалось бы, событий в Афганистане, Ираке и Венесуэле было достаточно, чтобы удержать нас еще от одного конфликта; однако в Эквадоре ситуация была совершенно иной. Эта война не потребует присутствия армии США, поскольку в ней будут участвовать несколько тысяч воинов из местных племен, вооруженных только копьями, мачете и допотопными ружьями. Они будут противостоять современной армии Эквадора, горстке советников из спецподразделений американской

армии и наемников, обученных шакалами и оплачиваемых нефтяными компаниями. Это будет война, о которой, как и о конфликте 1995 года между Эквадором и Перу, большинство людей в Соединенных Штатах и не услышат. Недавние события только усиливали возможность такой войны.

В декабре 2002 года представители нефтяной компании обвинили местную общину в том, что они взяли в заложники нескольких рабочих; было выдвинуто предположение, что воины общины входили в террористическую группировку, якобы связанную с Аль-Каидой. Еще больше усложняло

ситуацию то, что нефтяная компания не получала разрешения от правительства на буровые работы. Однако компания утверждала, что рабочие имели право на проведение предварительных работ, не связанных с бурением. Это заявление несколькими днями позже было оспорено местными племенами, когда они поделились своим видением событий.

Представители племен настаивали на том, что рабочие—нефтяники вторглись на их земли, не имея разрешения; воины были безоружны; они никоим образом не угрожали рабочим применением силы. Они сопровождали рабочих в

свою деревню, где тем была предложена еда и «чича» — местное пиво. Пока рабочие ели, воины убеждали их руководителей уйти с этих земель. Племя утверждало, что рабочие не удерживались насильно: они могли свободно уйти [\[92\]](#).

Сидя за рулем, я вспомнил, что сказали мне шуары в 1990 году, когда, продав «Ай-пи-эс», я приехал предложить им помощь в спасении лесов. «Мир таков, каким ты хочешь его видеть», — сказали они, а потом добавили, что мы, живущие на севере, мечтаем о развитой промышленности, о машинах, о гигантских небоскребах. А теперь мы обнаружили, что мир нашей

мечты — это кошмар, который в конечном итоге уничтожит всех нас.

«Измените эту мечту», — посоветовали тогда мне шуары. И все—таки вот он, этот мир, более чем десятилетие спустя; и, несмотря на усилия многих людей и некоммерческих организаций, включая и те, с которыми сотрудничал я, кошмар достиг ужасающих размеров.

Мой «Субару» въехал в Шелл. Я поспешил на собрание. Присутствовали представители многих племен: кечуа, шуары, ачуары, шивиары и сапаро. Некоторым из них пришлось добираться несколько дней через

джунгли; другие прилетели на небольших самолетах, оплаченных некоммерческими организациями. У кого-то были традиционные наряды, раскрашенные лица, традиционный головной убор из перьев, хотя большинство было одето как городские: брюки, футболки, ботинки. Первыми выступили представители племени, обвиненного во взятии заложников. Они рассказали, что вскоре после возвращения заложников в нефтяную компанию в общину прибыли около сотни солдат. Представители напомнили нам, что это было начало особого сезона в ливневых дождях, когда начинает плодоносить «чонта».

Для местных жителей это священное дерево: оно плодоносит только раз в году; именно тогда начинается брачный сезон у многих местных птиц, включая редкие и вымирающие виды. В этот период птицы особенно уязвимы. Строгие правила местных племен запрещают охоту на птиц в период «чонта».

— Они не могли выбрать времени хуже, — объясняла женщина.

Я чувствовал ее боль и боль ее соплеменников, когда они рассказывали свою трагическую историю о том, как солдаты проигнорировали запреты. Они охотились на птиц для развлечения и

для еды. Они совершали набеги на огороды, на банановые рощи, поля маниоки, часто повреждая при этом тонкий слой почвы. Они глушили рыбу в реках, они убивали домашних животных. Они конфисковали охотничьи ружья, вырыли где вздумалось выгребные ямы, загрязнили реку горючими материалами и растворителями, грубо приставали к женщинам, устроили помойки, которые привлекли насекомых и паразитов.

— Перед нами было два пути, — сказал мужчина. — Мы могли бороться или могли, проглотив собственную гордость, восстановить ущерб. Мы решили, что время для

борьбы еще не пришло. — Он рассказал, что они пытались компенсировать ущерб, нанесенный природе, призывая людей своего племени воздерживаться от пищи. Он назвал это «пост», хотя, фактически, это было что-то вроде добровольного голодания. У стариков и детей началось истощение, многие заболели.

Они говорили об угрозах и взятках.

— Мой сын, — рассказывала женщина, — говорит по-английски и по-испански и знает несколько местных диалектов. Он работал гидом и переводчиком в туристической фирме,

занимающейся экотуризмом. Ему платили неплохую зарплату. Нефтяная фирма предложила зарплату в десять раз выше. Что он мог сделать? Теперь он пишет письма с обвинениями против своей прежней компании и всех, кто пришел нам на помощь, и в своих письмах называет нефтяные компании «нашими друзьями». — Она вздрогнула всем телом, как собака отряхивается от воды. — Он чужой. Мой сын...

Поднялся пожилой человек в головном уборе из перьев — шаман.

— Вы знаете, что случилось с теми тремя, которых мы выбрали, чтобы они представляли нас против

нефтяных компаний? Они погибли в авиакатастрофе. Что ж, я не собираюсь тут вам рассказывать о том, о чем говорят все, — что крушение было подстроено нефтяными компаниями. Но я могу сказать вам, что эти три смерти образовали огромную брешь в наших рядах. Нефтяные компании не теряли времени и поставили на это место своих людей.

Другой человек, достав контракт, зачитал его. Согласно контракту, лесозаготовительной компании в обмен на триста тысяч долларов предоставлялся большой участок земли. Контракт был подписан тремя официальными

представителями племени.

— Это не их подписи, — сказал он. — Я-то знаю: один из них — мой брат. Это другой тип убийства. Дискредитация наших лидеров.

По иронии судьбы все это происходило как раз в том районе Эквадора, где нефтяные компании еще не получили разрешение на буровые работы. Они бурили на многих участках рядом с этим, и местные жители видели результаты их деятельности, видели разрушения, которые причинили их соседям. Слушая все это, я спрашивал себя: какова будет реакция моих сограждан, если подобные собрания будет транслировать Си-эн-эн или

их покажут в вечерних новостях?

Собрания были волнующими; звучавшие на них откровения вызывали глубокое беспокойство. Но происходило что-то еще, выходявшее за рамки официальных встреч. Во время перерывов, за обедом и вечером, когда я просто беседовал с людьми, меня часто спрашивали, почему США угрожают Ираку. Надвигавшаяся война обсуждалась на первых полосах эквадорских газет, которые попадали в этот городок, затерянный в джунглях, и освещение событий в них отличалось от того, что было на страницах американской прессы. Говорилось и о том, что семье Буш принадлежат нефтяные

компании и «Юнайтед фрут», и о роли вице-президента Чейни, как бывшего генерального директора «Халлибертон».

Эти газеты зачитывались людям, которые никогда не ходили в школу. Казалось, все интересовались этим вопросом. Я был в амазонском ливневом лесу, среди неграмотных людей, которых многие в Северной Америке считают «неразвитыми» и даже «дикарями»; но они задавали продуманные вопросы, ударявшие точно в сердце глобальной империи.

На обратном пути из Шелла, проезжая мимо плотины гидроэлектростанции, высоко в Андах, я думал о различиях между

увиденным и услышанным во время этой поездки и тем, к чему я привык в Соединенных Штатах. Похоже, амазонским племенам было чему поучить нас; несмотря на наше образование, на многие часы, проведенные за чтением журналов и просмотром теленовостей, у нас не было того знания, которое они каким-то образом обрели. Это подвело меня к размышлениям о «Пророчестве кондора и орла», которое я слышал много раз в Латинской Америке, и о похожих пророчествах, которые я встречал в других частях света.

Почти каждая известная мне культура предсказывала, что в конце

1990-х наступит время важных перемен. В монастырях в Гималаях, на церемониальных площадках в Индонезии, в резервациях Северной Америки, от чащоб Амазонии до вершин Анд, в древних городах майя в Центральной Америке мне приходилось слышать, что наше время — особое время в истории человечества и что каждый из нас был рожден в это время, потому что у нас есть особая миссия.

Названия и слова пророчеств немного различаются. Одни говорят о новом веке, другие о третьем тысячелетии, кто-то об эре Водолея, а кто-то о начале пятого солнца или об окончании старых календарей и

начале новых. Несмотря на различия в терминологии, у них очень много общего, и в этом смысле «Пророчество кондора и орла» весьма типично. В нем говорится, что когда-то давно, на заре истории, человеческое общество разделилось; каждая группа пошла по своему пути. Одна — по пути кондора (символизирующего сердце, интуитивное и мистическое), другая — орла (символизирующего мозг, рациональное и материальное). В 1490-х годах, говорит пророчество, пути сошлись, и орел победил кондора. Через пятьсот лет, в 1990-х годах, должна начаться новая эпоха. Кондор и орел смогут снова

объединиться и летать по небу вместе, одним и тем же путем. Если кондор и орел используют эту возможность, от них произойдет замечательное потомство, ранее невиданное.

Возможны различные уровни толкования «Пророчества кондора и орла». Согласно стандартному толкованию, «Пророчество» предсказывает обогащение научных технологий знаниями местных культур; гармонию инь и янь, соединение культур севера и юга. Однако особо впечатляет та часть древнего сказания, которая говорит о переменах в нашем понимании мира; пророчество говорит о том, что мы

вступили во время, когда можем получить пользу от способности видеть и понимать себя самих и мир с разных точек зрения, и что мы можем применять эти способности в качестве трамплина для достижения высших уровней знания. Мы — человеческие существа, у нас есть возможность пробудиться и развиться в более сознательный вид. Амазонский народ кондоров ясно дает понять, что если мы обращаемся к вопросу о том, что же означает быть человеком в новом тысячелетии, чего мы хотим достичь в следующие десятилетия, — тогда мы должны раскрыть глаза и увидеть последствия наших действий,

действий орла, в таких местах, как Ирак и Эквадор. Мы должны стряхнуть с себя сон. Мы, живущие в самой могущественной в истории человечества стране, должны перестать волноваться о том, чем же кончится очередная мыльная опера, о футболе, о квартальных балансовых отчетах, о сегодняшнем индексе Доу Джонса; вместо этого нам следует подумать: кто мы такие и чего хотим для наших детей. Не задавать себе эти вопросы слишком опасно.

Глава 35. ПРОРЫВАЯ НАРУЖНЫЙ СЛОЙ

Вскоре после моего возвращения из Эквадора в 2003 году Соединенные Штаты вторглись в Ирак — второй раз за срок чуть больший чем десять лет. ЭУ потерпели неудачу. Шакалы ничего не смогли сделать. Поэтому молодых мужчин и женщин послали убивать и умирать в песках пустыни. Вторжение подняло очень важный вопрос, вопрос, над которым могли задуматься немногие американцы: какие последствия это будет иметь для Саудовской монархии. Если

американцы победят Ирак, в котором, по многочисленным оценкам, нефти больше, чем в Саудовской Аравии, не будет необходимости соблюдать пакт, заключенный с саудовской королевской семьей в 1970-х, — сделка, выросшая из операции по отмыванию денег.

Конец Саддама, подобно концу Норьеги в Панаме, изменит стороны уравнения. В случае с Панамой, восстановив наших марионеток, мы получили контроль над Каналом, вопреки условиям договора, подписанного Торрихосом и Картером. Если мы будем контролировать Ирак, сможем ли мы

сломать ОПЕК? Можно ли будет убрать саудовскую королевскую семью с арены глобальной нефтяной политики? Некоторые эксперты уже задавали вопрос, почему Буш напал на Ирак, вместо того чтобы сосредоточить все силы на уничтожении Аль-Каиды в Афганистане. Могло ли быть так, что с точки зрения этой администрации — этой нефтяной семьи — пополнение нефтяных запасов, равно как и основания для строительных контрактов, было более важно, чем борьба с террористами?

Однако были возможны и другие варианты развития событий: ОПЕК могла попытаться снова заявить о

себе. Если Соединенные Штаты получают контроль над Ираком, другие страны, богатые нефтью, мало что потеряют, подняв цены или уменьшив поставки нефти. Эта вероятность хорошо увязывалась с другим сценарием, имевшим последствия, вряд ли понятные людям, далеким от мира международных финансов, но которые могли сдвинуть чашу весов геополитического баланса и в конечном итоге поломать систему, с таким усердием построенную корпоратократией. Фактически, это могло стать единственным фактором, который привел бы первую в истории поистине глобальную империю к

самоуничтожению.

В конечном итоге глобальная империя в значительной степени зависит от того, что доллар имеет хождение как резервная мировая валюта и что Вашингтон имеет право печатать эти доллары. Мы даем кредиты таким странам, как Эквадор, прекрасно зная, что они никогда не выплатят их. Фактически мы и не хотим, чтобы они их выплачивали, потому что неспособность возвернуть долг дает нам в руки рычаги давления, наш фунт живой плоти. При нормальных обстоятельствах мы рисковали бы опустошить наши собственные резервы: в конце концов, ни один

кредитор не может позволить себе, чтобы количество невозвращенных долгов было слишком большим. Однако мы находимся не в обычных обстоятельствах. Соединенные Штаты печатают деньги, не обеспеченные золотом. Они вообще ничем не обеспечены, кроме уверенности всего мира в нашей экономике и способности руководить силами и ресурсами империи, которую мы создали для поддержания самих себя.

Возможность печатать деньги дает нам безмерную силу. Она означает, кроме всего прочего, что мы можем продолжать раздавать кредиты, которые никогда не будут

возвращены — и что мы сами можем накапливать значительные долги. К началу 2003 года национальный долг Соединенных Штатов превысил ошеломляющую отметку в шесть триллионов долларов и к концу года должен был достичь семи триллионов — примерно по 24 000 долларов на каждого гражданина США. Значительную часть этой суммы мы должны азиатским странам, в частности Японии и Китаю. Они приобретают ценные бумаги министерства финансов США (в основном облигации) на деньги, которые получают от продажи потребительских товаров, включая электронику, компьютеры, машины,

одежду, в Соединенных Штатах и на мировом рынке [\[93\]](#).

Пока мир принимает доллар как резервную валюту, этот громадный долг не является серьезным препятствием для корпоратократии. Однако если появится другая валюта, способная вытеснить доллар, и если кто-то из кредиторов США (например, Япония или Китай) потребуют выплаты по долговым обязательствам, ситуация может радикальным образом измениться. Соединенные Штаты окажутся в весьма шатком положении. Фактически, такая валюта сегодня уже не гипотетическая возможность: 1 января 2002 года на международной

финансовой арене появился евро. С каждым месяцем он наращивает престиж и силу. Евро представляет необычную возможность для ОПЕК, если она сочтет нужным ответить на вторжение в Ирак или если по какой-либо другой причине решит пригрозить Соединенным Штатам. Решение ОПЕК о замене доллара на евро для ведения взаимных расчетов потрясет империю до самого основания. Если это произойдет и если один или два наших кредитора потребуют возвращения долга в евро, последствия будут чудовищные.

Я размышлял об этом 18 апреля 2003 года, в Страстную пятницу, входя в свой гараж, оборудованный

под офис. Сев за стол, я включил компьютер и, как обычно, зашел на сайт «Нью-Йорк тайме». Мне бросились в глаза заголовки; они немедленно вернули меня от моих размышлений о новых реальностях международного финансового мира, о национальном долге, о евро к моей старой профессии: «Соединенные Штаты заключают с «Бектел» крупнейший контракт на восстановление Ирака».

статье говорилось: «Сегодня администрация Буша предоставила «Бектел груп», Сан-Франциско, первый крупный контракт, связанный с обширным планом по реконструкции Ирака». Далее авторы

информировали читателей о том, что «Ирак будет работать с Всемирным банком и Международным валютным фондом — организациями, в которых Соединенные Штаты имеют значительное влияние, — для перестройки экономики страны» [\[94\]](#).

«Значительное влияние»! Это было мягко сказано.

Я перешел к другой статье в «Тайме»: «Компания имеет связи в Вашингтоне и Ираке». Пропустив несколько абзацев, в значительной степени повторявших предыдущую статью, я прочитал: «Бектел» имеет давние связи с учреждениями национальной безопасности... Одним из директоров компании

является Джордж П. Шульц, занимавший пост госсекретаря при президенте Рональде Рейгане. До работы в администрации Рейгана господин Шульц, который также является старшим советником в «Бектел», был президентом компании, работая там вместе с Каспаром У. Уайнбергером, занимавшим руководящий пост в офисе компании в Сан-Франциско до своего назначения министром обороны. В этом году президент Буш назначил генерального директора «Бектел», Райли П.Бектела, на должность в Совете по экспорту при президенте США» [\[95\]](#).

В этих статьях, как в капле воды,

отражалась вся суть современной истории, движение к глобальной империи. Описанные в утренних газетах события в Ираке были результатом работы, которой обучала меня Клодин тридцать пять лет назад, и работы, которую делали другие люди, стремившиеся построить карьеру, сходную с моей. Происходившее там показывало, на какой точке находится корпоратократия в своем движении к установлению влияния над каждым человеком на планете.

Газетные статьи говорили о вторжении в Ирак в 2003 году и о подписанных сейчас контрактах для устранения причиненных нашей же

армией разрушений и для строительства страны заново по западному образцу. Новость этого дня, 18 апреля 2003 года, возвращала нас, хотя и не упоминая об этом, к началу 1970-х и операции по отмыванию денег Саудовской Аравии. SAMA и контракты, выросшие оттуда, создали новые прецеденты, позволившие — а фактически, давшие предписание — американским инженерным и строительным компаниям и нефтяной промышленности монополизировать развитие этого государства в пустыне. Тем же мощным ударом SAMA установила новые правила для глобального

управления в нефтяной сфере, пересмотрела геополитику и заключила с саудовской королевской семьей союз, обеспечивший ее правление и обязавший играть по нашим правилам.

Читая эти статьи, я не мог удержаться от мысли: многие ли знали, как я, что Саддам до сих пор находился бы у власти, играй он по тем правилам, которым следовали саудовцы? У него были бы и ракеты, и химические заводы; мы бы сами построили их ему, и наши люди отвечали бы за их модернизацию и обслуживание. Это могла бы быть замечательная сделка — такая же, как у саудовцев.

До сих пор основные средства массовой информации с осторожностью относились к публикации подобных фактов. Но сегодня они в газете. Да, пусть это был лишь тонкий намек: статьи отражали прозрачную тень реальной ситуации, но все-таки правда пробиралась наружу. Я решил проверить, была ли «Нью-Йорк тайме» единственным изданием, сообщившим об этих фактах. Зайдя на сайт Си-эн-эн, я прочитал: «Бектел» получает контракт в Ираке». Публикация Си-эн-эн очень походила на статью в газете, но в ней было добавлено следующее:

«На получение контракта в

разное время претендовал ряд других компаний, выступавших либо в качестве самостоятельных участников тендера, либо в составе других компаний. В их числе «Келлог Брайн энд Рут» — подразделение «Халлибертон», генеральным директором которой когда-то был вице-президент Дик Чейни... До этого «Халлибертон» уже получила контракт на экстренное восстановление инфраструктуры Ирака. Контракт оценивается в семь миллиардов долларов, и, возможно, срок его исполнения составит два года [\[96\]](#).

Похоже, история о марше к глобальной империи пробивалась на

поверхность. Ни детали, ни тот факт, что это была трагическая история долгов, обмана, порабощения, эксплуатации, самая страшная в истории попытка завладеть сердцами, умами, душами и собственностью людей во всем мире, ничто в статье не намекало на то, что события 2003 года в Ираке явились продолжением этой постыдной истории. Не упоминалось и то, что эта история, такая же старая, как сама империя, приобретает сейчас новые, устрашающие размеры и по причине своего разрастания во времена глобализации, и вследствие той изощренности, с которой она проводится в жизнь. Пусть скудным

ручейком, неохотно, но информация все же просачивалась на поверхность.

Образ истории, с трудом выбирающейся на поверхность, напомнил мне кое о чем. Прежде всего о моей собственной биографии и о тех долгих годах, в течение которых я откладывал ее написание. Я давно знал, что мне есть в чем исповедаться, и все—таки я медлил с этим. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что мои сомнения и чувство вины присутствовали с самого начала. Они начались еще в квартире Клодин, еще до того, как я согласился на первую поездку в Индонезию; они преследовали меня почти постоянно

все эти годы.

Я знал, что, если бы сомнения, боль и вина постоянно не изводили меня, я бы никогда не выбрался. Я бы застрял, подобно многим другим. Я бы никогда не смог принять решение уволиться из МЕЙН, стоя у поручней яхты у Виргинских островов.

И все-таки я медлил, как продолжает медлить вся наша страна. Те статьи намекали на союз между крупными корпорациями, международными банками и правительствами, но, как и мое резюме в МЕЙН, они касались только внешней стороны событий. Это была всего лишь оболочка. Истинная история заключалась не в

том, что крупнейшие инженерные и строительные компании опять получают миллиарды долларов на строительство страны согласно собственным представлениям — для людей, которые, по всей вероятности, не желали соответствовать этим представлениям; не в том, что группа людей, именующих себя элитой, вновь исполняла старый как мир ритуал — злоупотребление своим положением высокопоставленных государственных чиновников.

Это слишком упрощенная картина. Она подразумевает, что, если мы решим исправить ошибки системы, нам следует просто

избавиться от этих людей. Она легко сходит за пресловутые теории заговора и, как следствие, позволяет легко отмахнуться от проблемы, включить телевизор и забыть обо всем, довольствуясь нашим знанием истории на уровне третьеклассника, что означает: «Они» позаботятся обо всем; государственный корабль устойчив и снова вернется на курс. Возможно, нам придется подождать до следующих выборов, но все будет хорошо». Настоящая правда современной империи — это правда о корпоратократии, которая эксплуатирует отчаявшихся людей и производит самый жестокий, эгоистичный и в конечном итоге

саморазрушительный захват земель, — не имеет отношения к тому, что появилось в тот день в газетах, но зато напрямую касается нас. И это, конечно, объясняет, почему нам так трудно выслушать эту историю. Мы скорее предпочитаем верить мифу о том, что тысячелетняя социальная эволюция наконец создала идеальную экономическую систему, чем признать, что мы поверили ложной концепции и воспринимаем ее как Евангелие. Мы убедили себя, что экономический рост приносит пользу человечеству и что чем больше этот рост, тем лучше для человечества.

И наконец, мы убедили друг

друга, что последствия этой концепции морально справедливы: те, кто высекают благословенную искру экономического роста, должны быть возвышены и вознаграждены; стоящие же в стороне подлежат эксплуатации.

И сама концепция, и ее следствие используются для оправдания всех видов пиратства: она санкционирует насилие, мародерство и убийство ни в чем не повинных людей в Иране, Панаме, Колумбии, Ираке. ЭУ, шакалы и армии процветают до тех пор, пока их действиями объясняют экономический рост — а рост этот демонстрируют почти всегда. С

помощью «научного»
манипулирования методами
прогнозирования, эконометрики и
статистики, если вы, например,
разбомбили город и затем заново
отстроили его, можно
продемонстрировать огромный
скачок в экономическом росте.

Истина состоит в том, что мы
живем ложью. Подобно моему
резюме в МЕЙН, мы создали
внешний слой, который прикрывает
смертоносную раковую опухоль. Эта
опухоль обнаруживается только с
помощью рентгеновских лучей все
той же статистики, которая
раскрывает ужасающий факт.
Наиболее могущественная и богатая

империя в истории имеет страшно высокие показатели случаев самоубийств, наркомании, разводов, растления малолетних, актов насилия, убийств. Как злокачественная опухоль, эти несчастья ежегодно проникают своими щупальцами все дальше. Каждый из нас в душе чувствует боль.

Мы кричим, желая перемен. Но мы затыкаем себе рот кулаками, заглушая эти крики, — и нас никто не слышит.

Проще всего возложить вину на организованный заговор, но мы не можем этого сделать. Империя зависит от эффективности крупных

банков, корпораций и правительств, но это не заговор. Корпоратократия — это мы сами; мы сами все делаем. Именно поэтому большинству из нас трудно противостоять ей. Мы предпочитаем искать заговорщиков, прячущихся в тени, потому что большинство из нас работают на эти банки, корпорации и правительства или каким-то образом зависят от них, от тех товаров и услуг, которые они производят. Мы не можем заставить себя укусить руку хозяина, который нас кормит.

Вот об этой ситуации я размышлял, глядя на газетные заголовки на экране моего компьютера. Возникали вопросы.

Как можно подняться на борьбу с системой, которая дает вам дом и машину, еду и одежду, электричество и медицинскую помощь, даже если ты знаешь, что эта же система создает мир, в котором ежедневно умирают от голода двадцать четыре тысячи человек, а миллионы других ненавидят тебя или, во всяком случае, ненавидят политику, проводимую избранными тобой людьми? Как набраться смелости, чтобы отделиться от общей массы и бросить вызов тому, что вы и ваши соседи всегда воспринимали как Библию, даже если подозреваешь, что система готова к самоуничтожению? Я медленно

поднялся и направился в дом, чтобы налить себе еще кофе.

Сделав небольшой крюк, я взял свой экземпляр «Палм–Бич пост», лежавший у почтового ящика рядом с дорожкой к нашему дому. Газета поместила перепечатку той самой статьи из «Нью–Йорк тайме». Но теперь я обратил внимание на дату: 18 апреля. Это известная дата, во всяком случае в Новой Англии. Я запомнил ее, потому что мои родители свято относились к Войне за независимость, а также по стихотворению Лонгфелло:

Помните, дети, — слышал
весь мир

Как в полночь глухую
скакал Пол Ревир.
То было в семьдесят пятом
году,
Восемнадцатого апреля, —
день тот
И сейчас предо мною так
ясно встает.

*«Скачка Пола
Ревира». Перевод
М. Зенкевича.
Приводится по:
Американская
поэзия в русских
переводах. М.:
Радуга, 1983.*

В этом году Страстная пятница совпала с годовщиной ночной скачки Пола Ревира. Увидев дату на первой полосе «Палм–Бич пост», я вспомнил об этом серебряных дел мастере, который скакал по темным улицам городков в Новой Англии, размахивая шляпой, и кричал: «Британцы идут!» Ревир рисковал своей жизнью, чтобы скорее сообщить эту новость, и верные американцы откликнулись на нее. Тогда они остановили империю.

Я думал: что двигало ими; почему те колонисты–американцы были готовы оторваться от массы?

Ведь многие из их предводителей были хорошо обеспечены. Что заставило их рисковать своим бизнесом, кусать руку, кормившую их, рисковать своими жизнями? Несомненно, у каждого из них были свои причины, и все-таки должна была быть какая-то объединяющая сила, катализатор, искра, которая зажгла все эти маленькие костры одновременно, именно в этот момент истории.

А потом я понял: слова.

Правда о Британской империи и ее эгоцентричной и в конечном итоге саморазрушительной системе меркантилизма вызвала эту искру. Разоблачение скрытой сути

происходящего, с помощью слов, произнесенных такими людьми, как Том Пейн и Томас Джефферсон, зажгло их соотечественников, открыло их умы и сердца. Колонисты задумались и тогда обнаружили новую реальность, заслонявшуюся обманом. Они разглядели истину за патиной, поняли, что Британская империя манипулировала ими, обманывала, порабощала их.

Они увидели, что их английские хозяева создали систему и затем обманули большинство людей, заставив их поверить в ложь о том, будто это была лучшая система из всех изобретенных человечеством, что построение лучшей жизни

зависело от получения доходов королем Англии, что имперский подход к коммерции и политике был наиболее эффективным и гуманным средством помочь большинству людей, тогда как на самом деле система способствовала обогащению избранных за счет остальных. Эта ложь и порожденная ею эксплуатация существовали десятки лет, пока наконец несколько философов, бизнесменов, фермеров, рыбаков, колонистов, писателей и ораторов не начали говорить правду.

Слова. Я думал о силе слов, пока наливал кофе и шел обратно в офис к компьютеру.

Отключившись от сайта Си-эн-

эн, я раскрыл файл, над которым работал накануне вечером. Я прочитал последний написанный мной абзац:

«Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса — и невероятных возможностей. История именно этого экономического убийцы — это история о том, как мы оказались там, где мы есть сейчас и почему мы столкнулись с кризисом, который кажется нам непреодолимым. Эта история должна быть рассказана, потому что, только осознав ошибки, совершенные в прошлом, мы сможем использовать во благо возможности, открывающиеся нам в будущем... Но

самое главное, эта история должна быть рассказана, потому что впервые за всю историю появилось государство, которое имеет возможности, средства и власть, достаточные для изменения всего этого. Это государство, в котором я родился и которому служил в качестве ЭУ: Соединенные Штаты Америки».

На этот раз я не останавлиюсь. Случайные совпадения в моей жизни и тот выбор, который я каждый раз делал, сталкиваясь с ними, подвели меня к этой точке. Я пойду вперед.

Я опять подумал о том человеке, одиноком всаднике, мчавшемся по темным предместьям Новой Англии,

выкрикивая свое предупреждение. Серебряных дел мастер знал, что Пейн и Джефферсон уже сказали свои слова, что люди прочитали их дома и обсуждали в тавернах. Пейн рассказал правду о тирании Британской империи. Джефферсон провозгласил, что наша страна защищает право на жизнь, свободу и счастье. А Ревир, скакавший в ночи на коне, знал, что люди во всех поселениях воодушевлены этими словами; они поднимутся на борьбу за лучший мир.

Слова...

Я решил больше не медлить и наконец завершить то, что я начинал и откладывал в долгий ящик столь

много раз за все эти годы, —
очиститься, исповедаться —
написать слова этой книги.

Эпилог

Мы подошли к концу этой книги — и к ее началу. Наверное, вы задумались: так что же дальше? Что надо сделать, чтобы остановить корпоратократию и прекратить этот безумный и само-разрушительный марш к глобальной империи? Вы готовы отложить книгу и изменить мир.

Вы хотите услышать предложения; могу поделиться некоторыми.

Я мог бы сообщить, что только что прочитанная вами глава, о «Бектел» и «Халлибертон» в Ираке,

уже не новость. Она может показаться ненужной. Однако значение этих газетных статей намного важнее их сиюминутного содержания. Надеюсь, эта глава изменит ваше восприятие новостей, научит читать между строк любой газетной статьи и искать подтекст в любом радио–или телерепортаже.

Все не так, как кажется на первый взгляд. «Дженерал электрик» владеет медиаконцерном Эн–би–си, «Дисней» — Эй–би–си, «Виакон» — Си–би–эс, а Си–эн–эн входит в огромный конгломерат «АОЛ Тайм Уорнер». Большинство наших газет, журналов и издательств принадлежат гигантским международным

корпорациям.

Наши средства массовой информации являются частью корпоратократии. Чиновники и директора, которые контролируют почти всю информацию, знают свою работу. На протяжении всей жизни их учили, что важнейшая их задача — сохранять, укреплять и расширять унаследованную ими систему. Они очень хорошо справляются с этой работой, а когда встречаются с сопротивлением, становятся беспощадны. Так что эта ноша падает на вас: разглядеть правду за внешним прикрытием и сделать так, чтобы ее видели все. Говорите об этом в своей семье и со своими

друзьями: сейте слово.

Я мог бы предложить вам список того, что нужно сделать в практическом смысле. Например, сократите потребление бензина. В 1990 году, до первого вторжения в Ирак, мы импортировали 8 миллионов баррелей нефти; к 2003 году, к началу второго вторжения, это количество возросло на 50 процентов и составило более 12 миллионов баррелей¹ [\[97\]](#). В следующий раз, когда вы соберетесь пройтись по магазинам, почитайте вместо этого книгу, сделайте зарядку или займитесь медитацией. Снизьте ваши запросы в отношении дома, гардероба, машины, офиса и почти

всего остального в вашей жизни. Выступайте против «свободных» торговых соглашений, против компаний, которые с помощью потогонных систем эксплуатируют отчаявшихся людей и грабят природу.

Я мог бы сказать вам, что в современной системе заложены большие возможности, что изначально нет ничего плохого в банках, корпорациях и правительствах и в людях, управляющих ими, и что они вовсе не обязательно должны объединяться в корпоратократию. Я мог бы подробно рассказать о том, что многие сегодняшние проблемы возникли вовсе не в результате

злонамеренных действий каких-то институтов; скорее, они проистекают из порочной концепции экономического развития. Виноваты отнюдь не сами институты, но наше понимание того, как они должны функционировать и взаимодействовать друг с другом, а также понимание той роли, которую играют руководители этих институтов.

В действительности эти высокоэффективные мультинациональные корпорации и сети распространения могут быть использованы для достижения позитивных перемен. Представьте, что логотипы «Найка» и «Кока-

колы» и арки «Макдональдса» станут символом компаний, важнейшей задачей которых является одевать и кормить бедных, не нанося при этом ущерба природе.

Это не более фантастично, чем высадка человека на Луне, развал Советского Союза или создание инфраструктуры, которая позволила бы этим компаниям проникнуть в любой уголок планеты. Нам нужно изменить наш подход к образованию; нам нужно побудить себя и своих детей мыслить, задавать вопросы и осмелиться действовать. Вы можете стать примером. Будьте учеником и учителем; вдохновляйте всех вокруг вас своим примером.

Я мог бы предложить вам предпринять особые действия, которые могут повлиять на те организации, где вы работаете.

Выступайте на любом собрании, пишите письма и электронные сообщения, звоните по телефону с вопросами, голосуйте за здравомыслящие школьные советы, комиссии округов и местное самоуправление. Когда вам нужно принять на работу сотрудника, делайте это обдуманно; займитесь этим сами.

Я мог бы напомнить вам о том, что сказали мне шуары в 1990 году: мир таков, каким ты его видишь. Я мог бы сказать, что в наших силах

заменить этот кошмар —
загрязняющие окружающую среду
производства, забитые автодороги,
перенаселенные города — на новую
мечту, основанную на уважении к
Земле и принципах
взаимоподдержки и равенства. В
наших силах переделать самих себя,
изменить нашу парадигму.

Я мог бы перечислить
поразительные возможности,
имеющиеся в нашем распоряжении,
для создания лучшего мира прямо
сейчас: достаточное количество еды
и воды для каждого; лекарства для
излечения болезней и
предотвращения эпидемий,
уносящих сегодня миллионы жизней;

системы транспортировки, позволяющие доставлять жизненно необходимые ресурсы в самые отдаленные уголки планеты; возможность поднять уровень грамотности и предоставить интернет-услуги, позволяющие всем людям на планете общаться друг с другом; способы разрешения конфликтов, делающие войны ненужными; технологии, исследующие как бесконечность пространства, так и субатомную энергию, использование которых позволит создать экологичные дома для всех и каждого; достаточные для свершения всего вышеуказанного ресурсы и многое другое.

Я предлагаю вам действия, которые вы можете предпринять немедленно, чтобы помочь другим понять критические моменты и возможности их разрешения.

— Предложите организовать семинары по обсуждению «Исповеди экономического убийцы» в ближайшем книжном магазине или библиотеке — или и там и там (как это сделать, подробно описано на сайте www.JohnPerkins.org).

— Подготовьте выступление в соседней начальной школе на вашу любимую тему (спорт, кулинария, муравьи — на любую, которая вам близка), этим выступлением помогите ученикам понять истинную

сущность общества, которое они наследуют.

— Пошлите электронные сообщения вашим адресатам о том, какие чувства в вас побудило чтение этой и других книг.

Подозреваю, что вы уже думали обо всех этих вещах. Просто выберите некоторые из них, которые вам по душе, и выполните их. Все эти действия — только часть значительно более широких обязательств, которые мы должны принять на себя, а именно: мы должны пробудиться сами и пробудить других. Нам необходимо услышать мудрость пророчеств, открыть наши сердца и души ко всем

имеющимся возможностям, осознать их, а затем действовать.

Однако эта книга — не предписание; это исповедь, простая и от чистого сердца. Это исповедь человека, который позволил себе стать пешкой, экономическим убийцей; человека, который продался порочной системе, потому что она предлагала многие блага и потому что этот поступок было легко оправдать; человека, который все понимал, но который всегда находил оправдание для своей жадности, для эксплуатации отчаявшихся людей и ограбления планеты; человека, который сполна воспользовался всеми преимуществами быть

рожденным в самой богатой стране за всю историю человечества и который тем не менее чувствовал жалость к себе, потому что его родители не стояли на вершине пирамиды; человека, который слушал своих учителей, читал учебники по экономическому развитию, а затем следовал примеру тех, кто готов оправдать любое действие, направленное на продвижение глобальной империи, даже если такое действие влечет за собой убийства, геноцид и уничтожение окружающей среды; человека, который учит других идти по его стопам. Это моя исповедь.

Тот факт, что вы дошли до этого

места, свидетельствует о том, что моя исповедь затронула вас, что у меня и у вас есть много общего. Возможно, мы двигались по разным дорогам, но у нас были схожие средства передвижения, одинаковое топливо, мы ели в ресторанах с одинаковым выбором блюд. Для меня исповедование стало важнейшей составляющей моего пробуждения. Это первый шаг на пути к искуплению.

Теперь настала ваша очередь. Вам нужно принести свои признания. И когда вам станет понятно, кто вы есть, почему вы здесь именно в этот момент истории, почему вы делали именно те вещи,

которые делали, — и те, которыми вы можете гордиться, и другие — и в какую сторону вы будете двигаться дальше, вы немедленно испытаете чувство облегчения. Возможно, оно будет близко к эйфории. Поверьте, написание этой книги стало для меня глубоко эмоциональным, зачастую болезненным и унижительным делом. Оно было пугающим, как ничто из того, с чем я сталкивался раньше. Но я испытал чувство облегчения, которого не испытывал до этого, — чувство, которое я могу назвать экстатическим.

Задайте себе эти вопросы. В чем мне следует исповедаться? В чем я

обманывал себя и других? В чем я медлил? Почему я позволил себе оказаться затянутым в заведомо несбалансированную систему? Что я сделаю для того, чтобы наши дети и дети во всем мире имели возможность исполнить мечту наших отцов—основателей, мечту о жизни, свободе и праве на счастье? Что мне делать, чтобы прекратить голод, чтобы никогда не повторилось 11 сентября? Как помочь нашим детям понять, что людей, живущих потребительской, негармоничной жизнью, надо пожалеть, но ни в коем случае не подражать им, даже если эти люди представляют себя, с помощью средств массовой

информации, образцовыми гражданами и пытаются убедить нас, что пентхаузы и яхты приносят счастье? Каким образом я должен изменить свою позицию и восприятие? На каких трибунах я буду учить других и учиться сам?

Это насущные вопросы нашего времени. Каждому из нас необходимо найти на них свои ответы, ответы четкие и ясные. Пейн и Джефферсон и другие патриоты смотрят на нас. Их слова продолжают вдохновлять нас и сегодня. Души мужчин и женщин, оставивших свои фермы и рыбацкие лодки и вышедших, чтобы противостоять могучей Британской империи; души тех, кто боролся за

освобождение рабов во время Гражданской войны, тех, кто пожертвовал своей жизнью, чтобы защитить мир от фашизма, — их души говорят с нами. Так же как и души тех, кто оставался дома, шил одежду, производил продовольствие и морально поддерживал ушедших на фронт; всех мужчин и женщин, которые защищали завоеванное на этих полях сражений: учителя, поэты, артисты, предприниматели, врачи, рабочие... вы и я.

Настал наш час. Теперь наша очередь выйти на линию фронта, задать насущные вопросы, отыскать в своих душах ответы на них и действовать.

Случайные совпадения в вашей жизни и ваш выбор в связи с этими совпадениями подвели вас к этой точке...

Биография Джона Перкинса

1963 — Заканчивает подготовительную школу, поступает в колледж Миддлбери.

1964 — Знакомится с Фархадом, сыном иранского генерала. Уходит из Миддлбери.

1965 — Работает в корпорации «Херст ньюспейперз» в Бостоне.

1966 — Поступает в Колледж делового администрирования Бостонского университета.

1967 — Женится на бывшей однокурснице по Миддлбери; ее «дядя Фрэнк» занимает руководящий

пост в Агентстве национальной безопасности (АНБ).

1968 — Отбирается АНБ как идеальный экономический убийца. С помощью дяди Фрэнка вступает в Корпус мира и получает направление в Эквадорскую Амазонию, где местные племена воюют с нефтяными компаниями США.

1969 — Живет в ливневом лесу и в Андах. Становится свидетелем обманных и деструктивных действий нефтяных компаний и государственных учреждений и их негативных последствий для местных племен и окружающей среды.

1970 — В Эквадоре знакомится

с вице-президентом международной консалтинговой фирмы МЕЙН, который одновременно является контактным лицом АНБ.

1971 — Поступает на работу в международную консультационную фирму МЕЙН, проходит закрытое обучение в Бостоне как экономический убийца (ЭУ); в составе группы из одиннадцати человек выезжает на Яву, Индонезия. Испытывает угрызения совести из-за необходимости фальсифицировать экономические исследования.

1972 — Благодаря готовности «сотрудничать» занимает должность старшего экономиста; его рассматривают как

«многообещающего молодого
сотрудника». Знакомится с
высокопоставленными лицами,
включая президента Всемирного
банка Роберта Макнамару. Послан в
Панаму со специальным заданием.
Знакомится и получает поддержку от
Панамского президента и
харизматичного лидера Омара
Торрихоса; узнает об истории
империализма Соединенных Штатов
и о намерении Торрихоса вернуть
Канал Панаме.

1973 — Стремительный
карьерный рост. Строит империю
вместе с МЕЙН; продолжает
работать в Панаме; много
путешествует и проводит

исследования в Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

1974 — Способствует большому успеху ЭУ в Саудовской Аравии. Королевская семья дает согласие на инвестирование миллиардов долларов, полученных от импорта нефти, в ценные бумаги Соединенных Штатов и разрешает министерству финансов США использовать проценты по ценным бумагам для оплаты американских подрядчиков для строительства энергетических и оросительных систем, автомагистралей, портов и городов в королевстве. Соединенные Штаты гарантируют незыблемость правления королевской семьи. Это

станет моделью для будущих операций ЭУ, включая ту, которая в конечном итоге закончится провалом в Ираке.

1975 — Снова повышен в должности; становится самым молодым партнером за всю столетнюю историю существования МЕЙН; получает должность менеджера отдела экономики и регионального планирования. Публикует ряд важных статей; читает лекции в Гарвардском университете и других организациях.

1976 — Руководит крупнейшими проектами в разных частях света: в Африке, Азии, Латинской Америке, Северной Америке, на Ближнем

Востоке. Узнает от шаха Ирана о революционном подходе к строительству империи ЭУ.

1977 — Имея личные связи в Колумбии, из первых уст узнает о тяжелом положении фермеров, которых обвиняют в терроризме и наркоторговле, хотя на самом деле крестьяне пытаются защитить свои семьи и дома.

1978 — Бежит из Ирана с Фархадом. Вместе они летят в Рим, где живет отец Фархада, иранский генерал, который предсказывает скорую отставку шаха и возлагает вину за ненависть, захлестнувшую Ближний Восток, на политику США, коррумпированных лидеров и

деспотичных правителей. Он предупреждает, что, если США не смягчат свою политику, ситуация будет ухудшаться.

1979 — Испытывает угрызения совести, когда шах укрывается в его стране, иранцы штурмуют посольство США и захватывают 52 человека в заложники. Осознает, что Соединенные Штаты — это страна, которая пытается отрицать правду о своей империалистической деятельности в мире. После нескольких лет натянутых отношений и частых уходов разводится с первой женой.

1980 — Испытывает глубокую депрессию, вину; приходит к

пониманию, что деньги и власть заманили его в западную МЕЙН. Увольняется.

1981 — Испытывает глубочайшее волнение, когда президент Эквадора Хайме Ролдос (чья предвыборная кампания была построена на противостоянии нефтяным компаниям) и лидер Панамы Омар Торрихос (вызвавший ярость влиятельных компаний Вашингтона своей позицией по Панамскому каналу и военным базам США) погибают в авиакатастрофах, явно организованных ЦРУ. Во второй раз женится — на женщине, отец которой главный архитектор в «Бектел корпорейшн» и руководит

строительством городов в Саудовской Аравии — эта работа финансируется через сделку, организованную ЭУ в 1974 году.

1982 — Создает «Индепендент пауэр систем, инк.» («Ай–пи–эс»), компанию, производящую электроэнергию с помощью природосберегающих технологий. Становится отцом Джессики.

1983–1989 — Блистательный успех в качестве генерального директора «Ай–пи–эс». Получает значительную поддержку благодаря «случайным совпадениям» — знакомствам с высокопоставленными людьми, налоговым льготам и т. д. Будучи

отцом, испытывает недовольство от несправедливостей окружающего мира и своей бывшей роли ЭУ. Начинает книгу воспоминаний; ему предлагают высокооплачиваемую должность консультанта с условием, что он не будет писать эту книгу.

1990–1991 — После вторжения США в Панаму и пленения Норьеги продает «Ай–пи–эс» и уходит в отставку в сорок пять лет. Опять начинает писать книгу о своей работе ЭУ, но его убеждают направить усилия на создание некоммерческой организации — на этой деятельности, как ему объясняют, пагубно скажется написание подобной книги.

1992–2000 — Наблюдает за неудачами ЭУ в Ираке, повлекшими за собой войну в Персидском заливе. Три раза начинает писать книгу об ЭУ, но остановлен взятками и угрозами. Пытается успокоить совесть написанием книг о самобытных культурах, поддержкой некоммерческих организаций, чтением лекций для «Нью Эйдж», поездками в Амазонию и Гималаи, встречами с далай-ламой и т. д.

2001–2002 — Сопровождает группу североамериканцев в леса Амазонии; находится там, в местном племени, 11 сентября 2001 года. Проведя день на «Граунд Зеро», обещает себе написать книгу, которая

утолит его боль и расскажет правду об ЭУ.

2003–2004 — Возвращается в Эквадорскую Амазонию для встречи с местными племенами, объявившими войну нефтяным компаниям; пишет «Исповедь экономического убийцы».

Об авторе

Джон Перкинс прожил четыре жизни: как экономический убийца (ЭУ); как генеральный директор успешной компании по производству энергии из альтернативных источников, награжденный за молчание о своем прошлом экономического убийцы; как эксперт по самобытным культурам и шаманизму, преподаватель и писатель, использовавший свои

знания для решения экологических вопросов и продвижения экологически рациональных технологий, при этом продолжавший сохранять молчание о своей работе ЭУ; а теперь — как писатель, который, рассказав подлинную историю о своей необычной работе ЭУ, приподнял завесу над миром международных интриг и коррупции, который превращает американскую республику в глобальную империю, презируемую все большим

количеством людей на планете. Работа Джона как ЭУ заключалась в том, чтобы убедить страны третьего мира брать огромные кредиты для развития инфраструктуры — кредиты значительно более крупные, чем это было необходимо, и обеспечить выдачу контрактов на строительные работы таким американским корпорациям, как «Халлибертон» и «Бектел». Как только эти страны обременялись огромными

долгами, правительство США и связанные с ним международные агентства по оказанию помощи получали контроль над экономикой этих стран и соответственно могли использовать нефтяные и другие ресурсы этих стран для строительства глобальной империи.

В качестве ЭУ Джон путешествовал по всему миру и стал либо прямым участником, либо свидетелем самых драматических событий современной истории,

включая Операцию по отмыванию денег Саудовской Аравии, падение шаха Ирана, смерть президента Панамы Омара Торрихоса, последовавшее за этим вторжение в Панаму и события, приведшие к вторжению в Ирак в 2003 году. В 1980 году Перкинс основал «Индепендент пауэр систем, инк.» («Ай—пи—эс»), энергетическую компанию, использующую альтернативные источники энергии. Под его руководством в качестве

генерального директора
фирма достигла больших
успехов в рискованной
сфере бизнеса, тогда как
большинство конкурентов
потерпели неудачу.
Большое количество
«случайных совпадений», а
также помощь людей,
занимавших высокие
посты, помогла «Ай–пи–
эс» стать лидером в своей
области. Джон также
занимал
высокооплачиваемую
должность консультанта в
некоторых корпорациях,
которым когда–то он

помогал «наполнить карман», приняв эту должность, в частности, в ответ на некоторые угрозы и щедрые посулы.

После продажи «Ай-пи-эс» в 1990 году Джон становится защитником прав местных племен и участвует в природоохранных организациях, работает с племенами Амазонии, помогая сохранять их ливневые леса. Он написал пять книг, опубликованных на многих языках, о местных культурах, о

шаманизме, экологии, экологически устойчивых технологиях; преподавал в университетах и учебных центрах на четырех континентах; основал несколько ведущих некоммерческих организаций и был членом их советов директоров.

Одна из некоммерческих организаций, основанная и руководимая им, «Дрим чейндж коалишн» (впоследствии просто «Дрим чейндж», «Ди-си») стала образцом,

вдохновлявшим людей
добиваться своих целей и в
то же время более
внимательно относиться к
тому, как наша жизнь
воздействует на остальных
и на планету. «Ди-си»
стремится дать
возможность людям
создавать более
гармоничные и устойчивые
сообщества. Программа
«Ди-си» «Освобождение
Земли от загрязнения»
(POLE) борется с
атмосферными
загрязнениями,
создаваемыми нами,

помогает местным
племенам сохранять их
леса, пропагандирует
уважительное отношение к
природе. У «Ди-си»
появились последователи
во всем мире; она
вдохновила людей в других
странах на создание
организаций с
аналогичными задачами.

В 1990-х годах и в
начале нового тысячелетия
Джон хранил обет
молчания о своей работе
ЭУ, продолжая получать
очень высокую зарплату за
консультантские услуги.

Пытаясь заглушить чувство вины, он направлял значительную часть денег, которые он зарабатывал как консультант, в некоммерческие организации. «Артс энд энтертейнмент телевижн» посвятила ему отдельную передачу под названием «Охотники за головами в Амазонии» с комментариями Леонарда Нимой. «Итэлиан космополитан» опубликовала большую статью о его семинарах «Меняя форму» в Европе.

Журнал «Тайм» включил «Ди-си» в список тринадцати организаций в мире, чьи сайты в Интернете отражают идеи и задачи Дня земли. Затем наступило 11 сентября 2001 года. Ужасные события этого дня заставили Джона сдернуть завесу секретности с его деятельности ЭУ, не обращать внимания на взятки и угрозы и написать «Исповедь экономического убийцы». Он считает, что должен поделиться своими инсайдерскими

познаниями о роли
правительства США,
многочисленных
организаций «помощи» и
корпораций в создании
такого положения в мире,
при котором могли
произойти события 11
сентября. Он хотел
подчеркнуть тот факт, что
сегодня экономических
убийц больше, чем когда-
либо. Он чувствовал, что
должен сделать это ради
своей страны, ради дочери,
ради людей во всем мире,
которые терпят страдания
из-за действий таких, как

он и его коллеги, — и ради себя самого. В этой книге он рассказывает о том, какой опасный путь избрала его страна, отдаляясь от идеалов американской республики и продвигаясь к глобальной империи.

Ранее Джон написал книги «Меняя форму», «Мир таков, каким ты его видишь», «Психонавигация», «Без стресса» и «Дух шуаров».

Больше узнать о Джоне, выяснить, где он читает лекции, заказать его

книги или связаться с ним
вы можете на сайте
www.JohnPerkins.org

Чтобы узнать больше о
работе «Дрим чейндж»,
общественной
организации, подпадающей
под особую юридическую
категорию некоммерческой
(Раздел 501 ©3 Налогового
кодекса США), которая
борется за изменение
глобального сознания,
пожалуйста, зайдите на
сайт www.dreamchange.org.

Издательство
приглашает своих
читателей к обсуждению

проблем, затронутых в
книге «Исповедь
экономического убийцы»
На нашем сайте
www.pretext.ru работает
дискуссионный клуб,
открытый для всех
желающих. На сайте также
можно найти информацию
об участии в
международных
читательских форумах,
познакомиться с мнениями
зарубежных читателей,
узнать о конференциях и
встречах с авторами и
создателями книги.

Книгу «Исповедь

экономического убийцы»
можно приобрести у наших
партнеров: «Библио—
глобус», [www.biblio—
globus.ru](http://www.biblio—
globus.ru) «Молодая
гвардия» Москва, Б.
Полянка, 28,
www.bookmg.ru
Московский дом книги —
Москва, ул. Новый Арбат, д.
8, www.mdk—arbat.ru
«Омега—Л», [www.omega—
l.ru](http://www.omega—
l.ru) Сеть магазинов
«Букбери»,
www.bookberry.ru Сеть
магазинов «Новый
книжный»,
www.euroadress.ru Сеть

магазинов «Союз»,
www.soyuz.ru «Топ–книга»,
www.top–kniga.ru Торговый
дом Инфра–М, www.infra–
m.ru Торговый дом
«Кнорус», www.knorus.ru
Торговый дом «Лабиринт»,
www.labirint–press ru
Торговый дом «Москва»,
Москва, Тверская, 8,
www.moscowbooks ru а так
же непосредственно в
издательстве: тел.: (095)
774–19–12, e–mail:
dmitry@pretext ru

notes

Примечания

Международная

продовольственная программа ООН, <http://www.wfp.org/index.asp?section=1> (по состоянию на 27 декабря 2003 г.). Кроме того, согласно подсчетам Национальной ассоциации по предотвращению голода, "каждый день 34 000 детей, не достигших пяти лет, умирают от голода и болезней, которые можно предотвратить" (<http://www.nap-soc.org>, по данным на 27 декабря 2003 г.). По подсчетам Starvation.net, "если к этому прибавить умерших вследствие двух следующих по

распространенности (после голода) причин смерти беднейшего населения планеты — болезни, передаваемые через воду, и ВИЧ, — мы получим цифру 50 000 смертей в день" (<http://www.starvation.net>, 27 декабря 2003 г.).

Департамент США по
исследованиям в сельском хозяйстве,
отчет Food Research and Action Center
(FRAC), <http://www.frac.org> (27
декабря 2003 г.).

ООН. Отчет Human Development Report (New York: United Nations, 1999).

"В 1998 году эксперты Программы развития ООН подсчитали, что для обеспечения каждого человека на земле чистой водой и улучшения санитарных условий потребуется дополнительно 9 миллиардов долларов (помимо текущих расходов). Потребуется еще 12 миллиардов для того, чтобы предоставить медицинские услуги для обеспечения репродуктивного здоровья всех женщин в мире. Еще 13 миллиардов долларов будет достаточно для того, чтобы обеспечить не только достаточное

количество еды, но и базовые медицинские услуги. Еще 6 миллиардов позволят обеспечить всех базовым образованием... Все вместе это составляет до 40 миллиардов долларов США". Джон Роббинс, автор книги *Diet for a New America and The Food Revolution*, <http://www.foodrevolution.org> (27 декабря 2003 г.).

Gina Chavez et al., *Tarimiat-Firmes en Nuestro Territorio; FIPSE vs. ARCO*, eds. Mario Meto and Juana Sotomayor (Quito, Ecuador: CDES and CONAIE, 2002).

Sandy Tolan, "Ecuador: Lost Promises", National Public Radio, Morning Edition, July 9, 2003, <http://www.npr.org/programs/morning/fernandez> (9 июля 2003 г.).

Juan Forero, "Seeking Balance: Growth vs. Culture in the Amazon", New York Times, 10 декабря 2003 г.

Abby Ellin, "Suit Says ChevronTexaco Dumped Poisons in Ecuador", New York Times, 8 мая 2003 г. 04035 BK Perkins 10th print 3/28/05 16:33 Page 230.

Chris Jochnick, "Perilous Prosperity," *New Internationalist*, June 2001,

<http://www.newint.org/issue335/perilous>

Дополнительную информацию вы найдете также в книге Pamela Martin, *The Globalization of Contentious Politics: The Amazonian Indigenous Rights Movement* (New York: Rutledge, 2002); Kimerling, *Amazon Crude* (New York: Natural Resource Defense Council, 1991); Leslie Wirpsa, trans., *Upheaval in the Back: Yard; illegitimafe Debts and Human Rights—The Case of Ecuador—Norway* (Quito, Ecuador:

Centro de Derechos Económicos y Sociales, 2002); and Gregory Palast, "Inside Corporate America", Guardian, 8 октября 2000 г.

Информацию о влиянии нефти на национальную и мировую экономику вы найдете в книге Michael T. Kiare, *Resource Wars; The New Landscape of GbM Convict* (New York: Henry Holt and Company, 2001); Daniel Yergin, *The Prize; The Epic Quest/or Ой, Money & Power* (New York: Free Press, 1993); and Daniel Yergin and Joseph Stanislaw, *The Commanding Heights: The Battle for the World Economy* (New York: Simon & Schuster, 2001).

James S. Henry, "Where the Money Went", *Across the Board*, Март/апрель 2004, с. 42–45. Дополнительную информацию см. в его же книге *The Blood Bankers; Tales from the Global Underground Economy* (New York: Four Walls Eight Windows, 2003).

Gina Chavez et al., *Tarimiat-Firmes en Nuestro ierritorto; FiPSE vs.ARCO*, eds. Mario Melo and Juana Sotomayor (Quito, Ecuador: CDES andCONAIE, 2002); Petry!eo, *Ambiente y Derechos en la Amazona CentroSur*, Editiyn VHctor Lypez A, Centro de Derechos Econymicos y Sociales,OPIP, IACYT-A (under the aus pices of Oxfam America) (Quito, Ecuador: Sergrafic, 2002).

Sandy Tolan, "Ecuador: Lost Promises", National Public Radio, MorningEdition, July 9, 2003, <http://www.npr.org/programs/morning/fe> (9 июля 2003 г.).

Дополнительная информация о шакалах и других типах наемных убийц содержится в книгах P.W. Singer, *Corporate Warriors; The Rise of the Privatized Military industry* (Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2003); James R. Davis, *Fortune's Warriors; Private Armies and the New World Order* (Vancouver and Toronto: Douglas & McIntyre, 2000); Felix I. Rodriguez and John Weisman, *Shadow Warrior; The CM Hero of 100 Unknown Battles* (New York: Simon and Schuster, 1989).

Подробное описание этой роковой операции вы найдете в книге Stephen Kinzer, *AI the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2003).

Jane Mayer, "Contract Sport: What Did the Vice-President Do for Halliburton?", *New Yorker*, February 16 & 23, 2004, c 83.

Больше об Индонезии и ее истории вы можете прочитать в книге Jean Gelman Taylor, *indonesia; Peoples and Histories* (New Haven and London: Yale University Press, 2003); and Theodore Friend, *indonesian Destinies* (Cambridge MA and London: The Belknap Press of Harvard University, 2003).

Theodore Friend, *indonesian Destinies* (Cambridge MA and London: The Belknap Press of Harvard University, 2003), c 5.

See David McCuMough, *The Path Between the Seas; The Creation of the Panama Canal 1870–1914* (New York: Simon and Schuster, 1999); William Friar, *Portrait of the Panama Canal; From Construction to the Twenty–First Century* (New York: Graphic Arts Publishing Company, 1999); Graham Greene, *Conversations with the General* (New York: Pocket Books, 1984).

See "Zapata Petroleum Corp.", Fortune, апрель 1958, с. 248; Darwin Payne, initiative in Energy; Dresser industries, inc. 1880–1978 (New York: Simon and Schuster, 1979); Steve Pizzo et al., inside Job; The Looting of America's Savings and Loans (New York: McGraw Hill, 1989); Gary Webb, Dark Alliance; The CIA, The Contras, and the Crack Cocaine Explosion (New York: Seven Stories Press, 1999); Gerard Colby and Charlotte Denet, Thy Will Be Done, The Conquest of the Amazon; Nelson Rockefeller and Evangehsm in the Age of Oil (New

York: HarperCollins, 1995).

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997); Omar Torrijos Herrera, *idearto* (Editorial Universitaria Centroamericano, 1983); Graham Greene, *Conversations with the General* (New York: Pocket Books, 1984).

Graham Greene, *Conversations with the General* (New York: Pocket Books, 1984); Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997).

Derrick Jensen, *A Language Older than Words* (New York: Context Books, 2000), c 86–88.

Graham Greene, *Conversations with the Generals* (New York: Pocket Books, 1984); Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997).

William Shawcross: *The Shah's Last Ride; The Fate of ally* (New York: Simon and Schuster, 1988); Stephen Kinzer, *After the Shah's Men; An American Coup and the Roots of Middle East Terror* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2003), c 45.

Об Арбенсе, "Юнайтед фрут" и полной насилия истории Гватемалы написано очень много; например, можно обратиться к (мой профессор политологии в Бостонском университете) Howard Zinn, A People's History of the United States (New York: Harper & Row, 1980); Diane K. Stanley, For the Record; The United Fruit Company's Sixty-Six Years in Guatemala (Guatemala City: Centro Impresor Piedra Santa, 1994). Короткие справки вы найдете в: "The Banana Republic: The United Fruit Company", <http://www.mayapar->

adise.com/ufcle.html; "CIA Involved in
Guatemala Coup, 1954,
[http://www.english.upenn.edu/-
afilreis/50s/guatemala.html](http://www.english.upenn.edu/-afilreis/50s/guatemala.html). Более
подробная информация об участии
семьи Буш содержится в: "Zarata
Petroleum Corp.", Fortune, апрель
1958, с. 248.

"Robert S. McNamara: 8th Secretary of Defense", <http://www.defenselink.mil> (23 декабря 2003 г.).

Более подробно о событиях, приведших к нефтяному эмбарго 1973 г., и о его последствиях читайте в: Thomas W. Lippman, *Inside the Mirage: America's Fragile Partnership with Saudi Arabia* (Boulder CO: Westview Press, 2004), с 155–159; Daniel Yergin, *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power* (New York: Free Press, 1993); Stephen Schneider, *The Oil Price Revolution* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983); Ian Seymour, *OPEC: instrument of Change* (London: McMillan, 1980).

Thomas W. Lippman, inside the Mirage; America's Fragile Partnershtp with Saud; Arabia (Boulder CO: Westview Press, 2004), c 160.

David Holden and Richard Johns, *The House o/Saud; The Rise and Rufe of the Most Powerful Dynasty in the Arab World* (New York: Holt Rinehart and Winston, 1981), c 359.

Thomas W. Lippman, inside the Mirage; America's Fragile Partnership with Saudi Arabia (Boulder CO: Westview Press, 2004), c 167.

Robert Baer, *Sleeping with the Devil; How Washington Sold Our Soul for Saudi Oil* (New York: Crown Publishers, 2003), c 26.

Thomas W. Lippman, *Inside the Mirage: America's Fragile Partnership with Saudi Arabia* (Boulder CO: Westview Press, 2004), c 162.

Thomas W. Lippman, *Inside the Mirage; America's FragHe Partnership with Saudi Arabia* (Boulder CO: Westview Press, 2004), c 2.

Henry Wasswa, "Idi Amin,
Murderous Ugandan Dictator, Dies",
Associated Press, 17 августа 2003 г.

"The Saudi Connection", U.S.
News & World Report, 15 декабря
2003 г., с. 21.

"The Saudi Connection", U.S. News & World Report, 15 декабря 2003 г., с. 19, 20, 26.

Craig Unger, "Saving the Saudis", *Vanity Fair*, октябрь 2003 г. Более подробная информация об участии семьи Буш в "Бектел" и т. д. содержится в: "Zapata Petroleum Corp.", *Fortune*, April 1958, p. 248; Darwin Payne, *Initiative in Energy: Dresser industries, Inc. 1880–1978* (New York: Simon and Schuster, 1979); Nathan Vardi, "Desert Storm: Bechtel Group Is Leading the Charge-, and "Contacts for Contracts-, both in *Forbes*, 23 июня 2003 г., с. 63–66; Graydon Carter, "Editor's Letter: Fly the Friendly Skies... — *Vantty Fair*, октябрь 2003;

Richard A. Oppel with Diana B. Henriques, "A Nation at War: The Contractor. Company has ties in Washington, and to Iraq-, New York Times, 18 апреля 2003 г.

Например: John M. Perkins, "Colonialism in Panama Has No Place in 1975", Boston Evening Globe, Op-Ed page, September 19, 1975; John M. Perkins, "U.S. — Brazil Pact Upsets Ecuador", The Boston Globe, Op-Ed page, 10 мая 1976 г.

Статьи Джона Перкинса, опубликованные в технических журналах: John M. Perkins et al., "A Markov Process Applied to Forecasting, Part I—Economic Development—and "A Markov Process Applied to Forecasting, Part II—The Demand for Electricity-, The Institute of Electrical and Electronics Engineers, Conference Papers C 73 475—1 (июль 1973) и C 74 146—7 (январь 1974) соответственно; John M. Perkins and Nadipuram R. Prasad, "A Model for Describing Direct and Indirect Interrelationships Between the Economy and the Environment-,

Consulting Engineer, апрель 1973; Edwin Vennard, John M. Perkins, and Robert C Ender, "Electric Demand from Interconnected Systems-, TAPPi Journal (Technical Association of the Pulp and Paper Industry), 28th Conference Edition, 1974; John M. Perkins et al., "Iranian Steel: Implications for the Economy and the Demand for Electricity—and "Markov Method Applied to Planning-, presented at the Fourth Iranian Conference on Engineering, Pahlavi University, Shiraz, Iran, 12–16 мая 1974 г.; и Economic Theories and Applications; A Collection of Technical Papers with a Foreword by John M. Perkins (Boston: Chas. T. Main, Inc., 1975).

John M. Perkins, "Colonialism in Panama Has No Place in 1975-, Boston Evening Globe, Op-Ed page, 19 сентября 1975 г.

Graham Greene, *Getting to Know the General* (New York: Pocket Books, 1984), c 89–90.

Graham Greene, *Getting to Know the General* (New York: Pocket Books, 1984).

William Shawcross, *The Shah's Last Ride. — The Pate of an Ally* (New York: Simon and Schuster, 1988). Более подробно о восхождении шаха к власти читайте в: H. D. S. Greenway, "The Iran Conspiracy", *New York Review of Books*, 23 сентября 2003 г.; Stephen Kinzer, *AN the Shah's Men; An Amerctcan Coup and the Roots of Middle East Terror* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2003).

Более подробно о Ямине, проекте "Цветущая пустыня" и Иране читайте в: John Perkins, Shapeshifting (Rochester, VT: Destiny Books, 1997).

Более подробно о восхождении шаха к власти читайте в: H.D.S. Greenway, "The Iran Conspiracy". New York Review of Books, 23 сентября 2003 г.; Stephen Kinzer, All the Shah's Men.' An American Coup and the Roots of Middle East Terror (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2003).

Об аятолле Хомейни читайте в
статьях в журнале TIME от 12
февраля 1979 г., 7 января 1980 г. и 17
августа 1987 г.

Gerard Colby and Charlotte Denet, *Thy Will Be Done, The Conquest of the Amazon*. — Nelson Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil (New York: Harper Collins, 1995), c 381.

Подробности о ЛИЛ, ее истории, деятельности и связях с нефтяными компаниями и семьей Рокфеллер вы найдете в: Gerard Colby and Charlotte Denet, *Thy Will Be Done, The Conquest of the Amazon; Nelson Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil* (New York: HarperCollins, 1995); Joe Kane, *Savages* (New York: Alfred A. Knopf, 1995) (информация о Рейчел Сейнт на с. 85, 156, 227).

John D. Martz, *Politics and Petroleum in Ecuador* (New Brunswick and Oxford: Transaction Books, 1987), c 272.

Jose Carvajal Candall, "Objetivos y Políticas de CEPE" (Quito, Ecuador: Primer Seminario, 1979), c 88.

John D. Martz, *Politics and Petrofeum in Ecuador* (New Brunswick and Oxford:Transactton Books, 1987), c 272.

Gerard Colby and Charlotte Dennet: *Thy Will Be Done, The Conquest of the Amazon; Nelson Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil* (New York, HarperCollins, 1995), c 813.

John D. Martz, *Politics and Petroleum in Ecuador* (New Brunswick and Oxford: Transaction Books, 1987), c 303.

John D. Martz, *Politics and Petroleum in Ecuador* (New Brunswick and Oxford: Transaction Books, 1987), c 381, 400.

Graham Greene, *Getting to Know the General* (New York: Pocket Books, 1984), c 11.

Джордж Шульц был министром финансов и председателем Совета по экономической политике при Никсоне — Форде в 1972–1974 годах, исполнительным президентом "Бектел" в 1974–1982 годах, госсекретарем при Рейгане — Буше в 1982–1989 годах; Каспар Уайнбергер был директором Отдела управления и бюджета (Office of Management and Budget) и министром здравоохранения, образования и социального обеспечения при Никсоне. 1973–1975, вице-президент и генеральный советник "Бектел"

груп" в 1975–1980 годах, министр обороны при Рейгане — Буше в 1980–1987 годах.

о время слушаний 1973 года в связи с уотергейтом в своих показаниях Сенату США Джон Дин первым рассказал о заговоре США с целью устранения Торрихоса; в 1975 году в результате запросов Сената в ЦРУ, сделанных сенатором Фрэнком Черчем, были получены дополнительные свидетельства и документы в связи с планом устранения Торрихоса и Норьеги. Обратитесь, например, к книге Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House,

1997), c 107.

Дополнительную информацию об "Ай-пи-эс" и ее дочерней фирме "Арчбальд пауэр корпорейшн" и бывшем генеральном директоре фирмы Джоне Перкинсе вы можете найти в статьях: Jack M. Daly and Thomas J. Duffy, "Burning Coal's Waste at Archbald", Civil Engineering, июль 1988; Vince Coveleskie, "Co-Generation Plant Attributes Cited", The Scranton Times, 17 октября 1987 г.; Robert Curran, "Archibald Facility Dedicated", Scranton Trtbune, 17 октября 1987 г.; "Archibald Plant Will Turn Coal Waste into Power", Citizen's

Voice, Wilkes-Barre, PA, 6 июня 1988 г.; "Liabilities to Assets: Culm to Light, Food", editorial, Citizen's Voice, Wilkes-Barre, PA, 7 июня 1988 г.

Joe Conason, "The George W. Bush Success Story", Harpers Magazine, февраль 2000; Craig Unger, "Saving the Saudis", Vanity Fair, октябрь 2003 г., с. 165.

Craig Unger, "Saving the Saudis",
Vanity Fair, October 2003, c 178.

See George Lardner Jr. and Lois Romano, "The Turning Point After Coming Up Dry", Washington Post, July 30, 1999; Joe Conason, "The George W. Bush Success Story", Harpers Magazine, February 2000; and Sam Parry, "The Bush Family Oiligarchy—Part Two: The Third Generation", <http://www.newnetizen.com/presidentialai>, (19 апреля 2002 г.).

Эта теория приобрела особое значение и вот-вот должна была стать предметом рассмотрения общественности, когда несколько лет спустя стало ясно, что высокоуважаемая фирма "Артур Андерсен!" вошла в сговор с высокопоставленными сотрудниками "Энрон", чтобы обманным путем получить миллиарды долларов за счет потребителей электроэнергии, сотрудников "Энрон" и американских граждан. Надвигавшаяся война в Ираке 2003 года отвлекла внимание. Во время

войны Бахрейн играл значительную роль в стратегии президента Буша.

Jim Garrison, *American Empire; Global Leader or Rogue Power?* (San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2004), c 38.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c 56.

David Harris, *Shooting the Moon; The True Story of an American Manhunt Unlike Any Other, Ever* (Boston: Little, Brown and Company, 2001), c 31–34.

David Harris, *Shootng the Moon; The True Story of an American Manhunt Unlike Any Other, Ever* (Boston: Little, Brown and Company, 2001), c 43.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), с 212; см. также Craig Unger, "Saving the Saudis-", *Vanity Fair*, октябрь 2003, с. 165.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c 114.

CM.

www.famoustexans.com/georgebush.htm,

c 2.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c 56–57.

David Harris, *Shootng the Moon; The True Story of an American Manhunt Unlike Any Other, Ever* (Boston: Little, Brown and Company, 2001), c 6.

www.famoustexans.com/georgebush

c. 3.

David Harris, *Shooting the Moon; The True Story of an American Manhunt Any Other, Ever* (Boston: Little, Brown and Company, 2001), c 4.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c 248.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c 211.

Manuel Noriega with Peter Eisner, *The Memoirs of Manuel Noriega, America's Prisoner* (New York: Random House, 1997), c XXI.

Morris Barrett, "The Web's Wild World-", TIME, April 26,1999, c 62.

Подробнее читайте в книге Joe Kane, *Savages* (New York: Alfred A. Knopf, 1995).

"Venezuela on the Brink",
редакционная статья, New York
Times, 18 декабря 2002 г.

The Revolution Will Not Be Televised, постановка Kim Bartley и Donnacha O'Briain (в сотрудничестве с the Irish Film Board, 2003). См. www.chavezthefilm.com.

"Venezuelan President Forced to Resign", Associated Press, 12 апреля 2002 г.

Simon Romero, "Tenuous Truce in Venezuela for the State and its Oil Company", New York Times, 24 апреля 2002 г.

Bob Edwards, "What Went Wrong with the Oil Dream in Venezuela-", National Public Radio, Morning Edition, 8 июля 2003 г.

Ginger Thompson, "Venezuela Strikers Keep Pressure on Chávez and Oil Export", New York Times, 30 декабря 2002 г.

Больше о шакалах и других типах убийц см. P. W. Singer, *Corporate Warriors; The Rise of the Privatized Military Tndustry* (Ithaca NY and London: Cornell University Press, 2003); James R. Davis, *Fortune's Warriors; Private Armies and the New World Order* (Vancouver and Toronto: Douglas & McIntyre, 2000); Felix I. Rodriguez and John Weisman, *Shadow Warrior; The CIA Hero of 100 Unknown Battles* (New York: Simon and Schuster, 1989).

Tim Weiner, "A Coup by Any Other Name", New York Times, 14 апреля 2002 г.

"Venezuela Leader Urges 20 Years
for Strike Chiefs", Associated Press, 22
февраля 2003 г.

Paul Richter, "U.S. Had Talks on Chavez Ouster", Los Angeles Times, 17 апреля 2002 г.

Chris Jochnick, "Perilous Prosperity", New Internationalist, июнь 2001,
<http://www.newint.org/issue335/perilous>

United Nations. Human Development Report (New York: United Nations, 1999).

Дополнительная информация о ситуации с заложниками в статьях: Alan Zibei, "Natives Seek Redress for Pollution Oakland Tribune, 10 декабря 2002 г.; Ноу (Quito, ежедневная газета Эквадора), статьи от 10–28 декабря 2003 г.; "Achuar Free Eight Oil Hostages", El Comercio (ежедневная газета Кито), 16 декабря 2002 г. (также повторено Рейтер); "Ecuador: Oil Firm Stops Work because Staff Seized, Demands Government Action?" and "Sarayacu — Indigenous Groups to Discuss Release of Kidnapped Oil Men", El Universo (Guayaquil, Ecuador,

ежедневная газета), <http://www.eluniverso.com>, 24 декабря 2002 г.; and Juan Forero, "Seeking Balance: Growth vs. Culture in the Amazon", New York Times, 10 декабря 2003 г. Самая свежая информация о людях Эквадорской Амазонии на сайте Pachamama Alliance Web site: <http://www.pachamama.org>.

Статистические данные о национальном долге по информации Bureau of the Public Debt приводятся на сайте www.publicdebt.treas.gov/opd/opdpenny статистические данные Всемирного банка о национальном доходе: www.worldbank.org/data/databytopic/G

Elizabeth Becker and Richard A. Oppel, "A Nation at War: Reconstruction. U.S. Gives Bechtel a Major Contract in Rebuilding Iraq," New York Times, 18 апреля 2003 г., <http://www.nytimes.com/2003/04/18/inte>

Richard A. Oppel with Diana B. Henriques, "A Nation at War: The Contractor. Company Has Ties in Washington, and to Iraq", New York Times, 18 апреля 2003 г., <http://www.nytimes.com/2003/04/18/inte>

<http://money.cnn.com/2003/04/17/news/energy/energy.bechtel/index.htm>.

Energy Information Administration,
отчет в USA Today, 1 марта 2004 г., с.
1. Institute de Recursos Hidraulicos y
Electrificacion, 109 PURPA, 225
SAVAK, 161 USAID, 71